

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2019

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)
С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2019
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2019

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2019

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. V. N. Egorov, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. N. B. Gafizova (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. E. V. Pankratova (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2019
© Ivanovo State University, 2019

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 3—16
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 3—16
ББК 60.542.2
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНЗИЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru

Статья посвящена малоисследованной проблеме формирования нового гендерного порядка как одного из видов социальных транзаций в условиях глобализации: транзаций социогендерной. Рассматриваются ее сущность, формы выражения, конфликтогенность. Центральное место занимает анализ категории «новый гендерный порядок», ее научного и практического содержания, отличия от «женского вопроса» как ведущей парадигмы XIX—XX вв., а также видов данного порядка, его страновой направленности, масштабности распространения, объективных детерминант. Описываются некоторые количественные измерительные показатели нового гендерного порядка, динамика рейтинга стран по индексу гендерного неравенства; раскрывается связь этого порядка с гендерным равноправием и гендерным равенством. Процесс формирования нового гендерного порядка рассматривается в социологической парадигме модусов социального времени.

Ключевые слова: гендерный порядок, социальная транзация, гендерная структура, гендерная асимметрия, мир-система, страновой порядок, социогендерная транзация, «женский вопрос», гендерная социология, порядок гетерогамный, многополовой гендер, индекс гендерного равноправия, индекс гендерного неравенства, мультипликативный половой индекс, гендерная миграционная девиантность, киберфеминизм.

SOCIAL TRANSITIONS AND THE FORMATION OF A NEW GENDER ORDER

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The article is devoted to the little-studied problem of a new gender order formation as one of the types of social transitions in the context of globalization: the social-gender transition. Its essence, forms of expression and conflict potential are analyzed. The analysis of the category “new gender order”, its scientific and practical content, types, the difference from the “women’s issue” as the leading paradigm of the XIX—XX cc., country orientation and scale of distribution as well as its objective determinants are the central topics of the article. Measuring indicators of the new gender order, the dynamics of the ranking of countries by the gender inequality index are described. Also there is the connection between the new gender order and gender equality. Theoretically, the process of forming a new gender order is considered in the sociological paradigm of social time modi.

Key words: gender order, social transition, gender structure, gender asymmetry, world-system, country order, socio-gender transition, “women’s issue”, gender sociology, heterogamous order, multi-gender gender, Gender Equality Index, Gender Inequality Index, Multiplicative Sexual Index, gender migration deviance, cyberfeminism.

«Гендер»: тональность звучания с годами усиливается

Много нового продолжают привносить в реальный социальный мир глобализация и развитие мир-системы в ее условиях. После распада СССР, а с ним и социалистической мир-системы как неотъемлемой части мировой системы, стал протекать процесс консолидации однополярного мира, пересмотра (если не сказать — ревизии) социальных и социокультурных различий в ценностной, экономической и политической системах стран, поспешивших включиться в капиталистическую интеграцию, частью которой является и *новый гендерный порядок*.

Научный мир все еще «шелестит» дискуссиями по поводу понятия «гендер», приписывая ему разнообразные свойства — от биологических до социальных, от индивидуальных до групповых, подходами от медицинского до социологического, от марксистского до постмодернистского. Поэтому сразу отмечу, что сущностно-простейшее определение понятия «гендер» дано в специальном заявлении, сделанном председателем Пекинской конференции: «...термин “гендерный” в том виде, в каком он используется в Платформе действий Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, должен толковаться и пониматься в его обычном общепринятом значении... “пол, род, происхождение”» [Доклад... , 1995: 177]. Мы придерживаемся тех же позиций, получивших развитие в концепции гендерной социологии как частной социологической теории, которая была институционально закреплена в авторской редакции в Социологической энциклопедии (2003 г.) [Социологическая энциклопедия, 2003: 521], и составивших концептуальные положения научной школы «Гендерная

и экономическая социология», начавшей свое развитие на базе Академии общественных наук и Советской социологической ассоциации в 1990 г. [Силласте, 2016b]. За эти годы реализованы многие значимые социологические проекты по анализу гендерных микро-, а особенно макросоциальных процессов. В фокусе внимания исследователей научной школы — новые социальные и социогендерные феномены, проявляющиеся в условиях глобализации, нуждающиеся в социологической диагностике и внимании практиков социального управления.

Таким предметом анализа с 2017 г. стал новый гендерный порядок, к этому понятию нередко добавляют эпитет «мировой». Первая научная работа на данную тему вышла в 2017 г. в сборнике по материалам XVIII Международных гендерных чтений «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты», состоявшихся в Финансовом университете при Правительстве РФ [Силласте, 2017]. Социальный феномен нового гендерного порядка, бесспорно, достоин изучения и социологических размышлений, которые изложу в формате семи социологических сюжетов.

Сюжет 1. Социальные транзичии как движущая сила формирования нового гендерного порядка

Почему точкой отсчета в анализе является *социальная транзичия* и в чем ее сущность? Социальные транзичии сопровождают развитие транзитивной экономики и представляют собой глубинные изменения кодовых социальных ценностей под влиянием происходящих в обществе кардинальных политических и экономических преобразований, трансформирующих социальную и демографическую структуры общества и влекущих за собой смещения в традиционных духовно-ценностных ориентациях социальных общностей, социальных групп и личности. Самыми крупными социально-демографическими общностями являются две: мужчины и женщины.

Оценивая кардинальные изменения в глобальном мире, пересмотр традиционных ценностных норм и образа жизни, невольно вспоминаешь фильм «Этот безумный, безумный, безумный мир», нашумевший в начале 60-х гг. прошлого столетия (режиссер С. Крамер, 1963 г.). Но, видимо, только теперь, оказавшись в эпицентре этого мира, мы в полной мере осознаем глубину безумности того разноликого мира капиталистической экономики и капиталистических отношений, к которому примкнули.

Смена института собственности и политическая дестабилизация, ставшие прародителями российской транзитивной экономики, обусловили транзичии в социальной, духовной и даже семейно-бытовой сферах. Социально-политический разворот в сторону постмодернистских ценностных норм повлек за собой сложнейшие транзичии во всей системе общественных отношений, захватив сферу социогендерных отношений. Эта сфера всегда являлась чувствительным индикатором гуманности общества, его прогрессивности и демократичности. Лозунг перестройки и демократизации начала 90-х гг. прошлого столетия «Демократия без женщин — не демократия» сегодня не только не устарел, но и, напротив, приобрел новые оттенки звучания в связи с распространением концепции нового мирового гендерного порядка [Силласте, 1991].

Как оценить происходящие в мире *социогендерные трансзиции*? (Введу такое определение.) Прежде всего через анализ сущности мировых трендов в области гендерных отношений и социальных механизмов их распространения в страновом социуме среди представителей мужской и женской гендерных общностей; через исследования влияния привносимых новых гендерных норм, представлений и социальных ценностей на изменение уклада, порядка и образа жизни мужчин и женщин, семьи и родительских отношений (являющихся, как и семейные, неразрывной частью отношений социальных); через замер конфликтогенности новых норм пропагандируемого гендерного порядка, а на данной основе измерение широты распространения этих норм и социальных рисков нового гендерного порядка, прежде всего рисков для баланса гендерной структуры общества и важнейших институтов воспроизводства: семьи и материнства, родительства и отцовства, а также детства. На базе такого многомерного анализа можно прийти к практическим управленческим выводам о характере нового гендерного порядка, его деструкциях или, напротив, конструктивном воздействии.

Следует отметить, что социальные деструкции 90-х гг. были разносторонне проанализированы с социологической точки зрения в монографии «Гендерная социология и российская реальность», ставшей своего рода гендерной онтологией российской реальности транзитивного периода 1990-х — начала 2000-х гг. [Силласте, 2016а]. Что и как изменилось за это время?

Сюжет 2. «Гендерный порядок» и «женский вопрос»: от модуса прошлого социального времени к модусу настоящего

В соответствии с социологической парадигмой социального времени социальные процессы и результаты их развития имеют три модуса временного измерения: модус прошлого, настоящего и будущего.

Начнем с модуса прошлого социального времени. Почему «гендерный порядок», а не «женский вопрос»? Термин «женский вопрос» появился в конце XIX — начале XX в. и получил мировое распространение в работах ученых, политиков, общественных деятелей и в прогрессивной феминистике. Известный российский ученый профессор В. И. Хвостов, автор капитальной научной монографии «Женщина и человеческое достоинство» (1914 г.), писал: «Выдвинутый новейшей историей вопрос о положении женщин в обществе является одним из важнейших вопросов современности. <...> Речь идет о том, какое положение должна занимать женщина в обществе, соответствует ли положение, преподносимое в идеале, тому, которое сложилось в действительности, и если не соответствует, то какими причинами вызвано это несоответствие и какими средствами может быть устранено» [Хвостов, 1914: 24].

«Женский вопрос» в формах, рожденных XIX в., к концу XX — началу XXI в. для цивилизованных стран (и капиталистических, и социалистических), в том числе для СССР и современной России, в целом можно считать решенным (исходя из того состояния, в котором он достался нашей стране к 1917—1918 гг.). Раскрепощение женщин было одной из центральных задач всего цивилизованного сообщества XX в. Итогом века XX и стартовыми позициями начала XXI в. стала женщина эмансипированная, образованная, полистатусная и много-ролевая, способная к солидаризации в защите своих социальных интересов,

динамичная и инновационно чувствительная. Одним словом, женщина-созидательница. Это, без сомнения, колоссальный прогресс и социальное завоевание ушедшего в историю XX в.

Но наряду с созидательной силой, женщины как гендерная общность в процессе консолидации интересов в борьбе с социальной дискриминацией способны стать и конфликтогенной силой, солидаризируясь для защиты своих прав как неотъемлемой части прав человека. Примеров тому история может привести много, в том числе российских. При этом следует учитывать особенность движения России по маршруту от века XX, века «от сохи» и мировых войн, к веку XXI, веку космоса и цифровых технологий. Капиталистический мир проходил этот путь длительно и эволюционно. Россия — турбулентно, очень быстро и для истории неординарно, ибо на пути этого движения страна трижды на протяжении всего одного столетия меняла траекторию своего развития: от капитализма к социализму, а из него обратной дорогой... «Назад к победе капитализма!» Тем не менее это не остановило общество и государство в последовательном решении «женского вопроса» и внедрении таких прогрессивных социальных, политических, экономических, духовно-нравственных и гуманистических решений, которые сделали советский опыт и социальные технологии эмансипации женщин уникальными, притягивающими к себе внимание многих стран.

Однако, используя терминологию теоретика глобализации И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2003], следует сказать, что мир-система, как самодостаточная социальная система с границами и жизненным пространством, подвижна, динамична и способна трансформироваться в новые формы с новым набором ценностей и установок. Примером тому является трансформация «женского вопроса» в парадигму нового гендерного порядка.

Сюжет 3. Гендерный порядок в модусе настоящего социального времени

Прежде всего отмечу, что гендерный порядок рассматривается мною как часть порядка социального, который отражает идею организованности общественной жизни и упорядоченности социального действия индивидов (как субъектов и субъектов общественной системы). Развивается социальный порядок благодаря системе взаимоподдерживающих процессов, разновидностью которых являются и процессы гендерные. И если не сводить гендерные отношения лишь к сфере сексуального, а рассматривать их в контексте вида социальных отношений, то можно заключить, что *гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению*. В эпицентре гендерного порядка — достижение гендерного равноправия, развитие эгалитарности. А это значит, что задачи в контексте социального времени ставятся значительно шире, чем при старом гендерном порядке. В чем разница?

Первое принципиальное отличие заключается в том, что целевая установка состоит в достижении не только *равноправия женщин* (как одной из макросоциальных гендерных общностей), но и равноправия второй половины этой гендерно-дихотомической пары — *равноправия мужчин*. К такой постановке вопроса мы явно не привыкли. Даже теперь, формально подписав международные

декларации, конвенции и прочие документы по вопросам гендерного равенства, наши властные институты утверждают Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 годы. Никто не станет спорить со справедливостью констатации в Национальной стратегии того исторического факта, что «современные женщины имеют высокий уровень образования, профессиональные и карьерные интересы, при этом воспитание детей и присмотр за ними, а также членами семьи, требующими постоянного присмотра и ухода, в том числе по состоянию здоровья, осуществляются преимущественно женщинами, что создает трудности в совмещении ими семейных обязанностей и трудовой деятельности» [Национальная стратегия... , 2017: 6]. Не сказала бы, что в этом утверждении есть нечто новое по сравнению с принципами старого гендерного порядка в формате «женского вопроса». Данное положение де-факто декларируется уже 100 лет. Хотя Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко справедливо отметила, что стратегия действий в интересах женщин — это важный шаг для воплощения конституционного принципа равноправия полов.

Сложный это вопрос — обеспечение гендерного равноправия. Иногда его путают с гендерным равенством. Однако данные понятия не одно и то же. И в этом второе отличие нового гендерного порядка от старого, в связи с чем сделаем небольшое теоретическое отступление.

Равноправие — это признанное равенство граждан перед государством, законом, судом; один из существенных элементов демократии.

Равенство же в социальном контексте (а не в математическом) — это один из идеалов справедливого общественного устройства, обеспечивающего всестороннее развитие всех членов общества. Возникла данная проблема в связи с его классовым делением. Капитализм провозгласил принцип равенства всех перед законом и свел его фактически к формально-юридическим процедурам и контролю (без учета различий в социальном положении людей). При социализме утверждается равенство в отношении к средствам производства, а также политическое и национальное равноправие трудящихся, равенство мужчин и женщин, равное право всех на труд, на оплату по труду, на комплекс социальных гарантий [Советский энциклопедический словарь, 1990: 1101].

Для решения «женского вопроса» в советский период в большей мере была характерна борьба женщин за равенство их положения в обществе наряду с мужчинами, и это положение полностью поддерживалось Конституцией СССР. Возврат к системе капиталистических отношений принципиально изменил акценты между равенством и равноправием. Принятие в 1993 г. Конституции РФ, в ст. 19 (п. 3) которой заявляется, что «мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации», имело принципиальное значение [Конституция РФ, 1993], но статья до сих пор носит преимущественно декларативный характер, так как система мер, обеспечивающих реализацию этого положения, разработана слабо. Однако для продвижения нового гендерного порядка ст. 19 Основного Закона РФ играет роль стартовой установки.

Третья отличительная черта нового гендерного порядка состоит в том, что он выдвигает в качестве равновесного и равноправного субъекта действий и субъекта полноценного общественного внимания *институт отцовства*. В отличие от содержания «женского вопроса» при старом гендерном порядке,

где институт отцовства социально «не звучал», при новом гендерном порядке он выступает в качестве равновесного материнству социального института, имеющего важное значение для достижения гендерного равноправия. В контексте признания паритетной социальной значимости институтов материнства и отцовства становится реальной законодательная постановка вопроса о равных семейных обязанностях мужчин и женщин. Есть и другие отличия, но остановлюсь на приведенных трех.

Таким образом, в XXI в. вопрос обеспечения гендерного равенства ставится не в ограничительных рамках «женского вопроса», а в социально-правовом диапазоне достижения равенства положения в обществе обеих гендерных общностей — и женской и мужской — независимо от возраста, социального статуса и социально-территориальной структуры расселения.

В основе категории гендерного порядка лежит признание необходимости учета гендерного фактора во всем, что происходит в социальной среде, при этом ее масштабы и страновые особенности не имеют значения. Более того, гендерный порядок рассматривается как *статусный гражданский порядок*, для которого характерно неравномерное распределение благ и престижа по признаку пола. Закрепляется гендерный порядок в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами, а также внутри групп, определяемых признаком пола.

Можно сказать, что формирующийся в мире новый гендерный порядок — это своего рода новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе принципа гендерного равноправия. Но это будет означать и определенный пересмотр ряда прошлых норм — юридических и нравственных, социальных и моральных, связанных с социально-правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и в мир-системе в целом. Поэтому изменение традиционного (по меркам прошлого столетия) социального положения женщин как гендерной общности повлекло за собой цепочку социальных и политических коррекций и вновь поставило в фокус внимания идеологию равенства и равноправия.

Нынешний этап достижения гендерного равноправия развивается с учетом уже исторически достигнутого, с одной стороны, и динамических изменений положения мужчин и женщин в социальной, политической, экономической, семейно-бытовой, социокультурной и коммуникативно-идеологической сферах жизни — с другой. Но теперь уже в социальном пространстве возможностей XXI в., эпохи глобализма, экономического модернизма и либерализма, новых технологий и форм жизни, современного уровня политической культуры и норм поведения. Это социальная почва нового гендерного порядка, внешним предметом которого является гендерное равноправие и технологии его социального конструирования. Внутренним — конфликт интересов в страновых социальных системах по вопросу правовых и морально-нравственных границ нового гендерного порядка, методов его продвижения.

Напрашивается вопрос: «А был ли в прошлом гендерный порядок?» Безусловно, был. Это и матриархат, и патриархат, стержнем которых оставался вопрос власти и равноправия женщин и мужчин в системе общественных отношений.

Какой гендерный порядок в мире сегодня? Единого определения нет. Хотя встречаются характеристики типа суррогатный, постмодернистский, постфеминистский, переходный, транзитивный, фемининный. Я бы назвала этот порядок гетерогамным (от гр. *heteros* — другой и *gamos* — брак). Как любой феномен транзитивного периода, гетерогамный гендерный порядок содержит синтез разных норм: и тех, от которых в каких-то странах отказываются, и тех, которые в других сохраняют.

На основании категории «гендерный порядок» можно дать характеристику любой страны и государства, более объективно сопоставить страны в контексте развития гендерного равенства. Встает вопрос: а есть ли гендерный порядок в российских субъектах, а если есть, то какой он. Думаю, такой показатель был бы не лишним и при определении качества социального (человеческого) потенциала регионов, и как элемент характеристики человеческого капитала.

Сюжет 4. Все ли прогрессивно в формирующемся новом гендерном порядке?

Если пользоваться советом Козьмы Пруtkова и «зреть в корень», то следует признать: за идеологической вуалью нового гендерного порядка скрыт главный объект столкновения интересов — *семья*, наступление на ее традиционную форму — родительскую семью с четким историческим разделением функций отца и матери по половому признаку, семью как союз ребенка, матери и отца. Создание такой семьи исключено в однополых браках, которые легализованы в 27 странах Европы, Северной и Южной Америки и пропагандируются как доказательство достигнутого гендерного равноправия, демократизации и свободы. По сути, это процесс легализации гендерно-нейтрального супружества. Процесс не последнего времени. Первой страной, официально разрешившей регистрировать партнерские отношения между гомосексуалами, стала Швеция (1995 г.). Далее сработала цепная реакция: Нидерланды (с 1 апреля 2001 г.), Бельгия (2003 г.), Франция (утверждение в 2013 г. закона «Брак для всех») и т. д. Причем принимались все эти законы на фоне массовых выступлений приверженцев традиционных семейных, сексуальных и родительских ориентаций, но агрессивное давление меньшинства получило поддержку и официальных лиц, и законодателей, и лоббистов. Однако есть и обратные примеры (хотя и редкие): губернатор Бермудских островов в феврале 2018 г. подписал закон об отмене права гомосексуальных пар на вступление в брак. Но доминантной западной тенденцией пока остается легализация квазибраков.

В этом вопросе скрыт, пожалуй, главный конфликтоген формирующегося нового гендерного порядка. Его ядро (предмет) — ценностный конфликт между исторически сложившимися нормами образования семьи, супружества, родительства и семейного воспитания с равными правами участия в нем отца и матери, с одной стороны, и законами об однополых браках, которые основываются на свободе гендерного выбора мужчиной, женщиной, ребенком своего ролевого пола, индивидуальной гендерной идентичности (право записывать в паспорте тот пол, который объекту идентификации больше нравится, кем он себя ощущает без оглядки на биологический пол по рождению), с другой стороны.

Согласно философии *многополового гендера*, право на создание «семьи» и воспитание детей имеют все виды «гендеров»: гомосексуалы, бисексуалы, транссексуалы и многие другие, среди которых западные сексологи и психологи выделяют уже около 50 «гендерных» полов, а по сути, квазиполов. Как показывает анализ, агрессивность сексуальных меньшинств, скорее всего, будет возрастать. Обуславливает этот процесс в разных странах и интенсивное развитие рынка сексуальных услуг с его огромными сверхприбылями и растущим количеством потребителей.

Еще один объективный фактор — интенсивность миграционных процессов и гендерная структура мигрантов (в которой очень высок процент молодых безработных мужчин). Мигрантские группы отличаются своими этическими и религиозными нормами отношения к женщинам, длительностью разрыва реальных семейных связей. На этом фоне насильственное поведение мужчин-мигрантов в отношении «не своих» женщин (что наблюдалось в Германии, и не только) может принять устойчивые формы *гендерной миграционной девиантности*.

Следует также отметить, что либерализация в массовом сознании отношения к ревизии традиционных ценностей институтов семьи и родительства, размывание представлений о так называемых «родовой матери» и «родовом отце» (родители, реально причастные к рождению ребенка) психологически подготовлены развитием суррогатного материнства.

Еще один важный фактор легализации однополых браков как элемента нового гендерного порядка в западноевропейских странах — позиции церкви и института религии в целом. Если в католических странах священнослужители не имеют права создавать семью и соответственно развивать семейные отношения, то стоит ли удивляться громким сексуальным скандалам, связанным с участием католических священников в изнасилованиях, и приверженности однополую браку. В то же время православная церковь исторически поддерживает семью, укрепление семейных уз священнослужителей. Достаточно вспомнить русские сказки про попа и попадью.

Главным социальным институтом продвижения нового гендерного порядка является институт права, который зачастую подавляет институт общественного мнения и оценки сторонников сохранения традиционных норм развития институтов брака и семьи. Неслучайно борьба за равенство полов в странах Евросоюза везде начинается с выступлений сексуального меньшинства за законодательную легализацию однополых «браков».

В то же время гуманный контекст нового гендерного порядка предполагает удовлетворение в равной степени жизненно важных социальных интересов личностей и женского и мужского пола через реализацию конституционных норм и прав, но теперь уже — на труд и его оплату, охрану здоровья и доступные медицинское обслуживание и образование, на личную безопасность и получение информации.

На этой основе можно анализировать успешность (безуспешность) продвижения нового гендерного порядка, обеспечение гендерного равноправия в разных областях жизнедеятельности общества: в экономике и политике, культуре и образовании, науке и семейно-бытовой жизни. Совокупность данных показателей позволяет комплексно оценить качество гендерного порядка и рассчитать индекс гендерного равноправия в стране.

Новый гендерный порядок постепенно будет завоевывать свои позиции, раздвигая конституционные и законодательные рамки гендерного равноправия. Но тактика защиты законодательства семейно-брачного, трудового и других направлений в соответствии с историческими нормами морали и культурно-ценностным кодом остается прерогативой каждой страны. Что и делает Российская Федерация, несмотря на неоднократные попытки стран Евросоюза навязать России в ходе разных переговоров вопрос о нарушении прав сексуальных меньшинств.

Сюжет 5. Поддается ли измерению процесс формирования нового гендерного порядка

Итак, если исходить из того, что составными элементами гендерного порядка как нового вида социальной системы являются нормы, политическая культура и социальные институты, целенаправленно формирующие определенное отношение населения, органов власти и социальных организаций к гендерным проблемам и стратегиям их решения, то можно сформулировать и задачи социального управления этим процессом.

Особое место занимает вопрос измеряемости показателей гендерного странового и мирового порядка. В качестве одного из таких показателей в Программе развития Организации Объединенных Наций, в частности, предлагается использовать *индекс равноправия полов (Gender Equality Index)*, отражающий степень того, насколько в данной стране равны права женщин и мужчин и насколько одинаковы их условия труда и заработная плата.

Есть и другой количественный показатель — *Индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index)*, разработанный НПО «Всемирный экономический форум». Форумом предложен ряд количественных показателей для измерения успешности формирования странового гендерного порядка. С этой целью необходимо учитывать: процессы в гендерной структуре населения и демографическую ситуацию; гендерную асимметрию среди занятых, безработных и обучающихся; индексы гендерной и профессиональной сегрегации (поддающиеся расчету и сопоставимости), гендерную смертность и свехсмертность; гендерную дискриминацию и гендерный разрыв (индексы соотношения полов на рынке труда и индексы женской занятости). Однако данные показатели в российской гендерной статистике практически не используются.

Индекс гендерного неравенства рассчитывается на основе *глобальных индексов гендерного неравенства* в четырех базовых сферах: по вертикали это экономика и политика; по горизонтали — образование и здоровье. Образованное векторами социогендерное пространство очерчивает контур достижения гендерного равноправия в решающих областях развития государства и общества. Рейтинг стран по индексу гендерного неравенства представлен в таблице.

В рейтинге стран по индексу гендерного неравенства Россия занимала в 2006 г. 49-е место, в 2012-м опустилась на 59-е (из 96). Кто стал первым? Исландия, которая в 2012 г. переместилась на первое место с четвертого. Сегодня Россия подвергается критике международных гендерных агентств чаще всего за недостаточное представительство женщин в высших эшелонах власти, реже — за дискриминацию и сегрегацию в ряде сфер труда и занятости.

Рейтинг некоторых стран по индексу гендерного неравенства*

Страна	Место в рейтинге (2012 г.)	Значение индекса гендерного неравенства	Место в рейтинге (2006 г.)
Исландия	1	0,8640	4
Финляндия	2	0,8451	3
Норвегия	3	0,8403	2
Швеция	4	0,8159	1
Ирландия	5	0,7839	10
Дания	7	0,7777	8
Швейцария	10	0,7672	26
Казахстан	31	0,7213	32
Россия	59	0,6980	49
Армения	92	0,6636	н/д
Таджикистан	96	0,6608	н/д

Предлагается еще один показатель — демографический. Это расчетный мультипликативный половой индекс «старшего» поколения, дающий возможность проследить изменения, происходящие в поколенческих гендерных когортах. Так, по данным демографов, когорта россиян 45—49 лет находится на стадии перехода из «феминизированного» состояния к гендерной асимметрии в пользу мужчин [Мунины, 2011]. Если считать мужскую часть населения более продуктивной, чем женскую, больше тяготеющую к традиционализму в отношениях мужчин и женщин, созданию семьи, формам трудовой занятости и карьерному продвижению, то можно определить способность этой когорты к развитию. Сегодня она оценивается как высокая по сравнению с рядом стран мирового сообщества, США в частности. На основе данных российских переписей населения эти показатели рассчитаны также для регионов и субъектов РФ. Чем полезен расчет мультипликативного полового индекса для анализа гендерного порядка? Во-первых, он позволяет глубже и объективнее оценивать социальную реальность, ее скрытые особенности и возможности; разнообразие связей между возрастными гендерными когортами. А это важная информация в условиях глобального информационного воздействия на гендерную специфику занятого в экономике населения, его адаптивность к цифровым и информационным технологиям.

В распространении идей и направлений нового гендерного порядка все активнее используется теория *киберфеминизма*, являющаяся предшественницей *сетевого феминизма*. Термин вошел в оборот в начале 90-х гг. прошлого столетия на волне популяризации идей феминистских исследователей, занимавшихся изучением гендерной специфики Интернета и технологиями новых медиа. Киберпространство и Интернет — это, по мнению исследователей, зоны, свободные от таких социальных конструктов, как половые и гендерные различия.

* Hausman R., Tyson L. D., Zahidi S. The Global Gender Gap Report 2012 / World Economic Forum. Geneva, 2012.

Поэтому киберфеминизм рассматривает киберпространство и Интернет в качестве инструментов для ликвидации пола и гендера, совершенствования человеческих возможностей в духе *трансгуманизма*.

В узком смысле эта философская концепция подразумевает активное использование технологических достижений для качественного улучшения человеческих физических и умственных возможностей. Теория киберфеминизма — духовно небезопасная теория, имеющая достаточно активную поддержку среди сторонников нового мирового гендерного порядка в западных странах.

Выводы в модусе будущего социального времени

1. Прежде всего следует подчеркнуть, что парадигма нового гендерного порядка — не звонкая фраза, а сложный социальный феномен XXI в., относиться к которому следует не эмоционально (отрицая понятие или замещая его по старинке «женским вопросом»), а скорее рационально, внимательно отслеживая его продвижение в обществе.

2. Вместе с тем идея некоего универсального мирового гендерного порядка на данном этапе представляется утопичной, так как забегает вперед социального времени.

Процесс в контексте модуса настоящего социального времени сводится к формированию прежде всего нового странового гендерного порядка в ареале собственного экономического, социокультурного, правового и демографического пространства. Поэтому новый гендерный порядок уже реально формируется, и немецкий, и французский, и шведский, и российский...

3. Возникновение странового разнообразия гендерных порядков сегодня естественный и динамично протекающий процесс, который в условиях глобализации и неограниченности информационного пространства поддается анализу и критическому отбору. В то же время в большинстве случаев процесс интеллектуального и управленческого осмысления отстает от скорости ретрансляции гендерных деструкций западноевропейского гендерного порядка и подражания им, особенно в отношении семьи, защиты детей и родительства.

4. Формирование нового гендерного порядка — процесс глобальный и продолжительный. Сегодня мировое сообщество лишь в начале этого противоречивого и очень сложного пути, на котором каждому государству предстоит, с одной стороны, определиться исходя из своих национальных особенностей, культуры, исторических традиций и обычаев, законодательной преемственности, а с другой — понять и учитывать наступательно-агрессивный и деструктивный характер ряда западных гендерных новаций в достижении гендерного равенства и равноправия.

5. Принципиально важная конструктивная роль в этом процессе принадлежит законодательным и судебным органам, уполномоченным по правам человека (в том числе женщин, детей, инвалидов и т. д.), чья работа тем эффективнее, чем теснее их сотрудничество с научными и общественными организациями.

России предстоит наполнять содержание категории нового гендерного порядка своим национально-ценностным содержанием без сканирования западного опыта, а через его осмысление и критический отбор лучшего.

Библиографический список

- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
- Доклад Четвертой Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 4—15 сентября 1995 г.) / Организация Объединенных Наций. Пекин, 1995. 202 с.
- Конституция Российской Федерации. М.: Норма, 1993. 64 с.
- Муницип. П. И. Демографические аспекты теории устойчивого развития общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2011. № 1. С. 34—35.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. URL: <http://eawfpress.ru/about/organizatsiyam/strategia2017.php> (дата обращения: 15.01.2018).
- Силласте Г. Г. Демократия без женщин — не демократия: социологические очерки. М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 1991. 240 с.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016а. 638 с.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология: от научных поисков и споров к научной школе. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016б. 79 с.
- Силласте Г. Г. От решения «женского вопроса» к формированию нового «гендерного порядка» // Новая социальная реальность и гендерное равенство в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты: сборник материалов XVIII Международных гендерных чтений / под ред. Г. Г. Силласте. М.: НИИ экономики Юж. федер. окр., 2017. Ч. 1. С. 27—31.
- Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Сов. энцикл., 1990. 1632 с.
- Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 861 с.
- Хвостов В. И. Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнёва, 1914. 510 с.

References

- Doklad Chetvërtoj Vsemirnoj konferentsii po polozheniiu zhenshchin (Pekin, 4—15 sentiabria 1995 g.)* (1995) [Report of the Fourth World Conference on Women (Beijing, 4—15 September 1995)], Organizatsiia Ob"edinënykh Natsiï, Beijing.
- Khvostov, V. I. (1914) *Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo* [Woman and human dignity], Moscow: Izdanie G. A. Lemana i B. D. Pletnëva.
- Munini, P. I. (2011) Demograficheskie aspekty teorii ustoichivogo razvitiia obshchestva [Demographic aspects of the theory of sustainable development of society], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Sotsiologiya, no. 1, pp. 34—35.
- Sillaste, G. G. (1991) *Demokratiia bez zhenshchin — ne demokratiia: Sotsiologicheskie ocherki* [Democracy without women is not democracy: Sociological essays], Moscow: Diplomaticheskaiia akademiia MID RF.
- Sillaste, G. G. (2016a) *Gendernaia sotsiologiya i rossiiskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M.
- Sillaste, G. G. (2016b) *Gendernaia sotsiologiya: ot nauchnykh poiskov i sporov k nauchnoï shkole* [Gender sociology: from scientific research and debate to a scientific school], Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia.
- Sillaste, G. G. (2017) Ot resheniia “zhenskogo voprosa” k formirovaniu novogo “gendernogo poriadka” [From the solution of “the women’s issue” to the formation of a new “gender order”], in: Sillaste, G. G. (ed.), *Novaia sotsial'naia real'nost' i gendernoe ravnopravie v Rossii i za rubezhom 100 let spustia: istoricheskie uroki i sotsial'nye gorizonty*, pt. 1,

Moscow: Nauchno-issledovatel'skiĭ institut ėkonomiki Iuzhnogo federal'nogo okruga, pp. 27—31.

Sotsiologičeskaja ėntsiklopediia (2003) [Sociological encyclopedia], Moscow: Mysl'.

Sovetskii ėntsiklopedičeskii slovar' (1990) [Soviet encyclopedic dictionary], Moscow: Sovetskaja ėntsiklopediia.

Vallerstaĭn, I. (2003) *Konets znakomogo mira: Sotsiologija XXI veka* [The end of the familiar world: Sociology of the XXI century], Moscow: Logos.

Статья поступила 14.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 17—31
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.2

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 17—31
ББК 66.3(2Рос),123
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.2

ФРАКТАЛЬНОСТЬ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО РЕСУРСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. А. Кашина^a, Л. А. Василенко^b

^a Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

Анализируются возможности использования синергичного потенциала социума, связанные с оптимизацией гендерных отношений в обществе и выравниванием ресурсообеспеченности гендерных групп. Вводится понятие гендерного ресурса как потенциала общественных изменений, порождаемого включением в государственную политику задачи оптимизации управления биологическим и социальным воспроизводством населения. Раскрывается фрактальный характер гендерных отношений в обществе. Показывается связь фракталов гендерных отношений, ролей и статусов гендерных групп с характером использования государством гендерного ресурса. Обосновывается необходимость перехода к новым фракталам гендерных отношений, позволяющим интенсифицировать применение гендерного ресурса государственной политики и управления.

Ключевые слова: биологическое и социальное воспроизводство, гендерные отношения, гендерный ресурс, государственная политика и управление, фрактал.

**FRACTALITY OF GENDER RELATIONS AND THE USE
OF GENDER RESOURCE OF THE PUBLIC POLICY
AND ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA**

M. A. Kashina^a, L. A. Vasilenko^b

^aNorth-West Institute of Management — Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, Kashina_soc@inbox.ru

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

The authors analyze the possibilities of using the synergistic potential of the society which is related to the optimization of gender relations in the society and equalization of the resource availability for the gender groups. The notion of a gender resource is presented as a possibility of social changes which is derived from the inclusion of the task of population's biological and social reproduction optimization in the activities of the public administration bodies. In the article two forms of using the gender resource are considered. The first form is an extensive (wasteful) one. It means the policy of gender relations conservation and the promotion of traditional gender norms. The second form is could be called intensive (increasing). In this case the government will modernize the gender relations and norms. The article reveals the fractal nature of gender relations in the society, the connection of fractals of gender relations, roles and statuses of gender groups with the nature of the use of the gender resource by the public administration. It also substantiates the necessity and conditions for the transition to new fractals of gender relations that allow to intensify the application of the gender resource of the governmental policy and administration.

Key words: biological and social reproduction, gender relations, gender resource, public policy and administration, fractal.

Поиск новых ресурсов развития, ведущийся Правительством России в целях решения задач, поставленных Президентом РФ В. В. Путиным¹, актуализирует анализ синергического потенциала социума, одним из проявлений которого выступает гендерный ресурс государственной политики и управления (подробнее см.: [Кашина, 2018]).

Методология исследования

Эффективное управление обществом требует выявления всего спектра возможных факторов, которые могут стать причиной смены направления течения социальных процессов. Одним из таких факторов в глобализирующемся информационном обществе является характер отношений больших социальных групп — женщин и мужчин. Эти отношения могут модернизироваться,

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.10.2018).

консервироваться или даже регрессировать, возвращаясь к уже пройденным этапам общественного развития. Государство играет ведущую роль в этих процессах, хотя нельзя недооценивать и других акторов гендерной политики — общественные и бизнес-организации, СМИ, а также международное сообщество.

Современная гендерная политика Российской Федерации реализуется в соответствии с Национальной стратегией действий в интересах женщин на 2017—2022 гг.² Сложный процесс разработки и принятия этой стратегии обусловлен противоречивостью ценностных оснований российского общества, амбивалентностью его отношения к гендерным проблемам. Стратегия практически обошла стороной трудности мужской части населения России, требующие не менее серьезного внимания государства, чем трудности женщин. Она во многом демонстрирует использование традиционных управленческих способов решения гендерных проблем. Однако даже в этом «усеченном» варианте Стратегия неоднозначно принята в нашем обществе. Далеко не все считают ее необходимой. Доказательством может служить дискуссия, развернувшаяся в российской части Интернета после того, как проект стратегии был опубликован для общественного обсуждения. Так, к примеру, председатель общественного движения «Семья, любовь, Отечество» Л. А. Рябиченко полагает, что «негативное отношение к роли матери и хозяйки, заложенное в Стратегии в качестве основного мотива для изменения государственной политики, является прямой угрозой семейным и духовно-нравственным ценностям и традициям»³.

Противоречивость ценностных оснований российского общества выражается в том, что, с одной стороны, усиливается тенденция возврата к старым патриархальным семейным ценностям [Василенко, Кашина, 2015; Гурко, 2013; Муравьева, 2014]; с другой — процессы глобализации и цифровизации требуют распространения в обществе ценностей модернизированных.

Маятник качнулся в сторону от модернизационных тенденций мировой цивилизации и в силу роста в России влияния ортодоксальных религиозных институтов, которые закрепляют представление о вторичности значения женщин в общественном развитии. В общественном сознании актуализируются традиционные роли мужчин и женщин. Феминистки со своим достаточно экспрессивным выражением протеста против насилия и дискриминации по признаку пола становятся объектом серьезной критики в СМИ. Феминизм и гендерные исследования в России все чаще связывают с призывом к свободе в сексуальных отношениях и пропагандой нетрадиционной сексуальной ориентации, ведущими к разрушению традиционной семьи (см., напр.: [Устинкин и др., 2016]). Это зачастую выступает безосновательным «доказательством» того, что европейские ценности (в том числе и равноправие женщин и мужчин) не соответствуют российскому менталитету, а значит, женщинам не место в политике и на руководящих постах.

² Национальная стратегия действий в интересах женщин: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 г. № 410-р. URL: <http://government.ru/docs/26698/media/files/njlkIvH7WCvOiyRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

³ Рябиченко Л. А. Политика России впервые переориентируется на противостояние полов и борьбу с «мужским доминированием» // Русская народная линия. 2017. 9 марта. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/09/politika_rossii_vperve_pereorientiruetsya_na_protivostoyanie_polov_i_borbu_s_muzhskim_dominirovaniem/ (дата обращения: 20.10.2018).

В то же время для российского общества все более насущными становятся тенденции глобального цивилизационного развития, что, например, выражается в принятии Правительством России программы цифровизации. Информационное общество не основано на физической силе, в виртуальном пространстве биологические (возрастные, половые и др.) и гендерные различия утрачивают свое стратифицирующее значение. На первый план выходят совершенно иные факторы, связанные с производством и использованием информационного контента. Среда, в которую погружен современный человек, представляет собой хаотизированное самоорганизующееся пространство разделяемых смыслов и культурных кодов, создающее соответствующий контекст и условия деятельности социальных агентов. Актуализированная часть пользователей сети Интернет участвует в трансляции национальной культуры, ценностей, традиций, образцов поведения и действий новым поколениям, формирует самосознание и мышление, образ жизни, жизненную позицию, социальную активность личностей и социальных общностей. И эти коммуникационные процессы предполагают обращение к современным (модернизированным) гендерным нормам и ценностям, основанным не на идее господства одного пола над другим, а на необходимости их партнерства.

Все сказанное выше актуализирует анализ природы гендерных отношений и поиск способов их учета в гендерной политике государства.

Гендерные отношения в российском обществе и государственная гендерная политика неоднократно становились предметом исследований отечественных авторов. Социологи, политологи, историки и экономисты анализируют формы, механизмы и способы поддержания гендерного неравенства в обществе, акцентируя внимание на объективности процесса перехода от традиционных гендерных отношений (патриархатных) к современным (эгалитарным) (см., напр.: [Айвазова, 2017; Калабихина, 2011; Рябова, Овчарова, 2016; Середина, 2011; Хасбулатова, 2015]). Они показывают взаимосвязь и преемственность советских и постсоветских гендерных контрактов и их влияние на положение женщин и мужчин в обществе [Айвазова, 2011]. Особое внимание уделяется феномену гендерной политики и ее месту в общей системе социальной политики государства [Климашевская, Крутов, 2013; Константинова, 2017; Меланьин, 2013], гендерным аспектам функционирования политических элит [Канапьянова, 2007; Козлова, 2016]. В то же время критика непоследовательности и неэффективности проводимой государством гендерной политики редко переходит в разработку практических рекомендаций по изменению ситуации, что связано, скорее всего, не с отсутствием таких предложений у авторов, а с пониманием ими институциональных ограничений для их реализации. Легитимированность гендерного неравенства в России, подкрепляемая традиционными религиозными ценностями и консервативной идеологией, сводит на нет попытку ученых сместить фокус государственной гендерной политики в сторону отказа от абсолютного пронатализма и акцентирования безусловной приоритетности материнской роли женщины.

Тем не менее обозначенные выше вызовы современности требуют активизации поиска новых моделей гендерной политики государства на основе методологии, более релевантной, чем пронатализм и традиционализм. В качестве

такой методологии может выступить теория фрактальности гендерных отношений, позволяющая вскрыть их рекурсивную природу, дополненная полипарадигмальной концепцией гендерного ресурса государственной политики и управления, отличительной чертой которой выступает акцент на взаимовыгодности равноправного сотрудничества гендерных групп.

Цель статьи — определить условия перехода к новым (современным) фракталам гендерных отношений, позволяющим интенсифицировать применение гендерного ресурса государственной политики и управления.

Авторы ставят следующие задачи:

- раскрыть фрактальный характер гендерных отношений в обществе;
- показать связь фракталов гендерных отношений, ролей и статусов гендерных групп с характером использования государством гендерного ресурса;
- обосновать необходимость перехода к новым фракталам гендерных отношений как условие расширенного воспроизводства и интенсивного использования гендерного ресурса государственной политики и управления.

Фрактальная природа гендерного разрыва и асимметрии

Историческая память подразумевает не просто знание конкретных фактов, но прежде всего наличие фиксированных образов прошлого: гендерных установок и принципов поведения, которые обрели свою социальную значимость у потомков и включены в стратегию индивидуальной и групповой деятельности в соответствующем обществе [Овчарова, 2017: 104]. С этой точки зрения гендерную асимметрию можно рассматривать как фрактал, эволюционно и рекурсивно воспроизводимый в социуме. Фрактальный характер социальных процессов как особой части живой природы подробно рассмотрен в статье Л. А. Василенко, Л. А. Колесниковой и М. П. Пискаловой-Паркер «Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии» [Василенко и др., 2012]. Фрактальное самоподобие представляет собой особый механизм обратных связей, обусловленный итерационными процессами. Именно рекурсивное циклическое повторение изначальной формы по одному и тому же правилу в различном масштабе определяет универсальность механизма фрактального упорядочения, в том числе отношений между мужчинами и женщинами.

Деструктивные фрактальные образцы, культурные традиции, связанные с опытом существования общностей в условиях прошлых общественных формаций, когда господствовал принцип выживания сильнейших, упорно и настойчиво загоняют нас в «колею», о которой говорит А. А. Аузан, рассматривая институциональную экономику [Аузан, 2017]. Стереотип об оправданности силового утверждения своего влияния в экономике и политике аналогичен устаревшему стереотипу об отношениях между полами, конфессиями, расами и нациями, когда есть доминирующие и доминируемые. Парадокс в том, что силовой захват реализуется сегодня под флагом демократии. При этом суть остается прежней — овладеть доступом к ресурсам и не допустить к ним конкурентов, обозначив их (в том числе культурно-символически) как слабых, неспособных, недостойных.

Однако есть и иные пути развития, другой опыт порождения новых культурных традиций, новых фракталов. В свое время жители Древней Руси отказались от язычества в пользу православия, после победы большевиков советский народ

отказался от религии в пользу атеистической коммунистической идеологии. В эпоху перестройки и экономических реформ россияне отказались от социалистического строя в пользу институтов рыночной экономики. Примеры можно продолжать. В нашей стране накоплен огромный опыт поиска и принятия иных фрактальных образцов, когда появляется осознание того, что старые образцы невыгодны всем, что они не дают возможности выходить на новый уровень развития, а сегодня конкурентоспособность на глобальном уровне важна всем без исключения. Новые зарождающиеся фрактальные образцы могут закрепляться в общественном сознании и становиться общепризнанной нормой. Примером тому выступает принципиальный отказ мирового сообщества от рабства, так как оно невыгодно всем, хотя в эпоху войн рабство в том или ином виде опять всплывает как «историческая память», вспоминание путей развития в прошлом, некоторого фрактального образца прошлого, способствовавшего выживанию.

Противоречия мужчин и женщин как противоречия, возникающие в процессе биологического и социального воспроизводства общества, связаны с гендерными ролями и их исполнением. В структурно-функциональном анализе гендерные роли взаимодополняемы, комплементарны и поэтому непротиворечивы [Parsons, Bales, 1955], но на практике это совсем не так. Возьмем в качестве примера насущные для России проблемы аборт и алименты. Здесь противоречия интересов мужчин и женщин в отношении детей особенно наглядны. На самом деле, следуя диалектической логике, мы можем рассматривать эти противоречия как источник развития, т. е. модернизации гендерных ролей. Мужчины — одинокие отцы — пример разрешения таких противоречий, правда, не совсем конструктивного, как, впрочем, и одинокие матери.

Существование различий, в том числе между мужчинами и женщинами, может рассматриваться как источник развития только при условии их синергического взаимодействия в соответствии с фундаментальным научным принципом дополнительности Бора⁴. Как скоро рекурсивные процессы распространения новых образцов преодолеют засилье фрактальных образцов прошлого? Это зависит от скорости появления новых конструктивных и выгодных всем фрактальных образцов поведения и взаимодействия, обладающих необходимыми чертами конкурентоспособности. В нашем случае конструктивный фрактал связан с формированием современного (модернизированного) типа гендерных отношений, что и выступает гендерным ресурсом развития общества. Задача государства в этом контексте — найти конструктивные способы разрешения объективно существующих противоречий гендерных групп.

Гендерная асимметрия и государственное управление

Очевидно, что управлять каким-либо процессом можно только имея в руках необходимые инструменты. Поиск адекватных инструментов управления, в том числе гендерными процессами, ведется в теории и на практике постоянно. В то же время именно здесь заметно ожесточенное сопротивление российской системы управления использованию современных подходов и методов, оказываемое

⁴ *Бажанов В. А.* Дополнительности (принцип) // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2009. С. 210.

в числе прочего и с целью недопущения к управлению новых социальных субъектов, что по факту означает препятствование демократизации политической системы. Здесь в полной мере срабатывает известный постулат Ф. Энгельса о том, что государство является орудием «экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом» [Энгельс, 1980: 199]. Политолог А. И. Соловьев полагает, что российские политические элиты изобретают «все более изощренные схемы перераспределения общественных благ в пользу высших слоев общества, а «социально ориентированная» политика государства сохраняет устойчивую тенденцию к увеличению бедности в стране, распространению алкоголизма и суицидальных настроений, резкому снижению численности среднего класса» [Соловьев, 2016: 103].

Сегодня в России идут сложнейшие и противоречивые процессы создания механизмов участвующего управления, предусматривающих вовлечение в государственное управление все новых и новых политических акторов. Без этого развитие демократии невозможно, однако с их полноценным включением в политические процессы возникают проблемы: не подорвет ли это стабильность государства и, что более важно, будет ли это безопасно для правящей элиты, которой есть что терять. Существующая в российской политике гендерная асимметрия свидетельствует прежде всего об отстранении женщин от возможности определять вектор политического и социально-экономического развития страны. В пореформенной России число женщин-депутатов высшего представительного органа страны — Государственной думы Федерального собрания РФ ни разу не превысило 20 %. А в составе Государственной думы третьего созыва, работавшей на рубеже столетий, женщин было всего 7,6 % (табл. 1). В этом плане соединение марксистского подхода к государству как орудию правящего класса и веберовской теории рациональной бюрократии как государственного аппарата, реализующего решения, принятые политиками, происходит вполне органично, если мы будем рассматривать данное соединение с точки зрения существования политиков (лиц, принимающих решения) и чиновников (администраторов). Известная мысль М. Вебера о том, что чиновник должен выполнять любое решение, которое примет вышестоящий руководитель, даже если он с ним не согласен [Вебер, 1990: 666], подчеркивает служебный характер государственного аппарата.

Политики принимают решения в интересах класса, пришедшего к власти (принцип «добычи»), а чиновники, исполняя их, продвигаются в соответствии со своими служебными успехами (принцип «заслуг»). С точки зрения гендерной политологии это предстает как доминирование мужчин в политике, их большинство не только в законодательных органах власти, но и на верхних этажах государственного управления. В связи с этим они выстраивают политику, не учитывающую интересы женщин, например, в части опережающего развития социальной сферы. Несмотря на то что женщины в России составляют большинство в государственном аппарате, они реализуют «мужскую» политику в силу иерархического устройства власти (табл. 2). Это приводит к тому, что гендерный ресурс, понимаемый как потенциал общественных изменений, порождаемый включением в государственную политику задачи оптимизации управления

биологическим и социальным воспроизводством населения [Кашина, 2018: 17], расходуется российским государством расточительно, растрачивается, а не воспроизводится расширенно. Гендерная политика в России направлена не на модернизацию гендерных отношений и преодоление гендерного разрыва в обществе, которые дают возможность эффективно использовать человеческий капитал населения, а на консервацию гендерных отношений и откат к гендерным образцам традиционного общества. Это сокращает возможности личностной самореализации и развития человеческого потенциала женщин и мужчин.

Таблица 1

Динамика доли женщин в Государственной думе Федерального собрания РФ (1993—2016 гг.)

Созыв	Количество, чел.	Доля, %
Первый (1993—1995)	61	13,6
Второй (1995—1999)	46	10,2
Третий (1999—2003)	34	7,6
Четвертый (2003—2007)	44	9,8
Пятый (2007—2011)	63	14,0
Шестой (2011—2016)	61	13,5
Седьмой (избраны в 2016 г.)	71	15,8
Изменение за период		+ 2,2

Примечание. Всего 450 депутатов.

Использование гендерного ресурса государственной политики и управления должно строиться с учетом его нетрадиционной природы. Традиционные ресурсы политики и управления чаще всего связываются с материальными ценностями, финансами, информацией и кадрами. К нетрадиционным ресурсам специалисты относят научное сопровождение управленческих решений и политическую культуру граждан. Они нетрадиционны, потому что, во-первых, появились только в современном, модернизированном обществе, а во-вторых, политики редко вспоминают о них и находят им применение.

Так, например, интенсивное использование гендерного ресурса в форматах участвующего управления может приводить к росту социально-экономической активности населения, в первую очередь женщин как группы, которая больше ощущает депривацию и социально-экономическую зависимость от государства, а этот тип поведения предполагает формирование гражданской, а не подданической политической культуры, т. е. интенсивное использование гендерного ресурса оказывает влияние на политическую культуру граждан, и наоборот. В случае экстенсивного использования данного ресурса будет востребована именно подданическая политическая культура и отношения социально-экономической зависимости граждан от государства, т. е. патернализм.

Таблица 2

Динамика численности работников, замещавших должности государственной гражданской службы России (2001—2016 гг.)⁵

Должности	2001 г.					2009 г.					2011 г.					2016 г.				
	Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %		Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %		Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %		Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %	
		М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж
Все государственные	548,7	161,0	387,7	29,3	70,7	868,1	248,9	619,2	28,7	71,3	827,5*	237,6	589,9	28,7	71,2	758,7	212,4	546,3	28,0	72,0
В том числе:																				
в органах законодательной власти	10,5	4,8	5,7	45,8	54,2	13,1	5,5	7,6	42,0	58,0	12,9	5,4	7,5	41,6	58,4	11,5	4,3	7,2	37,6	62,4
исполнительной власти	445,4	123,7	321,7	27,8	72,2	710,9	211,0	499,9	29,7	70,3	667,1	198,6	468,5	29,8	70,2	697,0	203,1	493,9	29,1	70,9
судебной власти и прокуратуры	89,9	31,2	58,7	34,7	65,3	131,9	27,4	104,5	20,8	79,2	135,0	28,6	106,4	21,2	78,8	145,4	29,0	116,4	20,0	80,0
других государственных органах	2,9	1,3	1,6	45,2	54,8	9,9	3,8	6,1	38,4	61,6	10,3	3,9	6,4	38,9	62,1	12,2	4,3	7,9	35,6	64,4

* Данные по общей численности работников не совпадают с данными, получающимися при суммировании отдельных категорий. Расхождение составляет 2,2 тыс. чел.: на 1,1 тыс. меньше женщин и на 1,1 тыс. мужчин. Возможно, это технические ошибки. Процентное соотношение рассчитано по каждой строке отдельно, т. е. ошибки не повлияли на достоверность данных о гендерном соотношении внутри ветвей государственной власти.

⁵ Российский статистический ежегодник, 2001: статистический сборник / Госкомстат России. М., 2001. С. 47—48; Численность и состав работников, замещавших должности государственной гражданской и муниципальной службы, по ветвям власти, уровням управления и полу // Официальная статистика. Государство, общественные организации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 20.10.2018).

В результате проведения патерналистской социальной политики в России образуется обширный низший класс, больше половины которого составляют женщины. Формируется замкнутый круг: социально-экономическая зависимость женщин сокращает их политический капитал, низкий уровень политического капитала не позволяет им поставить вопрос о повышении своей ресурсообеспеченности и преодолении социально-экономической зависимости [Кашина, 2018: 33].

Политическая депривация женщин обусловлена господствующими гендерными стереотипами, в частности утверждением, что женщинам не место в политике (см., напр.: [Рябова, Рябов, 2010]). Подтверждением тому служит низкая доля женщин в парламентах на федеральном и региональном уровнях. В 2012 г. женщины составляли только 12 % всех депутатов региональных парламентов, в Брянской области — 3 %, в Тамбовской — 4 %, в Пензенской области женщин-депутатов не было совсем⁶. Достаточно большая доля женщин среди депутатов муниципальных советов картину принципиально не меняет, поскольку роль органов местного самоуправления в строго выстроенной российской вертикали власти трудно назвать ведущей. Хотя следует признать, что женщины, избранные в парламенты, конечно, не являются политически депривированными. Необходимо различать социетальный уровень депривации (уровень больших социальных групп) и ее индивидуальный уровень (уровень отдельной личности).

Проведение государством политики универсализации гендерных ролей и модернизации гендерных отношений (т. е. интенсивного использования гендерного ресурса государственной политики и управления) приведет к снижению депривации на социетальном уровне и к росту политического капитала женщин через расширение их политического участия и представительства. Повышение гражданской активности и использование социальной политики в качестве фактора экономического роста позволит постепенно перейти к преодолению на этой основе отношений патернализма, иждивенчества и социально-экономической зависимости в общественной системе, порождаемых экстенсивной политикой использования гендерного ресурса. Тем самым преодоление политической депривации женщин повлечет за собой снижение их экономической депривации, получившей название «феминизация бедности».

От экстенсивной формы применения гендерного ресурса к интенсивной

Переход от экстенсивной формы применения гендерного ресурса государственной политики и управления к интенсивной, а также всемерное развитие цифровизации, обозначенное Правительством России в качестве приоритета, определяют возможность использования как минимум трех типов эффектов, возникающих за счет преодоления гендерных дисбалансов во владении всеми формами частных ресурсов:

⁶ Женщины и мужчины России, 2012: статистический сборник / Росстат. М., 2012. С. 232—233. В 2014—2018 гг. ситуация несколько улучшилась, но поскольку Росстат прекратил публиковать сводные данные по составу региональных парламентов с учетом пола депутатов (последний раз они были представлены в сборнике «Женщины и мужчины России, 2012»), какие-то обобщения делать сложно.

— социального/социально-психологического, связанного с преодолением социальной несправедливости и формированием эгалитарных гендерных норм;
— демографического, ведущего к повышению качества населения;
— экономического, проявляющегося в повышении благосостояния и уровня жизни населения.

Интенсивная (современная) форма применения государством гендерного ресурса, как уже отмечалось, реализуется через универсализацию, модернизацию гендерных ролей и статусов, она даст возможность сократить гендерные разрывы и асимметрию за счет создания институциональных предпосылок выравнивания ресурсообеспеченности гендерных групп и преодоления гендерной сегрегации во всех сферах жизни. Интенсификация использования гендерного ресурса государственной политики и управления может осуществляться как переход от гендерно-слепой к гендерно-ориентированной политике, что позволяет постепенно менять цели, которые ставят политики перед государственной машиной, в сторону нарастания значимости учета в государственном управлении задач социального воспроизводства.

Процессы цифровизации расширяют социальное пространство за счет виртуального, рассматриваемого как зеркальное отражение реального мира. Оно включает огромную совокупность формальных взглядов и официальных материалов (официальные сайты органов власти, аккаунты в социальных сетях, в которых разворачиваются дискуссии, публикуются официальные точки зрения), а также неофициальную информацию (блоги, форумы, дискуссионные площадки, в которых гендерные группы участвуют на равных основаниях, высказывая свои неформальные взгляды и давая оценки). Виртуальное пространство открывает практически безграничные возможности для формирования новых культурных образцов, и в этом ресурсы гендерных групп оказываются во многом сопоставимыми.

Данные процессы пока только разворачиваются, и неизвестно, какие именно эффекты они дадут в будущем для основных социальных институтов общества, включая семью и государство. Однако то, что старые иерархии, в том числе гендерная, будут пересмотрены, сомнений не вызывает.

Итоги

Фрактальность гендерных отношений определяет необходимость целенаправленной государственной политики по формированию новых конкурентоспособных форм взаимодействия женщин и мужчин в обществе. В противном случае рекурсивное воспроизводство устаревших форм гендерного взаимодействия будет усиливать гендерный разрыв и асимметрию, вести к недоиспользованию человеческого капитала, ослаблять конкурентоспособность страны на мировой арене. Гендерный ресурс государственной политики и управления в этом случае будет применяться экстенсивно, т. е. растрачиваться. В результате различия женщин и мужчин, порождаемые их ролями в биологическом и социальном воспроизводстве населения, выступят не столько источником синергичного потенциала развития социума, сколько фактором воспроизводства гендерного неравенства в первую очередь в политической сфере, что идет вразрез с современными тенденциями демократизации политической системы и развития участвующего управления.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Контракт «работающей матери»: нарушение или расторжение: (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 13—22.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Аузан А. А.* Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 192 с.
- Василенко Л. А., Кашина М. А.* Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: российский кейс // *Управленческое консультирование*. 2015. № 9. С. 112—119.
- Василенко Л. А., Колесникова Л. А., Писклакова-Паркер М. П.* Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // *Человеческий капитал*. 2012. № 9. С. 62—67.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения*: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.
- Гурко Т. А.* О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 3. С. 33—52.
- Калабихина И. Е.* Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // *Научные исследования экономического факультета: электронный журнал*. 2011. Т. 3, вып. 1. С. 149—176. URL: http://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2011/2011_volume_3.issue (дата обращения: 20.10.2018).
- Кананьянова Р. М.* Женщины во властных структурах // *Социологические исследования*. 2007. № 2. С. 68—75.
- Кашина М. А.* Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Сев.-Зап. ин-т управления Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. СПб., 2018. 42 с.
- Климашевская О. В., Крутов А. В.* Гендерная политика государства: генезис понятия. 2013. URL: http://womaninrussiansociety.ru/wpcontent/uploads/2013/12/2010_4_klimashevskaya.pdf (дата обращения: 20.10.2018).
- Козлова Н. Н.* Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 4. С. 58—71.
- Константинова Л. В.* Социальная политика как фактор конструирования неравенства: новая модель патернализма // *Власть*. 2017. № 2. С. 16—21.
- Меланьин М. И.* Гендерные аспекты социального государства // *Обозреватель—Observer*. 2013. № 12. С. 30—38.
- Муравьева М. Г.* Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12, № 4. С. 625—640.
- Овчарова О. Г.* Логико-понятийный анализ гендерных характеристик политического управления // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия*. 2017. № 1. С. 102—106.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г.* Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 3—23.
- Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики?: (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // *Политические исследования*. 2010. № 5. С. 48—63.
- Серёда М. В.* Женщины как субъект неорационалистской гендерной политики // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 94—98.

- Соловьев А. И. Государство как производитель политики // Политические исследования. 2016. № 2. С. 90—108.
- Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Эминов Д. С. Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. № 1. С. 5—15.
- Хасбулатова О. А. Российская государственная политика по развитию человеческого капитала: гендерный аспект // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации: сборник трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Иваново, Плес, 3—5 сентября 2015 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 351—356.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1980. 238 с.
- Parsons T., Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1955. 422 p.

References

- Aivazova, S. G. (2011) Kontrakt “rabotaiushchei materi”: narushenie ili rastorzhenie [Contract of working mother: interruption or dissolution], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 13—22.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Auzan, A. A. (2017) *Ekonomika vsego: Kak instituty opredeliaiut nashu zhizn'* [Economy of everything: How institutions define our life], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Engel's, F. (1980) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva: V sviazi s issledovaniiami L'iuisa G. Morgana* [The origin of the family, private property and the state: In connection with the research of Lewis G. Morgan], Moscow: Politizdat.
- Gurko, T. A. (2013) O Kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaia otsenka [About the concept of the state family policy of the Russian Federation for the period until 2025: expert evaluation], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 3, pp. 33—52.
- Kanap'ianova, R. M. (2007) Zhenshchiny vo vlastnykh strukturakh [Women in power], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 68—75.
- Kashina, M. A. (2018) *Gendernyi resurs gosudarstvennoi politiki i upravleniia v sovremennoi Rossii*: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk [Gender resource of state policy and public administration in modern Russia: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Khasbulatova, O. A. (2015) Rossiiskaia gosudarstvennaia politika po razvitiuu chelovecheskogo kapitala: gendernyi aspekt [Russian state policy on the development of human capital: the gender aspect], in: *Innovatsionnoe razvitie regionov v usloviakh globalizatsii*: Sbornik trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ivanovo, Plës, 3—5 sentiabria 2015 g. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 351—356.
- Konstantinova, L. V. (2017) Sotsial'naia politika kak faktor konstruirovaniia neravenstva: novaia model' paternalizma [Social policy as a factor in the construction of inequality: a new model of paternalism], *Vlast'*, no. 2, pp. 16—21.
- Kozlova, N. N. (2016) Deputatskii korpus Tsentral'nogo federal'nogo okruga: gendernoe izmerenie [Deputy corps of the Central Federal District: gender dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 58—71.

- Melan'in, M. I. (2013) Gendernye aspekty sotsial'nogo gosudarstva [Gender aspects of the welfare state], *Obozrevatel'—Observer*, no. 12, pp. 30—38.
- Murav'eva, M. G. (2014) Traditsionnye tsennosti i sovremennye sem'i: pravovye podkhody k traditsii i modernu v sovremennoi Rossii [Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol.12, no. 4, pp. 625—640.
- Ovcharova, O. G. (2017) Logiko-poniatiiĭnyĭ analiz gendernykh kharakteristik politicheskogo upravleniia [Logical and conceptual analysis of gender characteristics of political governance], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Filosofii, no. 1, pp. 102—106.
- Parsons, T., Bales, R. F. (1955) *Family, Socialization and Interaction Process*, New York: Free Press.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiya v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender political science in Russia: achievements, problems and perspectives], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2010) Nastoiaščiiĭ mužhchina rossiiskoi politiki?: (K voprosu o gendernom disкурse kak resurse vlasti) [The real man of Russian politics?: (On the issue of gender discourse as a resource of power)], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 48—63.
- Sereda, M. V. (2011) Zhenshchiny kak sub'ekt neotraditsionalistskoiĭ gendernoĭ politiki [Women as a subject of non-traditionalist gender policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 94—98.
- Solov'ev, A. I. (2016) Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki [The state as the producer of policy], *Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 90—108.
- Ustinkin, S. V., Rudakova, E. K., Ėminov, D. S. (2016) Gendernye strategii "miagkoiĭ sily" nepravitel'stvennykh organizatsiiĭ kak instrument pereformatirovaniia kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii [Gender strategies of "soft power" of NGOs as a tool for reformatting the cultural code of the society and the state in Russia], *Vlast'*, no. 1, pp. 5—15.
- Vasilenko, L. A., Kashina, M. A. (2015) Budushchee gendernoĭ politiki v globaliziruiushchemsya obshchestve: rossiiskiiĭ keĭs [The future of gender policies in the globalized world: Russian case], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 9, pp. 112—119.
- Vasilenko, L. A., Kolesnikova, L. A., Pisklakova-Parker, M. P. (2012) Primenenie kontseptsiiĭ fraktal'nosti k issledovaniiam destruktivnykh protsessov metodami klinicheskoiĭ sotsiologii [Application of the concept of fractality to the study of destructive processes by methods of clinical sociology], *Chelovecheskiiĭ kapital*, no. 9, pp. 62—67.
- Veber, M. (1990) Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a vocation and profession], in: *Izbrannye raboty*, Moscow: Progress, pp. 644—706.

Статья поступила 02.12.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

(Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Public Relations and Social Technologies, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры организационного проектирования систем управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, vasilenkola@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Organizational Designing Management Systems, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 32—42
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.3

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 32—42
ББК 66.3(6),41
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.3

АФРИКА В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ (К 30-летию гендерных исследований в российской африканистике)

*Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова,
Л. Я. Прокопенко, Н. В. Гришина*

Институт Африки, Российская академия наук, г. Москва, Россия, skole60@mail.ru

Статья представляет собой аналитический обзор гендерной ситуации в Африке, посвященный двум юбилеям: 60-летию Института Африки РАН и 30-летию Группы гендерных исследований, сформированной в рамках сотрудничества его центров. Россию и Африку связывают многие десятилетия политического, экономического и культурного сотрудничества. В сложившихся геополитических условиях Африка становится важным вектором внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества для России, и для развития дальнейших связей необходимо расширение и углубление знаний друг о друге. Во многих странах континента женщины сегодня являются заметной общественно-политической силой. Авторы анализируют такие аспекты гендерной ситуации, как становление гендерного равенства в политике, препятствия на пути африканок в политику, издержки дискриминации женщин в основных правах, в доступе к образованию, ресурсам и экономическим возможностям, к участию в общественной жизни и выражению своих интересов через женские общественные и политические организации. Актуальным остается поддержание связей с соотечественницами, живущими в странах Африки.

Ключевые слова: гендерные исследования, африканистика, власть, гендерная симметрия, гендерные квоты, представительство женщин, проект «Цели устойчивого развития», проблема бедности, парламентское сотрудничество, организации соотечественниц.

GENDER DIMENSION OF AFRICA (On the occasion of the 30th anniversary of Russian gender studies of Africa)

N. L. Krylova, N. A. Xenofontova, L. Ya. Prokopenko, N. V. Grishina

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, skole60@mail.ru

The article is an analytical review of the gender situation in Africa, dedicated to two anniversaries: the 60th anniversary of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences and the 30th anniversary of the Gender Research Group formed within the framework

of its Research Centers cooperation. Russia and Africa are bound by many decades of political, economic and cultural cooperation. In the current geopolitical conditions Africa is becoming an important vector of foreign policy and foreign economic cooperation for Russia. It is necessary to expand and to deepen knowledge of each other for the development of further ties. In many countries of the continent women are nowadays a significant social and political force. The authors analyze aspects of the gender situation such as the establishment of gender equality in politics, obstacles to African women's entering politics, the cost of discriminating women in their basic rights, in their access to education, to resources and economic opportunities, in participation in public life and expressing their interests through women's social and political organizations. The maintenance of relations with women-compatriots living in African countries is as important as ever.

Key words: gender studies, African studies, power, gender symmetry, gender quotas, representation of women, project "Sustainable Development Goals", problem of poverty, parliamentary cooperation, organizations of compatriots.

Становление гендерных исследований в российской африканистике

В конце 2019 г. исполняется 60 лет со дня основания Института Африки Российской академии наук. Будучи в своем роде уникальным научным центром СССР/РФ, он проводил и проводит исследования как по различным темам и проблемам истории Черного континента, так и по актуальным вопросам современного развития его стран. Среди них немалое место занимают гендерные исследования, начавшиеся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Почти 30 лет назад этнографы, социологи и культурологи института пришли к убеждению в необходимости обращения к женским исследованиям как к самостоятельному научному направлению в африканистике, для чего была создана Группа гендерных исследований (руководители — Н. Л. Крылова и Н. А. Ксенофонтова), объединившая специалистов из Института Африки, а также из научных учреждений и учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ростова и др. В настоящее время в числе исследователей группы есть также политологи, некоторые из них являются членами Исследовательского комитета по гендерной политологии Российской ассоциации политической науки, созданного в 1998 г. по инициативе С. Г. Айвазовой — руководителя комитета по сегодняшний день. Группа издает свои научные работы в серии «Гендерные исследования Института Африки РАН», опубликовано свыше 20 томов.

Ученые-африканисты, проводя идею о существовании особой женской субъективности и женского социального опыта, не ограничивались изучением жизни африканок, их интересовали проблемы *гендера* в более широком плане, т. е. многосторонние исследования особенностей развития общества посредством глубокого анализа взаимоотношений и взаимодействия полов и поколений. Большинство работ в рамках данной проблематики написаны на оригинальных материалах, собранных авторами в научных командировках и экспедициях в Африке, в государственных и частных архивах. Используя гендер как новый метод и методологию научного познания, африканисты сосредоточивали свое внимание на сложном и многообразном комплексе вопросов, связанных с гендерными отношениями в разных областях человеческой деятельности, — от семьи

до политических структур, от хозяйственных связей до культуры и литературы, от экологии до межэтнических конфликтов. Осмысление и анализ гендерных проблем африканской действительности проводились ими также в увязке с гендерными исследованиями отечественных ученых из других отраслей науки: С. Г. Айвазовой, Н. А. Шведовой, О. А. Хасбулатовой, Н. Л. Пушкаревой, Т. Б. Рябовой, О. В. Поповой, О. А. Ворониной, О. Г. Овчаровой и других.

Африканки и власть: становление гендерного равенства в политике

С 1990-х гг. в российской гендерной политологии, как и в западной политической науке, «одной из наиболее востребованных тем стала проблема политического участия и политического поведения женщин и мужчин...» [Рябова, Овчарова, 2016: 8]. Исследования африканистов показывают, что власть в большинстве случаев формально принадлежала представителям мужского пола, но, в соответствии с жизненными обстоятельствами и политической целесообразностью, ею обладали лица вне зависимости от гендерной принадлежности. Иными словами, власть как институт, как функция, по существу, стояла над полом и вне пола [Ксенофонтова, 2008, 2015].

Подобную ситуацию мы наблюдаем и в современных африканских социумах и политических системах. Исследовательские материалы подтверждают постулат, что отношения власти являются важнейшим элементом гендерных отношений. Анализ женского представительства в органах власти и препятствий на пути женщин в политику представляется актуальным, так как именно качество правящей элиты в значительной степени определяет историческое будущее государств, и в частности в Африке. Участие женщин в принятии государственных решений, разработка мер по недопущению изоляции женщин от политической жизни являются факторами демократического развития. Женщины в Африке, в том числе в государствах Южноафриканского региона, составляют около 50 % населения, представляя собой большую часть электората. Опыт развития стран Африки, прежде всего Руанды и государств Юга континента, в последние десятилетия демонстрирует значимые успехи в выравнивании гендерного баланса в политике, возрастание роли африканок в общественно-политической жизни общества. Предпосылками этого стали политическая и экономическая модернизация, с одной стороны, и рост политической активности самих женщин — с другой. В группе стран (Руанда, ЮАР, Мозамбик, Намибия) гендерное равенство в политической сфере стало принципом государственной политики, реализуемым на практике. С 2000-х гг. (в ЮАР — с середины 1990-х) происходит значительный рост представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти [Прокопенко, 2013]. В ряде стран оно достигло более 40 %, что соответствует уровню западных государств. Значительный рост представительства женщин в органах власти — тенденция формирования политического руководства в регионе в последние десятилетия. Во многом это стало возможным благодаря закреплению системы квотирования женского представительства на выборных должностях на уровнях региональном (в рамках Сообщества развития Юга Африки (САДК)) и национальном. В ряде политических партий также установлены гендерные квоты.

Высокие показатели представительства женщин в органах власти здесь объясняются как объективными причинами (например, демографическими), так и субъективными. В ЮАР, Зимбабве, Анголе, Мозамбике и Намибии женщины активно участвовали в борьбе с режимом апартеида и в национально-освободительном движении, что стало одной из причин признания их равенства с мужчинами и понимается как проявление социальной справедливости. Выравнивание гендерной асимметрии в политике обусловлено и причинами имиджевого характера. Руководство государств Юга Африки при решении гендерных вопросов учитывает мировые тенденции, пытаясь выглядеть более прогрессивным «в глазах как международного сообщества, так и западных доноров, чья поддержка по-прежнему остается важной для развития стран» [Прокопенко, 2018: 188].

В африканском обществе меняются стереотипы гендерного сознания. Достижение и сохранение гендерного баланса в сфере политики, установление гендерной справедливости сегодня в большой мере зависят от стиля управления страной, а многие лидеры не раз демонстрировали поддержку женского политического участия. Отношение к гендерному равенству в политической сфере изменилось не только на уровне руководства и самих женщин-политиков, но и в подходах избирателей.

Условия для гендерного равенства в политической сфере в большинстве стран Юга Африки созданы де-юре и во многом реализованы де-факто. Равенство полов в ряде государств закреплено в национальном законодательстве, гендерный вопрос учитывается при составлении национальных долгосрочных планов развития, которые корректируются в соответствии с глобальным проектом «Цели устойчивого развития» (ЦУР) (Sustainable Development Goals (SDGs)) на 2015—2030 гг.

Необходимо отметить, что африканка, вступающая на путь политической карьеры, в силу особенностей местной политической культуры попадает в систему отношений, сильно зависящих от традиционного понимания гендерных ролей в обществе. В некоторых странах социальная дискриминация, низкий уровень политической грамотности и финансово-экономического статуса женщин, а также насилие по-прежнему являются препятствиями на пути женщин в политику.

Факт представительства женщин во властных структурах — только часть (хотя и важная) решения проблемы гендерного равноправия, речь идет об их эффективной деятельности во власти. В некоторых странах она все еще слабо влияет на улучшение социально-экономического положения женщин и, следовательно, на развитие общества в целом. Необходим баланс достижений и проблем, обеспечение равенства прав и возможностей в политике представителей обоих полов. В конечном итоге они должны стать стратегическими задачами социальной политики государства.

Опыт современного развития стран Африки показывает общность исследуемой группы проблем, подтверждая, что «проблема гендерного равенства — это базисный вопрос» [Шведова, 2001: 47].

В настоящее время актуально укрепление взаимовыгодных отношений России с африканскими странами. В сложившихся геополитических условиях (санкции Запада, попытки политической и гуманитарной изоляции РФ) Африка становится важным вектором внешнеполитического и внешнеэкономического

сотрудничества для России. Партнерство РФ и ЮАР в рамках БРИКС — новый этап в развитии отношений со странами Южноафриканского региона, с которыми нашу страну связывают многие десятилетия политического, экономического и культурного сотрудничества. Для развития дальнейших связей необходимо углубление знаний друг о друге.

Расширяется взаимное сотрудничество женщин-политиков. Несмотря на различия в историческом развитии и в культурных традициях, необходимо отметить, что российских и африканских женщин, занимающихся политикой, сближает общая цель — стабильное развитие в условиях мира и демократии. Многие из них матери, от которых зависит воспитание молодежи, а значит — будущее наших стран. В октябре 2017 г. южноафриканские парламентарии приняли участие в работе 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза, которая проходила в Санкт-Петербурге. В июне 2018 г. в Москве под эгидой Государственной думы РФ состоялся Международный форум «Развитие парламентаризма», в котором участвовали более 500 делегатов из 100 стран, среди них несколько десятков парламентариев-африканок. Тогда же прошли переговоры председателя Госдумы России В. Володина с председателем Национальной ассамблеи (нижняя палата) парламента ЮАР Б. Мбете. В рамках форума Б. Мбете и председатель парламента Намибии М. Н. Менса-Вильямс приняли участие в работе круглого стола «Россия — Африка: перспективы парламентского взаимодействия», модератором которого была директор Института Африки РАН И. О. Абрамова. Отмечалось, что позиции российских и африканских женщин-депутатов по многим вопросам близки или совпадают, говорилось о необходимости дальнейшего наращивания обмена опытом между парламентами наших стран.

Сегодня в руководстве некоторых стран Юга Африки (прежде всего в ЮАР) представлены выпускники советских вузов, участники национально-освободительных движений, которые в разное время побывали в СССР/России. В их числе есть и женщины. Доброе отношение этих политиков к России и желание продолжать сотрудничество — важный фактор для дальнейшего развития и укрепления связей между нашими странами. Как отмечает И. О. Абрамова, в этом плане «у нас есть шанс успеть в последний вагон уходящего поезда» [Абрамова, 2015: 6].

Проблема феминизации бедности в африканских странах

В последние годы в африканских странах все большее внимание уделяется социально-экономическому положению женщин. Реализуется ряд национальных и международных программ, направленных на формирование у этой части населения континента активных жизненных установок. Достижение гендерного равенства было одной из самостоятельных целей проекта «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ, 2000—2015 гг.), прямо соотносящейся с достижением задач по сокращению крайней бедности и голода. В реализуемом в настоящее время глобальном проекте ЦУР эти проблемы также актуализированы и более детально разработаны [Transforming Our World, 2015].

Одной из серьезных и поныне неразрешенных проблем, стоящих перед африканскими странами, является хроническая бедность большинства населения. Особенно тяжелой ношей она лежит на женских плечах.

Характерной чертой социально-экономического развития современной Африки является стремительная феминизация бедности, что неизбежно отражается на судьбах подрастающего поколения и способствует дальнейшей трансляции низкого уровня жизни. Несмотря на заметное повышение роли женщин в общественной жизни в последние десятилетия, рынки труда многих стран континента остаются сегментированными по гендерному признаку, а продвижение в сторону гендерного равенства происходит довольно медленно.

Независимо от рода деятельности женщины почти везде сталкиваются с более жесткими, чем мужчины, ограничениями в доступе к производственным ресурсам, рынкам и услугам. Этот гендерный разрыв снижает продуктивность их работы, препятствуя социально-экономическому развитию. Именно поэтому проблема бедности напрямую связана с возможностью африканок наравне с мужчинами полноценно участвовать в различных сферах общественного производства.

Многочисленные данные по странам Африки подтверждают, что в производственной сфере труд женщин не менее эффективен, чем труд мужчин, однако они используют меньше производственных ресурсов и соответственно получают меньше продукции.

Поскольку женщины часто вынуждены брать на себя неоплачиваемый труд по уходу за детьми и больными членами семьи, это ограничивает для них выбор оплачиваемой работы, которую они готовы выполнять, снижает их ценность как специалистов на рынке труда [Гришина, 2017: 71].

Несмотря на активный процесс урбанизации, большинство женщин по-прежнему проживают в сельской местности и связаны с аграрным производством. Поэтому поощрение гендерного равенства в сельском хозяйстве может способствовать решению проблемы нехватки продовольствия, так как существует прямая зависимость между гендерным паритетом и борьбой с голодом и бедностью.

Опыт показывает, что женщины тратят больше средств на образование детей или на сбережения, чем на обычное потребление. Поэтому, по мнению И. О. Абрамовой, обеспечение большего числа рабочих мест для женщин означает расширение потенциальных возможностей использовать труд африканок как средство борьбы с нищетой [Абрамова, 2013].

Африканки по-прежнему ограничены в возможности участвовать в принятии решений, затрагивающих важные аспекты и общественной, и частной жизни. Подавление их голоса по широкому кругу вопросов, преднамеренное или обусловленное применением давно существующих дискриминационных социальных и культурных норм, способствует сохранению гендерного неравенства и ограничивает развитие человеческого потенциала.

В современной Африке женщины в основном сконцентрированы в низкооплачиваемых видах занятости, не защищенных законодательно, поэтому увеличение их доли в этих сегментах еще не свидетельствует о возросшей степени гендерного равенства.

Вследствие пересечения классовых, религиозных, расово-этнических, геополитических факторов с гендерными многие женщины оказываются занятыми в небезопасных и ненадежных видах работ, а распределение материальных благ часто происходит на основе этнической и половой принадлежности. Снижение общественного статуса женщин имеет как этические, так и долгосрочные

экономические последствия. Поэтому любая политика роста, пренебрегающая интересами наиболее нуждающихся членов общества (обычно это женщины и дети), обречена на неуспех.

Ключевой проблемой всех стран Африки является слом существующих стереотипов, препятствующих вовлечению женщин в трудовую деятельность.

В последние годы гендерные вопросы стали включаться в большинство национальных и региональных планов политики в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Однако обычно они выносятся в отдельные главы о женщинах и не рассматриваются как необходимая часть политики правительств или программ развития. За редким исключением правительственные проекты повышения уровня занятости или доходов рассчитаны исключительно на мужчин. Таким образом, существующее неравенство между полами не только продолжает существовать на государственном уровне, но и усиливается.

Организации наших соотечественниц в Африке

Африканский континент давно знаком с таким явлением, как женское демократическое движение, чьи рост и развитие были связаны с общим подъемом антиимпериалистической борьбы народов Африки, и сегодня является заметной общественно-политической силой на континенте.

В пестром спектре общественных объединений, создаваемых с целью реализации и защиты гражданских, социально-культурных прав и интересов африканок, есть место и для численно небольшой на общеафриканском фоне, но общественно заметной группы женщин — россиянок, постоянно проживающих со своими мужьями-африканцами практически во всех странах континента.

Истории становления организаций наших соотечественниц в Африке более полувека. По формам эти объединения весьма разнообразны: ассоциации, клубы, землячества, союзы и пр. Иногда идея организационного оформления русских гражданок рождается в процессе деятельности ассоциации выпускников советских/российских учебных заведений. К примеру, землячество постоянно проживающих в Республике Конго российских граждан образовано еще в 1968 г. при Конголезской ассоциации дружбы между народами (КАДМН). К сегодняшнему дню в Африке действуют свыше полусотни женских ассоциаций, объединяющих русскоговорящих женщин. Такие объединения существуют в Гане, Замбии, Камеруне, Марокко, Нигерии, на Мадагаскаре, в Уганде, Танзании, Тунисе, Того, Анголе, на Маврикии, в Сенегале, Нигере, Руанде, Мали, Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Тунисе, Египте и других странах континента.

На практике процесс объединения наших соотечественниц проблематичен: собрать воедино женщин-соотечественниц, в разные годы прибывших сюда, которых к тому же профессиональная деятельность мужей раскидала по всей стране, нелегко. Складыванию женских союзов способно помешать и разделение женщин на различные социально-имущественные группы в зависимости от занимаемой мужем должности (как в Республике Конго, на Мадагаскаре или в Нигерии) [Огундоволе, 2000]. Наконец, в некоторых государствах континента (например, в Сомали, Кении) местные власти просто не признают создания общественных организаций наших граждан. Поэтому официально утвердить такой союз практически невозможно.

Так бороться за свою гражданскую самостоятельность, отстаивать на чужих пространствах свою этнокультурную идентичность или интегрироваться в новый мир? Эти глобальные вопросы дают богатую пищу для размышлений о женской доле соотечественницы в Африке, о путях и возможностях ее адаптации, общественном самовыражении.

Анализируя причины, побуждающие наших соотечественниц к объединению в странах нынешнего проживания (или к отрицанию такой необходимости), следует учитывать, что их положение в принимающем обществе неоднозначно. Ведь эти женщины — не только наши соотечественницы. Они одновременно жены граждан африканских стран, постоянно проживающие со своими семьями на родине мужей, и на процесс регулирования их общественной активности влияют факторы, во многом основанные на историко-культурных особенностях гендерной ситуации в Африке.

Прежде всего это круг социально-экономических возможностей, которые принимающее общество может предоставить проживающей здесь иностранной гражданке и которые включают как ситуацию на рынке труда с существующей на нем гендерной дифференциацией, так и разнообразные специфические половые регламентации и законодательные предписания, призванные поддерживать традиционную принадлежность женщины семье. Хотя сами соотечественницы не оставляют попыток организовать свою экономическую и социальную жизнь, в том числе при содействии отечественных загранучреждений. От них исходят такие инициативы, как обеспечение возможности для работы в наших представительствах, коммерческих и других структурах (Того); практика совместного предпринимательства, деловых и туристических контактов (Бенин) и др. Это — вполне реальные предложения, сделанные реальными людьми.

В то же время в новом для соотечественниц африканском социуме по-прежнему доминируют такие традиционные взгляды, как ориентация на семейные и общечеловеческие ценности, на интересы долговременного характера: сохранение и благополучие семьи, заботу о детях и близких, реальные гарантии и уверенность в завтрашнем дне и т. п. В итоге, как показывают проводимые вот уже четверть века исследования [Крылова, 1996, 2018], многие выбирают (или вынуждены выбирать) типично женские направления деятельности.

Что касается форм проявления общественной активности в рамках земляческих союзов, то соотечественницы с большей охотой участвуют в конкретных кампаниях или разовых акциях, нежели в организованных видах деятельности, продолжительных по времени. Главными причинами, препятствующими регулярному участию в общественной жизни общины, женщины называли отсутствие свободного времени, трудности в совмещении этой работы с домашними обязанностями, отрицательное отношение мужа и его родных к проявлениям общественной активности жены.

Глобальное социокультурное пограничье неизбежно порождает противоречия: универсализацию всех сфер бытия, с одной стороны, и рост многообразия, стремление к идентификации с самобытными культурами — с другой. Уникальность феномена афро-русских смешанных союзов заключается во взаимодействии супругов — представителей разных культур, попадающих посредством подобного брака в новое для себя культурно-цивилизационное

пространство и всеми доступными способами пытающихся в нем освоиться. Однако это еще не «нивелирует» соотечественниц, они остаются разными в осуществлении своих многочисленных социальных ролей, как многообразно и их природное общество и общество, принимающее их сегодня.

Пограничные ситуации, подобные той, в которой находится и контингент русскоязычных женщин, постоянно живущих вне исторической родины, объективно стимулируют рост творческого потенциала, прорывы в социальной, культурной, информационной сферах. Это касается и детей-метисов. Общим для значительной части наших соотечественниц, постоянно проживающих со своими несовершеннолетними детьми почти во всех странах Африки, является нацеленность на гармоничную интеграцию в общество страны проживания для успешной самореализации и в интересах семьи без отказа от собственной идентичности, культурного наследия и лучших традиций исторической родины. Для многих из них очевидна необходимость сохранения русского языка в семьях смешанного типа, целесообразность формирования положительного отношения к языку как важному инструменту диалога культур, межкультурных коммуникаций. В новой для соотечественниц жизни, как подчеркнула в интервью одна из них, важно воспитать своих детей не людьми, которые по необходимости говорят и учатся лишь на языке страны проживания, но личностями, которые знают и чтят родину и культуру своих прародителей.

В целом русских женщин, ныне проживающих в странах Африки, нельзя обвинить в индифферентности ни к проблемам общественного устройства России, ни к своему месту в ней. Здесь в Россию не только верят, но и ждут от нее помощи, реального сотрудничества в новых формах и масштабах. Пока их голос слабо слышен в хоре голосов неправительственных гражданских организаций стран пребывания и на исторической родине, в различного рода общественных движениях (профсоюзных, творческих, в защиту окружающей среды). Вместе с тем объединения соотечественниц в Африке нельзя однозначно охарактеризовать как консервативные. Понимание необходимости консолидации действий и усилий в этих кругах просматривается отчетливо. Ведь несмотря на трудный, часто конфликтный путь выработки общей платформы, коллективная женская позиция всегда социально устойчива, отличается общественным спокойствием и равновесием, т. е. теми состояниями, в которых в конечном счете нуждается все человеческое сообщество.

Библиографический список

- Абрамова И. О.* Рынок труда в странах Африки: количественные и качественные характеристики // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 128—134.
- Абрамова И. О.* Глобальные политические и экономические процессы в Африке в контексте реализации целей развития континента в XXI веке // Ученые записки Института Африки РАН. 2015. № 1 (32). С. 4—14.
- Гришина Н. В.* Страны Тропической Африки: проблемы бедности. М.: Ин-т Африки РАН, 2017. 192 с.
- Крылова Н. Л.* Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: РОССПЭН, 1996. 367 с.

- Крылова Н. Л. «Русские африканки» в XX столетии: семья, судьба, отчизна. М.: Ин-т Африки РАН, 2018. 616 с.
- Ксенофонтова Н. А. Власть как центральный вопрос во взаимоотношении полов и в гендерных исследованиях // Гендер и власть: семья, общество, государство. М.: Ин-т Африки РАН, 2008. С. 97—107.
- Ксенофонтова Н. А. Мы — две руки единого креста: антропология гендера: очерки. М.: Ин-т Африки РАН, 2015. 644 с.
- Огундоволе З. Н. Взгляд изнутри африканского общества: (нигерийский прецедент) // Гендерные исследования в африканистике: сборник статей. М.: Ин-т Африки РАН, 2000. С. 112—124.
- Прокопенко Л. Я. Представительство женщин в органах власти: (опыт стран южноафриканского региона) // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 40—50.
- Прокопенко Л. Я. Женщины и власть: (на примере стран Юга Африки). М.: Ин-т Африки РАН, 2018. 206 с.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3—23.
- Шведова Н. А. Россиянки и власть // Женщина и выборы: материалы круглого стола. М.: Эслан, 2001. С. 47—58.
- Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly. 70th session. October 21, 2015. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (дата обращения: 12.02.2019).

References

- Abramova, I. O. (2013) Rynok truda v stranakh Afriki: kolichestvennyye i kachestvennyye kharakteristiki [Labor market in African countries: quantitative and qualitative characteristics], *Problemy sovremennoĭ ėkonomiki*, no. 4 (48), pp. 128—134.
- Abramova, I. O. (2015) Global'nye politicheskie i ėkonomicheskie protsessy v Afrike v kontekste realizatsii tselĭ razvitiia kontinenta v XXI veke [Global political and economic processes in Africa in the context of implementing the goals of the continent's development in the XXI century], *Uchĕnyye zapiski Instituta Afriki RAN*, no. 1 (32), pp. 4—14.
- Grishina, N. V. (2017) *Strany Tropicheskoi Afriki: problemy bednosti* [Countries of Tropical Africa: problems of poverty], Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoi akademii nauk.
- Krylova, N. L. (1996) *Russkie zhenshchiny v Afrike. Problemy adaptatsii* [Russian women in Africa. Adaptation problems], Moscow: ROSSPĒN.
- Krylova, N. L. (2018) “*Russkie afrikanki*” v XX stoletii: sem'ia, sud'ba, otchizna [“Russian african women” in the XX century: family, fate, homeland], Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoi akademii nauk.
- Ksenofontova, N. A. (2008) Vlast' kak tsentral'nyi vopros vo vzaimootnoshenii polov i v gendernykh issledovaniiah [Power as a central issue in gender relations and gender studies], in: *Gender i vlast': sem'ia, obshchestvo, gosudarstvo*, Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoi akademii nauk.
- Ksenofontova, N. A. (2015) *My — dve ruki edinogo kresta: Antropologiya gendera: Ocherki* [We are two hands of one cross: Anthropology of gender: Essays], Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoi akademii nauk.
- Ogundovole, Z. N. (2000) Vzgliad iznutri afrikanskogo obshchestva: (Nigeriiskii pretsedent) [A view from the inside of the African society: (Nigerian precedent)], in: *Gendernye issledovaniia v afrikanistike: Sbornik stateĭ*, Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoi akademii nauk, pp. 112—124.

- Prokopenko, L. Ia. (2013) Predstavitel'stvo zhenshchin v organakh vlasti: (Opyt stran iuzhnoafrikanskogo regiona) [Representation of women in government: (The experience of countries of the South African region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 40—50.
- Prokopenko, L. Ia. (2018) *Zhenshchiny i vlast': (Na primere stran Iuga Afriki)* [Women and power: (The case of the countries of Southern Africa)], Moscow: Institut Afriki Rossiiskoi akademii nauk.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiya v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender political science in Russia: achievements, problems and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Shvedova, N. A. (2001) Rossiianki i vlast' [Russian women and power], in: *Zhenshchina i vybory: Materialy kruglogo stola*, Moscow: Eslan, pp. 47—58.
- Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*, UN General Assembly, 70th session, October 21, 2015 (2015), available from http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed 12.02.2019).

Статья поступила 02.03.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Крылова Наталия Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, krylovanl@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ксенофонтова Наталия Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, tabul@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Прокопенко Любовь Ярославовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, skole60@mail.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Гришина Нина Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, eestima8@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2019. No. 2. P. 43—51

DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.4

Женщина в российском обществе

2019. № 2. С. 43—51

ББК 60.542.2

DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.4

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Е. И. Балдицына^a, И. С. Бакланов^b, О. А. Бакланова^b

^a Ставропольский институт кооперации (филиал),
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
г. Ставрополь, Россия, stavkrokus@mail.ru

^b Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Выявлены социально-философские и дисциплинарные особенности современного понимания феноменов «гендер» и «гендерная идентичность», обозначены наиболее эффективные и широкоиспользуемые стратегии их изучения. Установлено, что в современной интерпретации феномен гендера имеет аскриптивный статус и представляет собой определенный культурно-символический конструкт, который общество приписывает индивиду исходя из его биологических особенностей и тех социально-нормативных проекций и стереотипов, которые существуют в данной культуре. Подчеркивается также, что в культуре постмодерна понимание гендера сместилось от статичного к динамичному: гендер как социально-психологическая конструкция пола находится всегда в состоянии становления и изменения, он, несмотря на то что заключает в себе ряд деонтических стереотипов относительно своего статуса, столь же подвижен и изменчив, как и само современное общество, и постоянно отвечает на его вызовы.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, пол, гендерный стереотип, культура постмодерна, аскриптивный статус, гендерная теория.

**GENDER IDENTITY STUDIES IN THE MODERN SOCIAL THEORY:
RESEARCH FEATURES**

E. I. Balditsyna^a, I. S. Baklanov^b, O. A. Baklanova^b

^a Stavropol Institute of Cooperation (Branch), Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Stavropol, Russian Federation, stavkrokus@mail.ru

^b North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

The article reveals the socio-philosophical and disciplinary features of the modern understanding of the phenomenon of “gender” and “gender identity”, identifies the most effective and widely used strategies for their study. It is revealed that in the modern interpretation the phenomenon of gender has an ascriptive status, a certain cultural-symbolic construct, which society ascribes to the individual, based on its biological characteristics and the socio-normative projections and stereotypes that exist in the culture. It is also emphasized that in postmodern culture the understanding of gender phenomenon has shifted from static to dynamic: gender as a socio-psychological structure is always in a state of formation and change; despite the fact that it contains a number of deontic stereotypes about its status, gender is as mobile and volatile as the modern society itself and constantly responds to its challenges.

Key words: gender, gender identity, sex, gender stereotype, culture of post-modern, ascriptive status, gender theory.

Постановка задачи

Как в российской, так и в западной социальной теории проблемное поле, связанное с исследованием феномена гендера, является без преувеличения одним из самых актуальных, полиморфных и дискуссионных. Разные дисциплинарные объяснительные схемы — философские, социологические, политические, психологические, историко-культурные — без сомнения, проливают некоторый свет на историю вопроса и современное понимание феномена гендера, однако, по-видимому, в данной области до сих пор не сложились принципы гендерного анализа, которые утверждались бы в ней как «стандартные» исследовательские процедуры. Часто можно наблюдать столкновение исследовательских программ не только на уровне подбора методологического инструментария или практических выводов, но и на начальном этапе при выборе ракурса рассмотрения проблемы, определении самых базовых, фундирующих понятий и терминов. Данное обстоятельство вносит в исследовательское поле дополнительную непрозрачность, усложняет и ставит под сомнение позитивный эффект гибридации дисциплинарных исследовательских программ в области гендера. И разумеется, негативно влияет на динамику приращения нового знания о феномене гендера, как фундаментального, так и прикладного.

Некоторую специфику исследованиям гендерного вопроса придает «инструментальность», в большинстве случаев сопровождающая их и задающая своеобразный содержательный контекст политической, феминистской или социально-прикладной, утилитарной направленности. Довольно часто фундаментальность гендерных исследований приносится в жертву прагматичности или решению

узких специализированных вопросов, что не может не сказаться на рефлексивном аспекте гендерной теории. Дисциплинарные проекции феномена гендера, среди которых есть даже весьма экзотические, например техногенные или этноконфессиональные, зачастую не дополняют, а исключают друг друга, поскольку зависят от политического (социокультурного) контекста или интерпретации. Это делает проблематичным перевод результатов исследований в единую объяснительную или методологическую модель гендера. Данную особенность отмечали многие российские и зарубежные ученые, в том числе такой авторитетный специалист, как И. С. Кон, находивший в ней и силу, и слабость гендерной теории. Силу он усматривал в постоянном расширении исследовательского кругозора и в том, что многосторонняя направленность изучения предмета позволяет задействовать большое количество капитальных методологических категорий и стратегий и более детально описать его в различных аспектах.

А слабость он обнаруживал в том, что такое расширение предмета и методов изучения гендера не может не вступать в противоречие с научным принципом постоянного повышения требований к результату исследования, к методологической компетенции ученого «в различных областях научного знания, к умению владеть качественными исследовательскими методами и, наконец, к его гендерной чувствительности (умению увидеть, оценить силу и глубину влияния гендерного стереотипа, отделить собственные интерпретации от дискурса исследования и т. д.)» [Кон, 2001а: 189—190] (см. также: [Кон, 2001b, 2001c]). Перед ученым или философом, изучающим гендерную проблему, постоянно возникает дилемма: отказаться от практической направленности исследования или пожертвовать строгой научной определенностью в доскональном, предельном смысле. И понимая, что в динамике эта дисциплинарная полифония, грозящая перейти в какофонию, все возрастает в связи с увеличивающимся в прогрессии количеством исследований, трактовок, попыток объяснения феномена гендера, ученые часто выбирают второе, оставляя непроясненными фундаментальные вопросы, но четко обозначая свою позицию в ценностном, политическом или ином социально-культурном аспекте.

На сегодняшний день стратегия исследователей в вопросе изучения гендерной идентичности может трактоваться как стремление к определению ясной и непротиворечивой позиции в понимании феномена гендера, которая будет способствовать становлению единой комплексной, целостной и непротиворечивой теории гендера и отвечать не только фундаментальным, но и прикладным задачам в российской и зарубежной гендерной теории. Данное исследование также способствует приближению к достижению этой цели.

Методология исследования

Гендерная теория прошла непростой эволюционный путь от биологизаторских концепций классической социологии к современному междисциплинарному пониманию гендерной идентичности через целый спектр различных социологических и психологических теорий социальных ролей [Сеченова, 2012]. Комплексный обзор этих множественных разнородных дисциплинарных схематизаций гендера требует социально-философской поддержки, так как философия располагает методологическими ресурсами и необходимым концептуальным

каркасом, способным объединить и вместить в себя как научный формат исследования, так и релевантные аксиологические и социокультурные точки зрения на проблему гендерной идентичности. Подобный формат выполняет важное требование междисциплинарности, т. е. сохраняет методологическое преимущество, описанное И. С. Коном, и способствует привлечению в гендерную теорию разнообразного исследовательского инструментария. А также может содержательно дополнять представления о феномене гендера, поскольку он действительно имеет и лингвистические (семантические и семиотические) проекции, и герменевтические, социально-феноменологические, историко-культурные (в том числе мифологические или конфессиональные), политические концепции — феминистские и националистические [Рябов, 2008], нацеленные на борьбу с дискриминацией [Добровольский, Кирилина, 2000: 16].

Первые гендерные теории, возникшие в середине XX в., преследовали цели прямо противоположные сегодняшним, т. е. призваны были научно объяснить гендерное неравенство в обществе и оправдать шовинизм и межполовую дискриминацию. Но несмотря на то что отправная точка гендерных исследований впоследствии претерпела известную инверсию в своем целеполагании, в ней была произведена научная работа, имеющая важное эвристическое и методологическое значение: прежде всего, были сформулированы различия между понятиями «пол» и «гендер». И хотя некоторое время они употреблялись как синонимы, постепенно каждое из них обрело собственную референцию и собственные дисциплинарные расширения. Понятием «пол» стали маркировать физиолого-анатомические типологизации людей, а в понятии «гендер» фиксировать внимание на социокультурном аспекте определения «типично мужского» или «типично женского» [Beeghly, 2015]. «Пол» чаще призван подчеркивать инвариантную характеристику объекта, а «гендер» — вариативную, т. е. социокультурный аскриптивный статус, зависимый от культурных, исторических, ценностных координат общественной жизни. «Пол» и «гендер» не взаимоисключают друг друга, но исследователи отмечают, что, поскольку они моделируют разные наблюдаемые состояния объекта, на антропологическом уровне между ними всегда существует определенный зазор, зависящий от культурной интерпретации биологического пола человека и нормативного определения его полоролевых функций. И этот зазор постоянно расширяется за счет индивидуального выбора.

В понятии «гендерная идентичность» еще больше заметен фокус внимания на подвижности — аскриптивности (и даже индивидуальной конституируемости) полоролевого статуса, его психологического, нормативного и культурно-символического наполнения, возникающего на пересечении многочисленных уникальных антропологических и типичных социальных признаков [Alcoff, 2000]. В результате методологической и эвристической дивергенции понятий пола и гендера последнее обрело довольно самостоятельный, автономный корпус дескрипций и предикаций, направленных на различение «мужского» и «женского» в человеке вне зависимости от биологического пола.

В русском языке понятие «гендер» не имеет релевантной референции и на сегодняшний день все еще повсеместно синонимизируется с понятием

«пол». Понятие «гендер» было позаимствовано из американской и европейской гендерной теории, в которой его проработка позволила выстроить данное понятие как комплекс, состоящий из трех основных характеристик: биологической, нормативной, культурно-типологической. Последняя отвечает по большей части за гендерные стереотипы, т. е. «устойчивые, укоренившиеся в массовом сознании представления о целесообразности доминирования женщин в приватной сфере, а мужчин — в публичной, в том числе политической сфере» [Хасбулатова, 2001: 17]. А нормативная часть (так называемый гендерный дисплей) за нормы взаимодействия мужчины и женщины в конкретной культуре [Карелова, 1999: 14—16].

Являясь разновидностью и особым типом стратификационного подхода (осмысливающим неравенство женского и мужского в обществе), гендерный подход в своей гносеологической динамике проходит ряд трансформаций, в результате которых осуществляется поворот от бытия к становлению. О гендере говорят уже как о феномене не статичном, а постоянно становящемся, развертывающемся и несущем в себе способность к изменению. И если на индивидуальном уровне возникает образ постоянно меняющейся и ускользающей гендерной идентичности, то в социальных и групповых теориях, напротив, гендер превратился в одну из фундаментальных характеристик, ставших междисциплинарными и порождающими собственный дискурс и специфическое проблемное поле.

Особенностью постмодернистской гендерной теории явилось то, что в своем содержательном истолковании гендера она перенаправила его в сторону коммуникации и начала понимать не просто как набор существенных символических признаков, атрибутивных полу, но как коммуникативный феномен, фиксирующий асимметрию полоролевого поведения в группах, а также в общественном сознании женщин и мужчин. Концепция гендера как феномена межличностной коммуникации рассматривает гендерную идентичность в качестве специфического символического медиума, в котором кодируются и проходят своеобразную символическую обработку культурные формы представлений о «женском» и «мужском» как элементах социального порядка [Del Pinal et al., 2017]. В современных концепциях разрыв категорий «пол» и «гендер» преодолевает биологический детерминизм, т. е. снимает с повестки бывший некоторое время актуальным вопрос об их иерархии (приоритетности пола) и взаимной детерминации, основанной на естественном половом диморфизме. Постмодернистская теория гендера по-своему учится преодолевать это двойственное, «параллаксное» представление о гендере, указывая на него и разрывая корреляцию биологических половых и символических гендерных признаков, в результате чего эти категории начинают обретать собственную жизнь в науке и философии [Blum, 2004].

Результаты исследования

Обобщая сказанное, можно предположить, что современное определение гендера ближе всего к его пониманию в динамическом аспекте, т. е. гендер рассматривается как феномен, сочетающий в себе биологические и социально-психологические характеристики индивида и имеющий проекцию в конкретной культурно-исторической среде. В таком определении «гендер» очень близко подходит к понятию «гендерная идентичность», в котором,

помимо указанного, подчеркивается особенность гендера возникать в результате гендерной социализации, процесса нормативной адаптации человека к аскриптивному статусу женщины или мужчины, и усвоения культурных полоролевых паттернов гендерного поведения [Knobe et al., 2013].

Как системная характеристика социальной организации гендер «постоянно воспроизводится в структурах сознания и в структурах действия и взаимодействия» людей [Шишлова, 2013: 150], и коммуникационная сфера непрерывно воссоздает этот многослойный и многоаспектный социокультурный, психологический и политический феномен в самых разных нормативных измерениях и аксиологических вариациях.

Современная гендерная теория содержит в своем основании два важных положения: во-первых, гендерная идентичность атрибутируется индивиду обществом (группой) через ценности и нормы культуры, в этом случае культура выступает в качестве символического медиума и выглядит как сложная деонтическая система норм и правил, предписанных человеку, обретающему гендерный статус. Во-вторых, этот приписанный статус не абсолютен, современный индивид четко рефлексировывает собственную ответственность за него на всех этапах, начиная от гендерной социализации, когда обсуждаются правила желательного и нежелательного полоролевого поведения, и заканчивая ситуациями прямого бунта против гендерного статуса, с которым индивид себя не ассоциирует. Это значит, что «гендерный статус» и «гендерная идентичность» как соответственно социальная и индивидуальная характеристики одного и того же феномена гендера могут не совпасть. В этом случае в сознании человека возникает внутриличностный конфликт, выливающийся в желание изменить сами нормы или свой статус. В таких конфликтах, если они становятся масштабными и вовлекают в себя многих людей, происходит не только слом старой организации, но и рождение новых норм и ценностей, так или иначе отражающихся на гендерном порядке всего общества [Бакланов и др., 2014: 78].

Из этого следует, что механизм, отвечающий за гендерную динамику, имеет два взаимосвязанных, но вместе с тем относительно самостоятельных уровня — уровень институтов и социальных структур, с одной стороны, и уровень индивида и его антропологического мира — с другой. Они, при своей несомненной корреляции, безусловно, обладают достаточной автономией и различной аксиологической направленностью для того, чтобы определяться на уровне индивидуального осознания.

На сегодняшний день можно предполагать, что соотношение этих уровней будет продолжать изменяться в сторону возрастания «удельного веса» индивидуального самоопределения. Уже существуют самые разные теории, наделяющие человека правом полного самоопределения в гендерном вопросе и планирования перспектив самореализации в гендерном статусе [Baklanov et al., 2015: 2216]. Эти теории, несомненно, дискуссионны и неоднозначны, истинность их предположений будет проверяться временем. В российском обществе еще не наработаны ни методологическая база, ни социальный запрос для дискуссий и социальных экспериментов подобного рода. Однако нужно отметить, что при этом постепенно складываются условия для формирования гендерного

дискурса, во многом похожего на западный, но обладающего самобытной российской проблематикой и собственным опытом решения гендерных проблем, накопленным в течение XX в., дискурса, имеющего как политическое, так и социокультурное измерение.

Библиографический список

- Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лопата В. В. Специфика конституирования гендерной идентичности в современном обществе. Ставрополь: Ставроп. гос. аграр. ун-т, 2014. 169 с.
- Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: сборник статей / сост. А. В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 19—35.
- Карелова Г. Н. Гендерная адаптация: структурные и процессуальные аспекты анализа исследования: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999. 242 с.
- Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире: лекция 1 // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001a. С. 188—208.
- Кон И. С. Маскулинность как история: лекция 2 // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001b. С. 209—228.
- Кон И. С. Российский мужчина и его проблемы: лекция 3 // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001c. С. 229—242.
- Рябов О. В. Гендерное измерение национализма: методологические проблемы исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 2. С. 42—51.
- Сеченова Е. Г. Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 86—91.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Шишлова Е. Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 148—152.
- Alcoff L. M. On judging epistemic credibility: is social identity relevant? // On Judging Epistemic Credibility: Is Social Identity Relevant? / ed. by N. Zack. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2000. P. 235—262.
- Baklanov I. S., Baklanova O. A., Goncharov V. N., Erokhin A. M., Kolosova O. Y. Ontological status and valuable determination of social norms and normative systems // The Social Sciences (Pakistan). 2015. Vol. 10, iss. 9. P. 2216—2220.
- Beeghly E. What is a stereotype? What is stereotyping? // Hypatia. 2015. Vol. 30, № 4. P. 675—691.
- Blum L. Stereotypes and stereotyping: a moral analysis // Philosophical Papers. 2004. Vol. 33, № 3. P. 251—289.
- Del Pinal G., Madva A., Reuter K. Stereotypes, conceptual centrality and gender bias: an empirical investigation // Ratio. 2017. Vol. 30, № 4. P. 384—410.
- Knobe J., Prasada S., Newman G. Dual character concepts and the normative dimension of conceptual representation // Cognition. 2013. Vol. 127, № 2. P. 242—257.

References

- Alcoff, L. M. (2000) On judging epistemic credibility: is social identity relevant?, in: Zack, N. (ed.), *On Judging Epistemic Credibility: Is Social Identity Relevant?*, New Jersey: Wiley-Blackwell, pp. 235—262.
- Baklanov, I. S., Baklanova, O. A., Goncharov, V. N., Erokhin, A. M., Kolosova, O. Y. (2015) Ontological status and valuable determination of social norms and normative systems, *The Social Sciences (Pakistan)*, vol. 10, iss. 9, pp. 2216—2220.
- Baklanov, I. S., Baklanova, O. A., Lopata, V. V. (2014) *Spetsifika konstituirovaniia gendernoi identichnosti v sovremennom obshchestve* [The specifics of the constitution of gender identity in modern society], Stavropol: Stavropol'skiĭ gosudarstvennyi agrarnyi universitet.
- Beeghly, E. (2015) What is a stereotype? What is stereotyping?, *Hypatia*, vol. 30, no. 4, pp. 675—691.
- Blum, L. (2004) Stereotypes and stereotyping: a moral analysis, *Philosophical Papers*, vol. 33, no. 3, pp. 251—289.
- Del Pinal, G., Madva, A., Reuter, K. (2017) Stereotypes, conceptual centrality and gender bias: an empirical investigation, *Ratio*, vol. 30, no. 4, pp. 384—410.
- Dobrovolskiĭ, D. O., Kirilina, A. V. (2000) Feministskaia ideologiia v gendernykh issledovaniakh i kriterii nauchnosti [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria], in: *Gender kak intriga poznaniia: Sbornik stateĭ*, Moscow: Rudomino, pp. 19—35.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: the specifics of the Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Knobe, J., Prasada, S., Newman, G. (2013) Dual character concepts and the normative dimension of conceptual representation, *Cognition*, vol. 127, no. 2, pp. 242—257.
- Kon, I. S. (2001a) Meniaiushchiesia muzhchiny v izmeniaiushchiesia mire: Lektsiia 1 [Changing men in a changing world: Lecture 1], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleĭdoskop: Kurs lektsiĭ*, Moscow: Academia, pp. 188—208.
- Kon, I. S. (2001b) Maskulinnost' kak istoriia: Lektsiia 2 [Masculinity as a story: Lecture 2], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleĭdoskop: Kurs lektsiĭ*, Moscow: Academia, pp. 209—228.
- Kon, I. S. (2001c) Rossiiskii muzhchina i ego problemy: Lektsiia 3 [Russian man and his problems: Lecture 3], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleĭdoskop: Kurs lektsiĭ*, Moscow: Academia, pp. 229—242.
- Riabov, O. V. (2008) Gendernoe izmerenie natsionalizma: metodologicheskie problemy issledovaniia [Gender dimension of nationalism: methodological problems of research], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Gumanitarnye nauki, iss. 2, pp. 42—51.
- Sechenova, E. G. (2012) Gendernaia identichnost' v fokuse sovremennogo nauchnogo diskursa [Gender identity in the focus of contemporary scientific discourse], *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 86—91.
- Shishlova, E. Ė. (2013) Gender kak innovatsionnyi nauchnyi i filosofskii diskurs [Gender as an innovative scientific and philosophical discourse], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1, pp. 148—152.

Информация об авторах / Information about the authors

Балдицына Елена Ивановна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь, Россия, stavkrokus@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Humanities and Natural Sciences, Stavropol Institute of Cooperation (Branch) of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Stavropol, Russian Federation).

Бакланов Игорь Спартакович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, baklanov72@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy, North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russian Federation).

Бакланова Ольга Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, Mikeewa@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 52—61
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.5

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 52—61
ББК 88.8-7
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.5

ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ РАБОТАЮЩИХ ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Н. Л. Сунгурова, Е. В. Ильина

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия, sungurovanl@mail.ru

Приводятся результаты теоретико-эмпирического исследования психологических особенностей работающих женщин среднего возраста в аспекте переживания удовлетворенности/неудовлетворенности трудом, представлений о временной перспективе, выраженности смысложизненных ориентаций. В исследовании приняли участие женщины зрелого возраста, работающие в экономической и медицинской сферах. Анализ результатов исследования показал, что большинство женщин удовлетворены трудом. В значительной мере — в сфере отношений с коллегами, в меньшей степени — в отношении заработка. Представления о временной перспективе отличаются достаточно позитивным отношением к будущему и прошлому, но некоторой выраженностью беспомощного отношения к настоящему. Отмечаются специфические особенности взаимосвязи удовлетворенности трудом и временной перспективы в разных профессиональных группах женщин.

Ключевые слова: работающие женщины, временная перспектива, удовлетворенность трудом, средний возраст.

WORK SATISFACTION AND TIME OUTLOOK PECULIARITIES OF WORKING MIDDLE-AGED WOMEN

N. L. Sungurova, E. V. Il'ina

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation, sungurovanl@mail.ru

In the article the authors present the results of a theoretical and empirical study of the psychological characteristics of working middle-aged women in the aspect of experiencing satisfaction — dissatisfaction with work, ideas about the time perspective, the expression of meaningful orientations. The study involved adult women who are professionally engaged

in the economic and medical spheres. Analysis of the results of the study showed that most women are satisfied with their work. To a greater extent — in the sphere of relations with colleagues, to a lesser extent — in relation to earnings. The notion of a temporal perspective is characterized by a fairly positive attitude toward the future and the past, but by a certain degree of helplessness towards the present. Specific features of the relationship between job satisfaction and time perspective in different occupational groups of women are noted.

Key words: working women, temporary perspective, job satisfaction, average age.

Введение

Современные исследователи к среднему возрасту относят период с 30 до 50 лет (см., напр.: [Крайг, 2002: 59]). Психологии женщин среднего возраста посвящено значительно меньшее количество исследований по сравнению с мужчинами, тогда как для женщин это переходный период, время переоценки ценностей. Они более эмоционально реагируют на физическое старение. Эта реакция особенно усиливается у современных женщин, поскольку в современном обществе распространяется и закрепляется установка на то, что, чтобы считаться успешной, здоровой, коммуникативно и профессионально интересной, нужно молодо выглядеть. В профессиональном плане возраст также приносит ролевое напряжение, поскольку можно считать, что это возраст «высокого плато», или «поколения руководителей», которому предшествовали десятилетия становления и роста. Именно с работой для человека зрелого возраста связана, вероятно, большая часть его идентичности. При этом приходит осознание приближающегося пенсионного возраста и адаптации к возможному прекращению работы.

Э. Эриксон полагал, что люди среднего возраста начинают решать проблемы грядущей старости и средняя взрослость выполняет подготовительную функцию перехода к «вечеру жизни» [Эриксон, 1996: 118]. В целом в периоде средней взрослости возрастает склонность к самоанализу, и человек начинает четче осознавать многогранность собственной личности и ближайшие перспективы старения.

Для женщин среднего возраста новыми смыслами, требующими перестройки жизненного мира, являются повышение значимости профессиональной самореализации, самовыражение в увлечениях, стремление к материальному достатку, реализация потребности в более широких возможностях выбора места работы, содержания труда и характера социальных отношений в профессиональной деятельности [Скрипачева, 2014: 82].

Удовлетворенность трудом — сложный психологический феномен с многокомпонентной структурой, способной динамично изменяться как в связи с личностным развитием человека, так и в силу воздействий внешней среды. Уровень удовлетворенности трудом, безусловно, зависит от уровня социально-экономической стабильности в обществе, сферы труда и специфики профессиональной деятельности. Важным представляется факт положительной связи физического и нравственного здоровья, гражданского поведения сотрудников организации и уровня их удовлетворенности трудом [Лютенс, 1999: 148—149].

Удовлетворенность трудом — важный показатель самочувствия работника в организации, от которого зависят эффективность трудовой деятельности, его профессиональная и личностная самореализация.

Понятие «временная перспектива» включает две основные категории: время и перспектива. Время — обязательный атрибут человеческой жизни. Наша жизнь — это последовательность мыслей, чувств, поступков и событий, распределенных во времени. Отношение человека ко времени во многом определяет его способность извлекать опыт из прошлого, сущностно проживать настоящее, ставить цели на будущее. Большинство исследователей временная перспектива личности понимается как сложное личностное образование, обуславливающее отношение человека к событиям прошлого, настоящего и будущего.

В отечественной психологии проблемам осознания, переживания будущего в среднем возрасте уделяется достаточно большое внимание. Так, И. Ю. Кулагина и В. Н. Колюцкий рассматривают вопрос представлений о будущем в зрелом возрасте в контексте понятия психологического возраста личности. Авторы считают, что наиболее эффективной для развития личности в этом возрасте является такая временная перспектива, которая, с одной стороны, вбирала бы в себя протяженное психологическое прошлое, с другой — еще более протяженное будущее. В такой ситуации у человека сохраняется ощущение психологической молодости, связанное с реальной продуктивной работой в настоящем и значительными планами на будущее. Личность с такой временной перспективой будет гармонично развиваться в среднем возрасте [Кулагина, Колюцкий, 2001: 161].

Стоит также обратить внимание на исследование Г. Г. Гореловой, посвященное установлению изменений, происходящих в восприятии временной перспективы после 40 лет. Автором показано, что переход личности через рубеж кризиса середины жизни связан с восстановлением целостности ее временной перспективы, с гармонизацией соотношения ретроспективы и перспективы в ее структуре [Горелова, 2002].

Поскольку временная перспектива является смыслообразующей основой жизненного пути человека, ее осознанное переживание идентично интенциональной направленности и результативности собственной жизни. Это связано не только с анализом жизненных событий, но и с собственным субъективным отношением к ним, с переживанием изменений «Я» во времени. Поэтому в процессе восприятия, осмысления прошлого, настоящего, будущего складываются представления, играющие определяющую роль в поведении человека. Они выступают своеобразной ориентировочной основой, кристаллизуются в понятии смысла жизни.

Проблема исследования

Несмотря на широкий спектр исследований проблемы удовлетворенности трудом и активное изучение временной перспективы личности, недостаточно представлен анализ их взаимосвязи, а специфика особенностей временной перспективы и удовлетворенности трудом у работающих женщин зрелого возраста практически не изучена.

Проблема удовлетворенности трудом приобретает у женщин зрелого возраста особую важность. В период от 40 до 50 лет происходит нормативный

возрастной кризис. Идет переоценка ценностей, меняется отношение к разным аспектам жизни. Для многих женщин повышается значимость в жизни профессиональной сферы.

Переживание удовлетворенности/неудовлетворенности трудом у женщин зрелого возраста возникает под влиянием не только объективных факторов (особенности выполняемой работы, характера взаимоотношений в коллективе и др.), но и субъективных, в качестве которых могут выступать индивидуально-личностные особенности, например представление женщин о временной перспективе.

Как правило, будущее наделяется определенной цепочкой событий. Чем ближе находится временная перспектива, тем менее наполнена она событиями, и соответственно чем удаленнее перспектива, тем она насыщеннее. По мнению Е. Е. Сапоговой, в рассматриваемый период жизни будущее приобретает границу, «линию горизонта». Человек в большей степени ставит цели, касающиеся настоящего времени. Но одновременно в среднем возрасте жизненный горизонт должен раздвигаться в силу того, что многое из произошедшего и познанного на предыдущих возрастных этапах обретает осмысленность, глубину, перспективность, объемность [Сапогова, 2001: 396—399].

Методы и методики исследования

Для исследования удовлетворенности трудом применялся тест «Интегральная удовлетворенность трудом» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов) [Фетискин и др., 2002: 325—327]. Особенности временной перспективы выявлялись с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) (в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [Сырцова и др., 2008]. В качестве дополнительного инструментария использовался тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [Леонтьев, 2000]. Методы математической обработки данных — описательная статистика, непараметрическая статистика, корреляционный анализ.

В исследовании приняли участие работающие женщины зрелого возраста — представительницы разных типов профессий в экономической и медицинской сферах деятельности. Объем выборки составил 70 человек.

Результаты и обсуждение

В результате психодиагностического исследования респондентов были получены данные об их удовлетворенности трудом, выраженности смысловых ориентаций и представлений о временной перспективе.

На рисунке 1 представлены средние показатели удовлетворенности трудом женщин.

Критерий Фридмана, использовавшийся для математической обработки, выявил статистически значимые различия между шкалами ($X_r^2 = 113,6$; $p = 0$). Таким образом, для женщин в наибольшей степени характерны «удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками» и «удовлетворенность условиями труда».

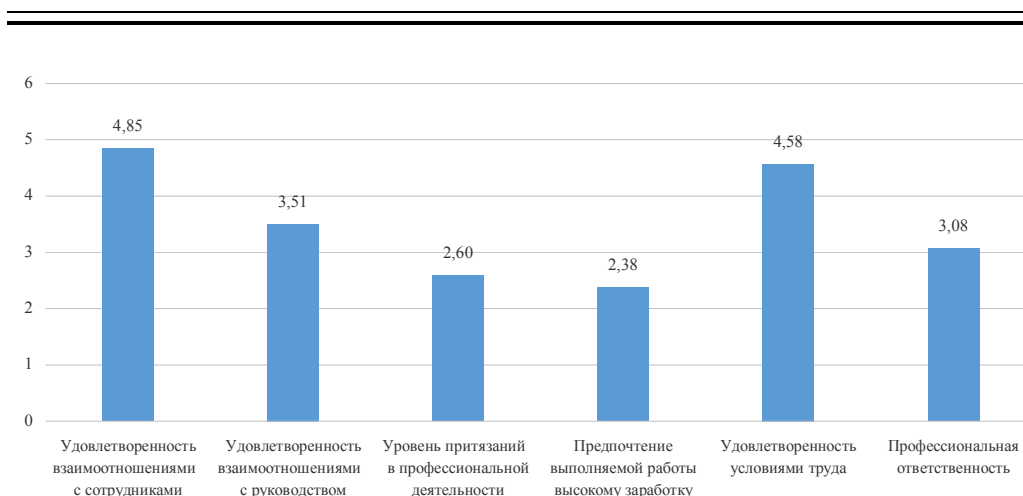

Рис. 1. Средние значения показателей удовлетворенности трудом по 5-балльной шкале

В таблице 1 приведены показатели удовлетворенности трудом женщин зрелого возраста, занятых в экономической и медицинской сферах.

Таблица 1

Сравнительный анализ средних значений показателей удовлетворенности трудом женщин зрелого возраста, занятых в экономической и медицинской сферах

Показатель	Средние значения		U-критерий Манна — Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Экономическая сфера	Медицинская сфера		
Интерес к работе	37,9	33,7	528	0,344
Удовлетворенность достижениями в работе	27,7	41,3	367	0,002*
Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	31,4	38,6	476	0,112
Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	35,7	35,4	594	0,942
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	32,7	37,6	517	0,283
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	26,3	42,4	324	0,001*
Удовлетворенность условиями труда	33,3	37,2	533	0,383
Профессиональная ответственность	44,7	28,6	324	0,000*
Общая удовлетворенность трудом	31,6	38,4	484	0,166

* Различия статистически значимы ($p \leq 0,05$).

В группе женщин зрелого возраста, занятых в экономической сфере, статистически значимо выше выражен показатель «профессиональная ответственность». В группе женщин, занятых в медицинской сфере, — «удовлетворенность достижениями в работе» и «предпочтение выполняемой работы высокому заработку».

На рисунке 2 представлены средние значения показателей временной перспективы женщин.

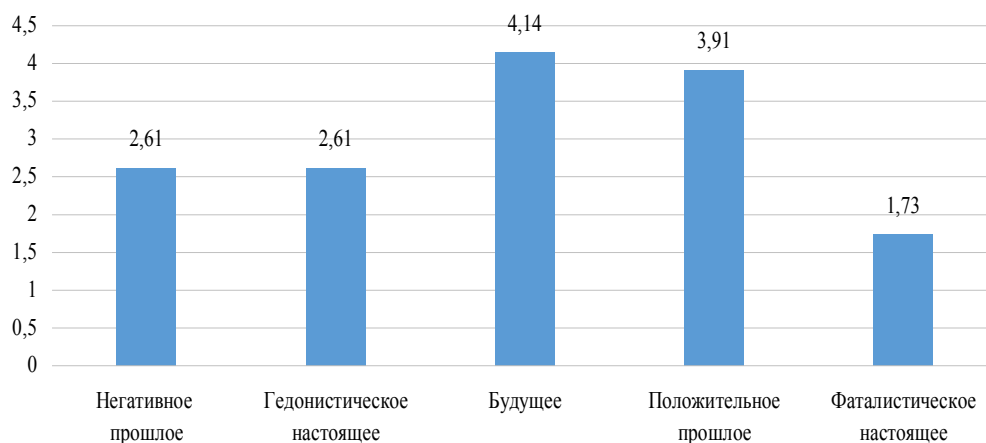

Рис. 2. Средние значения показателей временной перспективы по 5-балльной шкале

Критерий Фридмана, использовавшийся для математической обработки, выявил статистически значимые различия между шкалами ($X_r^2 = 113,9$; $p = 0$).

В таблице 2 приведены средние значения показателей временной перспективы женщин зрелого возраста, занятых в экономической и медицинской сферах.

Таблица 2

Сравнительный анализ средних значений показателей временной перспективы женщин зрелого возраста, занятых в экономической и медицинской сферах

Показатель	Средние значения		U-критерий Манна — Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Экономическая сфера	Медицинская сфера		
Негативное прошлое	30,8	39,0	459	0,093
Гедонистическое настоящее	34,3	36,4	565	0,677
Будущее	43,7	29,4	354	0,003*
Положительное прошлое	37,7	33,9	534	0,431
Фаталистическое настоящее	28,9	40,5	401	0,018*

* Различия статистически значимы ($p \leq 0,05$).

В группе женщин зрелого возраста, занятых в экономической сфере, статистически значимо выше выражена ориентация на будущее. В группе женщин, занятых в медицинской сфере, статистически значимо выше выражена ориентация на фаталистическое настоящее.

На рисунке 3 показаны средние значения показателей осмысленности жизни женщин зрелого возраста.

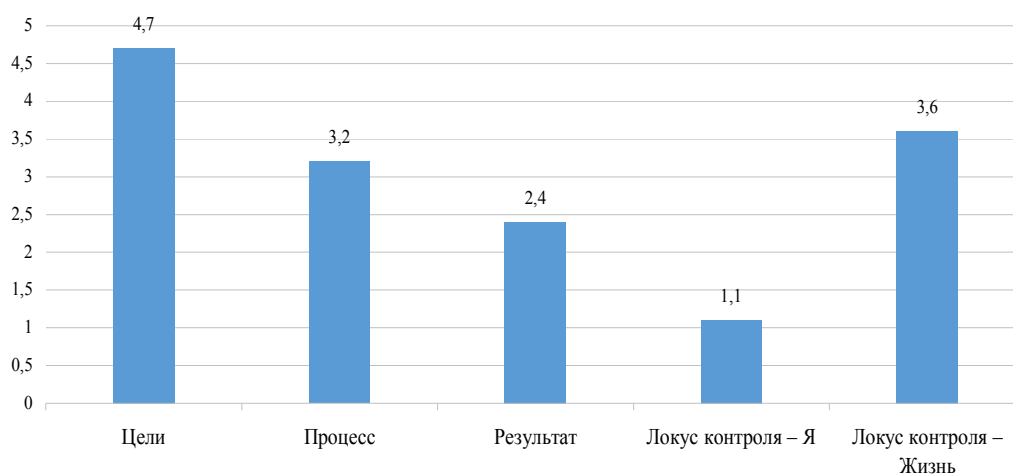

Рис. 3. Средние значения показателей осмысленности жизни по 5-балльной шкале

Критерий Фридмана, использовавшийся для математической обработки, выявил статистически значимые различия между шкалами ($\chi^2 = 295,5$; $p = 0$).

В таблице 3 приведены средние значения показателей осмысленности жизни женщин зрелого возраста, занятых в экономической и медицинской сферах.

Таблица 3

Сравнительный анализ средних значений показателей осмысленности жизни женщин зрелого возраста, занятых в экономической и медицинской сферах

Показатели	Средние значения		U-критерий Манна — Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Экономическая сфера	Медицинская сфера		
Цели	30,2	39,5	440	0,056
Процесс	38,1	33,6	522	0,353
Результат	29,3	40,2	413	0,026*
Локус контроля — Я	35,3	35,7	594	0,943
Локус контроля — Жизнь	37,0	34,4	555	0,592
Осмысленность жизни	35,1	35,8	587	0,877

* Различия статистически значимы ($p \leq 0,05$).

В группе женщин зрелого возраста, занятых в медицинской сфере, статистически значимо выше способность находить смысл жизни в прошлом.

Далее мы провели корреляционный анализ показателей удовлетворенности трудом, смысложизненных ориентаций и временной перспективы.

Гедонистическое настоящее коррелирует с уровнем удовлетворенности достижениями в работе ($r_s = 0,280$; $p = 0,019$). Женщины, удовлетворенные достижениями в работе, в большей степени склонны наслаждаться настоящим.

Ориентация на будущее связана отрицательно с уровнем притязаний в профессиональной деятельности ($r_s = -0,289$; $p = 0,015$) и положительно с профессиональной ответственностью ($r_s = 0,237$; $p = 0,048$). Чем ниже уровень притязаний в трудовой деятельности и выше ответственность за выполняемую работу, тем в большей степени женщины зрелого возраста склонны строить планы на будущее. Таким образом, можно предположить, что активность в построении планов на будущее для женщин зрелого возраста выступает приемом повышения профессиональной ответственности и компенсацией нереализованности профессиональных притязаний.

Положительное прошлое коррелирует с уровнем удовлетворенности отношениями с сотрудниками ($r_s = 0,362$; $p = 0,002$), а также уровнем удовлетворенности условиями труда ($r_s = 0,365$; $p = 0,002$). Удовлетворенность взаимоотношениями в трудовом коллективе и условиями труда способствует тому, что женщины принимают свое прошлое, в том числе и его негативные страницы, как важный и необходимый опыт. Восприятие своего прошлого в качестве ценного опыта можно рассматривать как условие профессионального развития, формирования ответственной позиции в жизни и позитивных отношений с коллегами.

Фаталистическое настоящее связано положительно с уровнем удовлетворенности достижениями в работе ($r_s = 0,303$; $p = 0,011$) и отрицательно с уровнем удовлетворенности отношениями с сотрудниками ($r_s = -0,256$; $p = 0,032$). Чем в большей степени работающие женщины зрелого возраста испытывают удовлетворенность достижениями в работе и неудовлетворенность в межличностных отношениях с коллегами, тем в большей степени они склонны полагать, что слабо могут повлиять на события в своей жизни. Они смотрят на жизнь как на последовательность фатально predetermined событий, что в своем крайнем проявлении может привести к пассивности. Однако в умеренной выраженности такая позиция помогает женщинам снять чрезмерную тревожность и озабоченность своими профессиональными успехами, что идет на пользу профессиональной эффективности и в конечном итоге способствует росту удовлетворенности профессиональными достижениями и установлению благоприятных отношений с коллегами.

Заключение

Анализ удовлетворенности трудом женщин зрелого возраста показал, что подавляющее большинство удовлетворены своим трудом. При этом наибольший уровень удовлетворения выявлен в сфере отношений с коллегами, а наименьший — в отношении заработка. При этом наблюдается определенная профессиональная специфика. В группе женщин зрелого возраста, занятых в экономической сфере, в большей мере выражена профессиональная ответственность. Женщины,

заняты в медицинской сфере, в большей степени удовлетворены достижениями в работе и предпочитают выполняемую работу высокому заработку.

Женщины зрелого возраста, участвовавшие в данном исследовании, показывают достаточно высокий уровень осмысленности жизни в прошлом, настоящем и будущем.

Представления о временной перспективе у женщин зрелого возраста отличаются достаточно позитивным отношением к будущему и прошлому и незначительной выраженностью беспомощного отношения к настоящему. В проявлении временной перспективы также имеются профессиональные особенности. В группе женщин, занятых в экономической сфере, в большей мере выражена ориентация на будущее. В группе женщин, занятых в медицинской сфере, — ориентация на фаталистическое настоящее.

Удовлетворенность женщин своей профессиональной деятельностью связана не только с объективными достижениями и карьерным ростом, но и с их субъективным отношением к жизни.

Женщины зрелого возраста, удовлетворенные достижениями в работе, в большей степени склонны наслаждаться настоящим. Удовлетворенность взаимоотношениями в трудовом коллективе и условиями труда позволяет женщинам принимать свое прошлое, каким бы оно ни было, как важный, необходимый и ценный опыт. Активность женщин в построении планов на будущее связана с низким уровнем притязаний в профессиональной деятельности и высокой ответственностью за выполняемую работу, что, скорее всего, является особенностью менталитета российской женщины. Как и тот факт, что работающие женщины зрелого возраста, испытывая удовлетворенность достижениями в работе и неудовлетворенность в межличностных отношениях с коллегами, искренне полагают, что они слабо могут повлиять на события в своей жизни. Нашим женщинам свойственно воспринимать жизнь как последовательность фатально predetermined событий.

Библиографический список

- Горелова Г. Г. Личность и профессия: (профессионально-личностная реадaptация в условиях «тройного» кризиса). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. 402 с.
- Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2002. 988 с.
- Кулагина И. Ю., Колуцкий В. Н. Возрастная психология: учебное пособие. М.: Смысл, 2001. 382 с.
- Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций. М.: Смысл, 2000. 18 с.
- Лютенс Ф. Организационное поведение. М.: ИНФРА-М, 1999. 267 с.
- Сапогова Е. Е. Психология развития человека: учебное пособие. М.: Аспект пресс, 2001. 460 с.
- Скрипачева Е. Н. Психические состояния женщин в кризисе середины жизни и возможности их акмеопсихологической коррекции: дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2014. 191 с.
- Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 101—109.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 490 с.
- Эрикссон Э. Детство и общество. СПб.: Унив. кн., 1996. 241 с.

References

- Èrikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society], St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., Manuilov, G. M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiia lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups], Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii.
- Gorelova, G. G. (2002) *Lichnost' i professiia: (Professional'no-lichnostnaia readaptatsiia v usloviakh "troinogo" krizisa)* [Personality and profession: (Professional and personal rehabilitation in the conditions of the "triple" crisis)], Cheliabinsk: Izdatel'stvo Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- Kraig, G. (2002) *Psikhologiya razvitiia* [Developmental psychology], St. Petersburg: Piter.
- Kulagina, I. Iu., Koliutskii, V. N. (2001) *Vozrastnaia psikhologiya* [Age-related psychology], Moscow: Smysl.
- Leont'ev, D. A. (2000) *Test smyslozhiznennykh orientatsii* [Life sense orientation test], Moscow: Smysl.
- Liutens, F. (1999) *Organizatsionnoe povedenie* [Organizational behavior], Moscow: INFRA-M.
- Sapogova, E. E. (2001) *Psikhologiya razvitiia cheloveka* [Psychology of human development], Moscow: Aspekt press.
- Skripacheva, E. N. (2014) *Psikhicheskie sostoiianiia zhenshchin v krizise serediny zhizni i vozmozhnosti ikh akmeopsikhologicheskoi korrektsii: dis. ... kand. psikh. nauk* [Mental conditions of women in mid-life crisis and the possibility of their acme-psychological correction: Diss. (Cand. Sc.)], Tomsk.
- Syrsova, A., Sokolova, E. T., Mitina, O. V. (2008) Adaptatsiia oprosnika vremennoi perspektivy lichnosti F. Zimbardo [Adaptation of the questionnaire of the time perspective of the personality of F. Zimbardo], *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 29, no. 3, pp. 101—109.

Статья поступила 05.09.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Сунгурова Нина Львовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, sungurovanl@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russian Federation).

Ильина Елена Викторовна — магистрантка кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, elenanunner@mail.ru (student of the Master Program (Psychology) at the Department of Psychology and Pedagogics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 62—73
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.6

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 62—73
ББК 81.006.15
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.6

СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ВИДЕОРЕКЛАМЕ

Ф. И. Карташкова^a, Н. А. Савина^b

^a Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, kartashkova@rambler.ru

^b Ивановский филиал, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия

Статья посвящена исследованию манипулятивных приемов невербального поведения человека в видеорекламе в гендерном аспекте. Приведен сопоставительный анализ различных форм невербального поведения российской и американской женщин, их характерных образов и коммуникативных тактик, использованных в видеорядах и направленных на достижение перлокутивного эффекта. Выявлены манипулятивные тактики, создающие позитивный эмоциональный настрой и эмоционально вовлекающие реципиента рекламы, а также их взаимосвязь с невербальным поведением женских персонажей.

Ключевые слова: феминология, гендерные роли, невербальная коммуникация, невербальные компоненты, эмоциональное воздействие, перлокутивный эффект.

SPECIFICITY OF FEMALE NONVERBAL BEHAVIOR IN RUSSIAN AND AMERICAN VIDEO ADVERTISING

F. I. Kartashkova^a, N. A. Savina^b

^a Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kartashkova@rambler.ru

^b Ivanovo Branch, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of various means of manipulating in commercials via non-verbal behavior from the gender angle. Comparative analysis of different forms of feminine non-verbal behavior and female distinctive images in advertisements is delivered. Communicative and manipulative tactics aimed at perlocutionary effect are discussed. The latter is achieved, as it is shown in the article, by manipulating the emotional state of recipient. The essential factors in the creation of an advertisement that intensify

the perlocutionary effect are also analyzed here. They consist in strong connection of the advertising image with the advertised object that influences the ability of the recipient to understand the meaning of the message. No less important for the advertisement is the category of implicitness, which is revealed through the verbal as well as non-verbal (phonation, mirmics, mimics, proxemics and others) part of this form of communication.

Key words: feminology, gender roles, non-verbal communication, non-verbal components, emotional impact, perlocutionary effect.

Актуальность исследования

В осознании системы современных гендерных отношений большую роль играют СМИ, в частности видеореклама, которая обладает огромным спектром средств выражения для оказания наибольшего воздействия на аудиторию. Среди таких сильнейших средств — гендерные стереотипы, поэтому СМИ, являясь одним из основных каналов передачи информации об отношениях в современном социуме, оказывают существенное влияние на их формирование и закрепление. Реклама продуктов массового потребления, как правило, демонстрирует ситуации повседневной жизни и взаимодействия людей, вводит типичные схемы взаимодействия. Именно по этой причине реклама считается одним из особенно эффективных способов воздействия на массовое сознание. В этой связи особый интерес представляет сопоставительное исследование российской и американской рекламы в плане установления сходных и различных черт. Не менее важно выявить, какие образы женщины эксплуатируются американской рекламой, а какие — российской (при этом целесообразно уточнить, не является ли последняя слепком с предыдущей), а главное — установить, какой образ современной российской женщины доминирует в рекламе.

Традиции изучения невербального поведения женщин

Все возрастающая социальная роль женщин в современном обществе и их вклад в развитие различных сфер жизни лежат в основе исследований в области феминологии. Благодаря им разработан ряд теоретических подходов к различным феноменам социума, в том числе гендерный — к анализу различных сфер жизнедеятельности общества (см., напр.: [Хасбулатова, 2001; Воронина, 2018]). Так, Т. Б. Рябова исследует, как политический дискурс воспроизводит социальное неравенство в сфере гендерных отношений [Рябова, 2008].

Мнение относительно того, что мужчины и женщины обладают различными чертами, способностями и склонностями, широко распространено в работах зарубежных авторов (см., напр.: [Kite et al., 2008]). Эти стереотипы были признаны очень устойчивыми [Dodge et al., 1995; Neilman, 2001]. Женщины обычно характеризуются как люди, имеющие потребность заботиться о благополучии других. Предполагается, что типичная женщина должна быть доброй, заботливой, чувствительной, сопереживающей и эмоциональной. Мужчине полагается быть независимым, уверенным, решительным, агрессивным и сильным [Kite et al., 2008]. Проведен ряд экспериментов, которые доказывают, что женщины лучше отправляют и дешифруют невербальные сообщения, чем мужчины [Briton, Hall, 1995]. Показано, что мужчины и женщины используют разный

«репертуар» невербального поведения, а некоторые виды невербального поведения принимаются априори как «женское» или «мужское» [Shields, 1987]. Установлено также, что женщины и мужчины испытывают одни и те же эмоции и в одинаковой степени, однако женщины более невербально выразительны [Kring, Gordon, 1998].

Исследователями российской рекламы было выявлено, какие основные роли фиксируются в рекламе при передаче мужских и женских образов. Женщина выступает в жестко фиксированных ролях домохозяйки, жены, матери [Петров, 2010]. Установлены также способы демонстрации и восприятия мужских и женских образов [Турутина, Тоноян, 2010]. Общие гендерно-ролевые модели современного мира, как отмечается, формируются и внедряются в жизнь благодаря рекламе, восприятие которой происходит через конкретные яркие детали, которыми так богат рекламный образ [Юдина, Садиков, 2016]. Исследователи российской рекламы обращались и к ее невербальной составляющей. Глубокий анализ проблем гендерной невербалики (гендеризированный физический язык коммуникации) представлен в работах психолога И. В. Грошева, который разработал матрицу «Невербальные средства общения», регистрирующую особенности невербального поведения человека в гендерном аспекте. Установленные различия невербалики позволили автору говорить о наличии «гендерлекта», содержащего не только вербальные, но и невербальные компоненты коммуникации, которые работают на создание стереотипных мужских и женских образов. Определены основные механизмы влияния гендера на восприятие рекламы [Грошев, 1999]. Учеными установлена взаимосвязь между физиологическими и генетическими различиями полов и существующими социальными, историческими и культурными предпосылками для возникновения гендерных стереотипов. Также показано, как стереотипы влияют на восприятие рекламы, на доверие к ней, какие гендерные особенности прослеживаются в рекламе некоторых товарных категорий [Дударева, 2003]. Рассмотрены конструкты и дискурсивные практики, перформативные и транзитивные техники поведенческих актов, используемые в рекламе для репрезентации маскулинности и фемининности. Выявлено, что создаваемые рекламой поведенческие модели «конструируют» некоторую гендерную сущность [Грошев, 2000].

Вместе с тем следует отметить, что в исследованиях не нашел отражение такой важный аспект рекламы, как эксплуатация различных видов невербального поведения женщин. Нам важно понять, как идет формирование женских образов в российской и американской рекламе, какие манипулятивные приемы использования различных невербальных компонентов коммуникации применяются и каким образом они работают на достижение перлокутивного эффекта.

Методология и методика исследования

Методологическую основу нашей работы составляет гендерный подход и, в частности, идеи социального конструктивизма, в основе которого сочинения А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля. Согласно данному подходу, принципиальную роль играют изучение повседневной жизни, взаимодействия людей в конкретных ситуациях и те значения, которые организуют их повседневность.

В отечественной науке исследование образов мужчин и женщин, гендерных стереотипов в общественном сознании осуществляется с конца 80-х гг. XX в. Большой вклад в изучение гендерной стереотипизации в различных сферах общества внесли С. Г. Айвазова, Н. А. Шведова, О. А. Хасбулатова, Т. Б. Рябова, О. В. Рябов, И. С. Клецина, О. А. Воронина, Т. А. Клименкова и другие. В особую группу можно выделить работы, в которых рассматривается функционирование гендерных стереотипов в сфере языка и языкового сознания, — А. В. Кирилиной, Е. С. Гриценко, Е. И. Горошко, И. И. Халеевой, Г. Е. Крейдлина, А. А. Григоряна. Гендерные стереотипы понимаются как стандартизованные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское». Гендерные стереотипы являются наиболее ярким и эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей [Воронина, Клименкова, 1992].

Образы женщин и мужчин, как справедливо указывает А. В. Кирилина, следует рассматривать как динамические, изменчивые продукты развития, поддающиеся социальному манипулированию и моделированию и подверженные сильнейшему влиянию культурной традиции [Кирилина, 2000]. Особый интерес представляют гендерные исследования в аспекте невербального поведения. Новые жизненные условия, социальные конвенции и ролевые установки приводят к преломлению культурных и коммуникативных традиций. Важную роль здесь играет не только речевое общение людей, но и невербальная коммуникация [Крейдлин, 2005: 12].

В ходе исследования была применена комплексная методика, включающая приемы сопоставительного, визуального, социо- и психолингвистического анализа с последующей лингвистической интерпретацией полученных данных. Материалом послужили 90 роликов российского и американского производства. Данные ролики, содержащие рекламу товаров массового потребления, были идентифицированы как российские и американские в соответствии со страной — производителем продукта («Coca-cola», «Carl's Jr. burger» (США), «Коркунов», «Биобаланс», «Вязанка» (РФ)). Если продукт «международный» («Fergero», «Activia», «Nescafe»), то выборка проводилась в соответствии с присутствующими в видеоряде актерами (Шакира, Дж. Стэймос (США), М. Дробязко, И. Дапкунайте, Ю. Чичерина (РФ)). Также учитывалось, какое рекламное агентство снимало данный ролик и для какой аудитории.

Цель статьи заключается том, чтобы установить роль невербальных компонентов коммуникации женщин в российской и американской рекламе в достижении перлокутивного эффекта. Это позволит выявить способы манипулятивного воздействия как на женскую, так и на мужскую аудиторию, к которой обращена современная реклама.

Результаты исследования

Анализ современной российской рекламы (РР) товаров массового потребления (2000—2010-х гг.) с участием женщин показал, что женское невербальное поведение в рекламе товаров пищевой промышленности конгруэнтно образам хорошей домохозяйки и заботливой матери.

Ил. 1

К специфическим невербальным действиям женщин относятся процесс приготовления продукта и различные действия с ним (ил. 1).

Российская реклама продуктов питания отражает положительные эмоции женщины, выраженные при помощи улыбки (мимический НВК) и направленного на продукт взгляда (миремиический НВК), маркирующие эмоциональную реакцию удовольствия от вкуса продукта. Тактильные НВК (прикосновение к близким) также отражают позитивный настрой женщины. Фонационные НВК (интонация, тембр) используются для привлечения внимания к продукту, в ситуации приглашения к столу (ил. 2).

Ил. 2

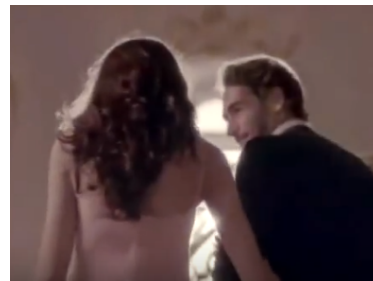

Ил. 3

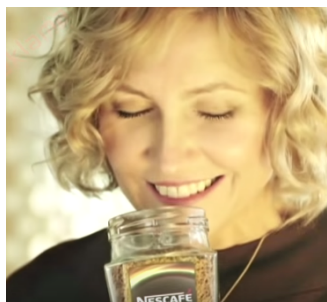
Положительное эмоциональное состояние женщины в РР служит каузатором позитивных эмоций других коммуникантов, испытывавших до этого негативные эмоции (недовольство/огорчение/равнодушие) (ил. 3).

Если в качестве коммуникантов в рекламе наряду с женщинами выступают мужчины, то имеет место сюжет, характерный для диполовых ситуаций общения, подразумевающий флирт.

Здесь воздействие на реципиента РР происходит за счет женских образов при помощи НВК, отражающих чувство наслаждения продуктом. В рекламе в первую очередь эксплуатируются мимические и миремиические НВК, а также тактильные, маркирующие сближение между коммуникантами. Специфические невербальные действия, каузирующие чувство наслаждения продуктом в ситуациях диполового общения, наблюдаются в процессе пробы продукта женщиной. Коммуникант-мужчина не принимает активного участия в данном процессе, но «сопереживает», его эмоции оживляются. Такое развитие событий, ведущее по сценарию к возникновению чувств между участниками коммуникации, является распространенным коммуникативным ходом в рекламе шоколада,

Ил. 4

Ил. 5

чипсов, йогурта (например, в рекламе изделий фирм «Коркунов», «Лэйс», «Даниссимо» (ил. 4)). Еще одним манипулятивным приемом, манифестирующим эмоциональную реакцию удовольствия, являются респираторные НВК, которые на уровне видеоряда связаны с вдыханием приятного аромата рекламируемого продукта (ил. 5).

В качестве манипулятивного приема можно рассматривать и сюжет роликов РР, связанный с темой жажды и удовольствия от ее утоления. Тема лета, веселья, молодости и любви служит привязкой к образу прохладительных напитков (ил. 6). НВК окру-

жающей среды здесь играет исключительно важную роль: летняя обстановка и жаркая погода предполагают минимум одежды или демонстрацию полубнаженного женского тела, что является признанным манипулятивным ходом для привлечения внимания аудитории.

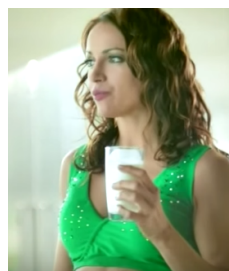

Ил. 6

Манипулятивная направленность прослеживается и в роликах, устанавливающих взаимозависимость стройного женского тела и правильного питания. Например, в рекламе йогурта «Биобаланс» результат, которого добились девушки (похудели), связывается с причиной — действием продукта. Привязка к теме спорта вызывает ассоциацию со здоровым образом жизни. В подобной рекламе образы женщин работают на привлечение женской аудитории. Здесь также задействуются НВК окружающей среды: спортзал, спортивная одежда, дополняющие «образ здоровья» персонажей. В рекламе йогурта «Активиа» женщина — звезда спорта, прекрасная физическая форма которой также ассоциируется с действием йогурта на организм. Данные примеры иллюстрируют причинно-следственную связь между рекламируемым продуктом и его эффективностью (ил. 7, 8).

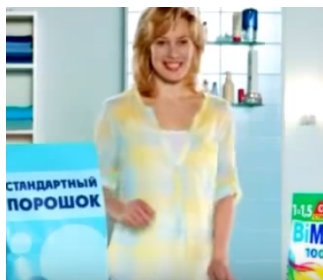

Ил. 7

Ил. 8

К манипулятивным приемам относится и эксплуатация образа успешной женщины, созданию которого служат НВК окружающей среды. Например, в рекламе стирального порошка «Бимакс» женщина выглядит и ведет себя как эксперт

Ил. 9

(одежда, яркий макияж, прическа). Ее внешний вид и уверенное поведение формируют позитивный образ продукта, которому можно доверять, что работает на достижение перлокутивного эффекта (ил. 9).

Интересным манипулятивным приемом служит создание образа женщины-спасительницы (в рекламе таблеток «Мезим»). В этом видеоряде мужчины превращаются в тюленей в результате переедания, что символизирует их неприятные ощущения тяжести в желудке. Проблема решается при помощи рекламируемого продукта — таблеток, которые дают им женщины (тюлени снова превращаются в людей). Образ женщины ассоциируется с уверенностью в безусловно эффективном действии продукта (ил. 10, 11).

Ил. 10

Ил. 11

В американской рекламе (АР) с участием женских персонажей одним из основных приемов воздействия является создание образа женственности и концепта любви с помощью различных видов невербальных действий. Примером может служить реклама кофе «Nescafe», создатели которой подают кофе (его вкус) как каузатор чувства любви. Вообще говоря, для АР семейный сюжет весьма типичен. При этом использование рекламируемого продукта, каузирующего положительную эмоцию женщины, ведет к смене эмоционального состояния остальных участников коммуникации, в данном случае эмоционального состояния мужчины, которое изменяется от нейтрального/равнодушного к заинтересованному (ил. 12, 13).

Ил. 12

Ил. 13

Иллюстрацией яркого эмоционального воздействия на реципиента служит и видеоряд роликов «Carl's Jr.». Основными видами НВК здесь являются мимические и миремические, а также НВК окружающей среды — фрукты и овощи в качестве элементов телесного кода. Главным способом общения выступает невербальный (миремический НВК): мужчина провожает взглядом прекрасную девушку с красивой фигурой (ил. 14).

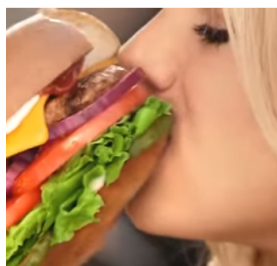

Ил. 14

Положительная эмоция женщины (наслаждение продуктом) на имплицитном уровне устанавливает взаимосвязь между продуктом и красотой женского тела (ил. 15, 16).

Ил. 15

Ил. 16

К манипулятивным приемам АР следует отнести и развитие темы нежности, заботы, материнской любви. Персонаж рекламы «Danone Oykos» (женщина) наслаждается йогуртом и предлагает его мужчине. Эмоции выражаются в невербальном поведении женского персонажа, которое дублируется мужским персонажем на уровне мимических и миремических НВК (улыбка, прикрытые глаза): женщина кормит мужчину с ложечки (жест заботы и материнской любви), что имплицитно акцентирует такое качество рекламируемого продукта, как нежность.

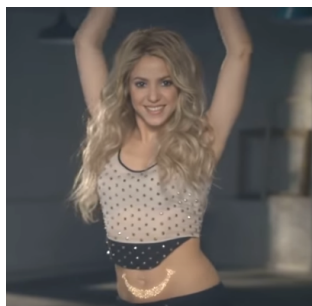
Перлокуция достигается здесь не только благодаря демонстрации эмоции удовольствия через невербальное поведение персонажей, но и благодаря усилению данного эффекта за счет агрессивного реагирующего поведения женщины: вступая в борьбу за продукт, она наносит удар головой в лицо мужчины (специфический НВК негативного вектора). Данный тип поведения контрастирует с исходным видеорядом и способствует более сильному воздействию на реципиента, акцентируя желание получить продукт, что подразумевает его превосходный вкус (ил. 17, 18).

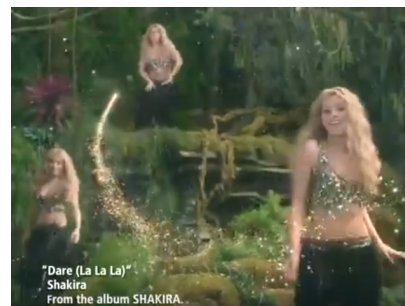
Ил. 17

Ил. 18

Ил. 19

Ил. 20

Интересным манипулятивным приемом служит использование элементов телесного кода: например, в рекламном ролике «Activia» (с Шакирой в главной роли) устанавливается причинно-следственная связь между здоровым питанием и красотой женского тела. Взаимосвязь раскрывается в видеоряде рекламы, где задействованы НВК окружающей среды: сказочный лес является метафорой внутренней флоры женщины (в нем танцуют эльфы — ее маленькие копии, испытывающие эмоцию радости от употребления рекламируемого продукта) (ил. 19, 20). Таким образом, на когнитивном уровне реципиент формирует причинно-следственные связи: если употребить рекламируемый продукт «Activia», то это гарантирует правильную работу организма, что ведет к хорошему самочувствию и определяет положительное эмоциональное состояние человека. Подобная когнитивная цепочка без труда декодируется потенциальными покупателями, что способствует эффективности рекламы.

Итоги

Анализ женского невербального поведения в российской и американской видеорекламе позволяет сделать следующие выводы. Основным манипулятивным приемом в рекламе товаров массового потребления является использование стереотипных женских образов, раскрывающих темы семьи, любви, флирта, молодости и красоты. На уровне невербальной коммуникации поведение женских персонажей, как правило, конгруэнтно их роли и направлено на создание положительного образа рекламируемого продукта.

Чаще всего использование НВК (контролируемых НВК) — манипулятивный прием для манифестации эмоции удовольствия, выражающей положительную реакцию женщины на продукт (как результат воздействия вкусовых или иных качеств продукта), которая затем дублируется другими участниками коммуникации, влияет на их поведение и выступает мощным фактором эмоционального воздействия на реципиента.

К общим чертам РР и АР относится следующее: женское невербальное поведение служит каузатором положительной эмоциональной реакции участников коммуникации, работает на появление эмоционального состояния позитивного вектора. Использование семиотически релевантных знаков в АР для интенсификации положительных эмоций отражает причинно-следственную связь между рекламируемым продуктом и его эффективностью. Элементы телесного кода

характерны для РР и АР, однако в АР создание образов чаще строится на когнитивной метафоре.

К основным различиям обсуждаемых реклам относится то, что в РР для женщин весьма важным оказывается социальный статус (мать, жена, эксперт), в то время как АР акцентирует внешнюю привлекательность женщины. Тема семьи и любви в рекламе также освещается по-разному: если в РР центром сюжета является образ матери, собирающей за столом всю семью (включая детей), то для АР более характерна демонстрация чувств и близких отношений между женщиной и мужчиной. Для АР, по сравнению с РР, более типична эксплуатация внешней привлекательности женщины, установление причинно-следственной связи между рекламируемым продуктом и красотой женского тела. В АР перлокуция также достигается за счет агрессивного поведения женщины, контрастирующего с исходным видеорядом. Эмоциональному вовлечению реципиента в АР способствует большее разнообразие элементов телесного кода, а также прецедентных имен (популярные героини фильмов, известные люди), что не характерно для РР. Таким образом, проведенное исследование еще раз доказывает, что гендерные стереотипы не только передают информацию о типичных чертах различных представителей социума, но и выполняют важные социальные функции, определяя социально приемлемое поведение индивидов.

Библиографический список

- Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. М.: Ин-т философии РАН, 2018. 111 с.
- Воронина О. А., Клименкова Т. А. Гендер и культура // Женщины и социальная политика: (гендерный аспект) / отв. ред. З. А. Хоткина. М.: ИСЭПН РАН, 1992. С. 10—22.
- Грошев И. В. Образ женщины в рекламе // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З. А. Хоткиной, Н. Л. Пушкаревой, Н. И. Трофимовой. М.: МЦГИ, 1999. С. 331—343.
- Грошев И. В. Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 172—187.
- Дударева А. А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. М.: РИП-Холдинг, 2003. 217 с.
- Карташкова Ф. И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте // Вопросы психолингвистики. 2014. № 3. С. 108—113.
- Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания / сост. А. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 47—81.
- Крейдлини Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки слав. культуры, 2005. 224 с.
- Петров М. С. Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. Вып. 124. С. 401—407.
- Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. 246 с.
- Турутина Е. С., Тоноян С. Н. Гендерные образы в рекламе: особенности восприятия и репрезентации // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2010. № 1 (1). С. 52—64.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.

- Юдина Е. Н., Садиков М. Г. Гендерно-ролевые аспекты рекламной коммуникации // Коммуникология. 2016. Т. 4, № 5. С. 176—188.
- Briton N. J., Hall J. A. Beliefs about female and male nonverbal communication // *Sex Roles*. 1995. № 32. P. 79—90.
- Dodge K. A., Gilroy F. D., Fenzel L. M. Requisite management characteristics revisited: two decades later // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1995. № 10. P. 253—264.
- Heilman M. E. Description and prescription: how gender stereotypes prevent women's ascent up the organizational ladder // *Journal of Social Issues*. 2001. № 57. P. 657—674.
- Kite M. E., Deaux K., Haines E. L. Gender stereotypes // *Psychology of Women: a Handbook of Issues and Theories* / ed. by F. L. Denmark, M. A. Paludi. Westport (CT): Praeger, 2008. P. 205—236.
- Kring A. M., Gordon A. H. Sex differences in emotion: expression, experience, and physiology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. № 74. P. 686—703.
- Shields S. Women, men, and the dilemma of emotion // *Review of personality and social psychology* / ed. by P. Shaver, C. Hendrick. 1987. Vol. 7: Sex and gender. P. 229—251.

References

- Briton, N. J., Hall, J. A. (1995) Beliefs about female and male nonverbal communication, *Sex Roles*, no. 32, pp. 79—90.
- Dodge, K. A., Gilroy, F. D., Fenzel, L. M. (1995). Requisite management characteristics revisited: two decades later, *Journal of Social Behavior and Personality*, no. 10, pp. 253—264.
- Dudareva, A. A. (2003) *Reklamnyĭ obraz. Muzhchina i zhenshchina* [Advertising image. Man and woman], Moscow: RIP-holding.
- Groshev, I. V. (1999) *Obraz zhenshchiny v reklame* [The image of a woman in advertising], in: Hotkina, Z. A., Pushkareva, N. L., Trofimova, N. I. (eds), *Zhenshchina. Gender. Kul'tura*, Moscow: Moscovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, pp. 331—343.
- Groshev, I. V. (2000) *Reklamnye tekhnologii gendera* [Advertising technologies of gender], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 172—187.
- Heilman, M. E. (2001) Description and prescription: how gender stereotypes prevent women's ascent up the organizational ladder, *Journal of Social Issues*, no. 57, pp. 657—674.
- Iudina, E. N., Sadikov, M. G. (2016) *Genderno-rolevye aspekty reklamnoi kommunikatsii* [Gender-role aspects of advertising communication], *Kommunikologiya*, vol. 4, no. 5, pp. 176—188.
- Kartashkova, F. I. (2014) *Verbal'nye i neverbal'nye komponenty kommunikatsii v anglo-iazychnom hudozhestvennom tekste* [Verbal and non-verbal components of communication in the English-language literary text], *Voprosy psikhologingvistiki*, no. 3, pp. 108—113.
- Khasbulatova, O. A. (2001) *Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta* [Gender stereotypes in political culture: specifics of Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Kirilina, A. V. (2000) *Gendernye aspekty massovoi kommunikatsii* [Gender aspects of mass communication], in: *Gender kak intriga poznaniia*, Moscow: Rudomino, pp. 47—81.
- Kite, M. E., Deaux, K., Haines, E. L. (2008) Gender stereotypes, in: Denmark, F. L., Paludi, M. A. (eds), *Psychology of Women: A Handbook of Issues and Theories*, Westport, CT: Praeger, pp. 205—236.
- Kreĭdlin, G. E. (2005) *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication], Moscow: Iazyki slavianskoĭ kul'tury.
- Kring, A. M., Gordon, A. H. (1998) Sex differences in emotion: expression, experience, and physiology, *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 74, pp. 686—703.

- Petrov, M. S. (2010) Gendernye obrazy i stereotypy sovremennoï rossiïskoï reklamy [Gender images and stereotypes of modern Russian advertising], *Izvestiia Rossiïskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, iss. 124, pp. 401—407.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotypy v sovremennoï rossiïskoï politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Shields, S. (1987) Women, men, and the dilemma of emotion, in: Shaver, P., Hendrick, C. (eds), *Review of personality and social psychology*, vol. 7, Sex and gender, pp. 229—251.
- Turutina, E. S., Tonoian, S. N. Gendernye obrazy v reklame: osobennosti vospriiatiia i reprezentatsii [Gender images in advertising: features of perception and representation], *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii reklamy*, no. 1 (1), pp. 52—64.
- Voronina, O. A. (2018) *Gendernaia kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii* [Gender culture in Russia: traditions and innovations], Moscow: Institut filosofii Rossiïskoï akademii nauk.
- Voronina, O. A. Klimenkova, T. A. (1992) Gender i kul'tura [Gender and culture], in: Khotkina, Z. A. (ed.), *Zhenshchiny i sotsial'naiia politika: (Gendernyi aspekt)*, Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossiïskoï akademii nauk, pp. 10—22.

Статья поступила 28.08.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Карташкова Фаина Иосифовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kartashkova@rambler.ru (Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of English Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Савина Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Ивановский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, savinan8@gmail.com (Senior lecturer at the Department of Humanities and Natural Sciences, Ivanovo Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 74—86
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.7

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 74—86
ББК 63.3(2)63-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.7

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1903—1913 гг.

Ш. А. Абдуллаева^a, Т. К. Ростовская^{b, c}, Н. А. Ростовская^c

^a Управление делами Президента Азербайджанской Республики,
г. Баку, Азербайджан

^b Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru

^c Институт социально-политических исследований,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

В начале XX в. тема семьи и женщины стала в Азербайджане одной из самых насущных проблем, широко обсуждаемых интеллектуалами и просветителями. Немаловажную роль в борьбе за женские права, с неграмотностью и изоляцией женщин от общественной жизни сыграла периодическая печать Азербайджана. В тюркоязычной печати Азербайджана этот вопрос впервые был поднят в 1903 г. в газете «Шарги-Рус», а позже в таких газетах, как «Хаят», «Иршад», «Ени Иршад», «Тарагги». Журнал «Молла Насреддин» смело противостоял религиозным фанатикам в вопросах женской свободы, боролся за снятие покрывала с лица и полное равноправие женщин, публиковал сатирические статьи и карикатуры на эту болезненную тему. Самым знаменательным событием в аспекте женского вопроса в азербайджанской печати явилось издание женской газеты «Ишыг», первый номер которой вышел в 1911 г. Главным редактором была Х. Алибекова. Однако газета, которой приходилось выдерживать нападки со стороны прогрессивной интеллигенции за либеральность, а со стороны религиозных деятелей и фанатиков — за смелость в требовании женских прав, прекратила свое существование после издания 47 номеров. Время показало, что усилия выдающихся общественно-политических и некоторых религиозных деятелей не пропали даром. Азербайджанские женщины, которые сами также боролись за свои права, все активнее стали проявлять себя в общественно-политической жизни и благодаря общей борьбе получили права на обучение, общественную деятельность, на участие в выборах.

Ключевые слова: женский вопрос, социальные и политические права, Ахмед Агаев, Мухаммед-ага Шахтахинский, «Молла Насреддин», «Ишыг», Хадиджа Алибекова.

FEMININE ISSUES IN THE AZERBAIJANI MEDIA IN 1903—1913

Sh. A. Abdullaeva^a, T. K. Rostovskaya^{b, c}, N. A. Rostovskaya^c

^a Management of the Affairs of the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

^b Russian State Social University, Moscow, Russian Federation,
rostovskaya.tamara@mail.ru

^c Institute for Social and Political Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Family and feminine issues were among the topics the intellectual and progressive people mostly discussed at the beginning of the XX c. During those years Azerbaijani media played a significant role in the fight for the women's rights. The first feminine issue in Azerbaijani Turkish-language media was raised in the newspaper "Shargi-Rus" in 1903, afterwards other newspapers such as "Hayat", "Irshad", "Yeni Irshad", "Taraggi" published articles about women's illiteracy and ways to eliminate this illiteracy. "Molla Nasraddin" magazine bravely fought against religious fanatics and published satiric articles and caricatures in order for the women to have the same rights as the men and take off their veils. The most substantial event related to this issue was the publication of women's newspaper "Ishig" published in 1911. The editor-in-chief was Kh. Alibekova. However, the newspaper which was criticized by progressive-intellectual minded people for its liberalism, and by religious community for demands of women's rights, stopped being published after 47 issues. The time proved that the efforts of the prominent social-political and even some religious figures of Azerbaijan were not ineffective. After all, the women who fought for their rights began to appear in the social and political life frequently, and as a result of their joint struggle, they were able to get the right of education, social activity and even the right to elect and be elected.

Key words: feminine issues, social and political rights, Ahmed Aghayev, Muhammad Agha Shahtakhtinski, "Molla Nasreddin", "Ishig", Khadija Alibekova.

В конце XIX — начале XX в. в Азербайджане, как и во многих странах, началась борьба за освобождение женщин от эксплуатации и угнетения, за право получения ими образования, приобретение гражданских и политических прав. В начале XX в. тема семьи и женщины стала в Азербайджане одной из самых насущных проблем, широко обсуждаемых интеллектуалами и просветителями. Изоляция азербайджанской женщины от социальной и политической жизни в силу ее неграмотности и фанатичных традиций, отсутствие национального самосознания создавали ряд трудностей не только в жизни женщин, но и в жизни всего народа, ставили под удар его благополучное будущее. Видный азербайджанский государственный политический и общественный деятель Мамед Эмин Расулзаде (1884—1955) отмечал: «Если завтра наша нация столкнется с бедой, причиной тому явится женщина. Непросвещенность женщин. Если же потомок турка завтра вступит на путь прогресса и культуры, причиной этому также будет женщина» [Nəgəyə gediyoğuz, 2017: 3].

Вся интеллектуальная элита Азербайджана повторяла, что проблемы народа останутся нерешенными, пока женщины не будут свободными

и грамотными. Не боясь нападок, физической расправы религиозных фанатиков, она старалась привлечь внимание общества к проблемам женщин, критиковала принудительные браки девушек, низкий правовой и социальный статус женщин и, главное, подчеркивала необходимость создания и развития системы женского образования.

Немаловажную роль в борьбе за женские права, с неграмотностью и изоляцией от общественной жизни сыграла периодическая печать Азербайджана. По подсчетам азербайджанского ученого Л. Алиевой, только в русскоязычной газете «Каспий» за 1902 г. было опубликовано более ста материалов, касающихся проблемы эмансипации азербайджанской женщины [Алиева, 2013: 60].

В тюркоязычной печати Азербайджана этот вопрос впервые был поднят в 1903 г. в газете «Шарги-Рус» («Русский Восток»), которая издавалась в Тифлисе видным ученым и общественным деятелем Мухаммед Агой Шахтахтинским (1846—1931). В рубрике «Ежедневно понемножку» М. А. Шахтахтинский поднимал вопросы женского воспитания и равноправия, призывал к снятию покрывала с лица и др. В статье, посвященной Международной женской конференции, Шахтахтинский выражал свою обеспокоенность тем, что турки не придают должного значения женской свободе, как другие нации: «Культурные и образованные нации придают очень большое значение свободе и равноправию женщин, так почему мы не делаем этого?» [Qəzetənəvis, 1904a: 1—2]. Шахтахтинский считал очень важным решение этой проблемы, ибо, по его мнению, именно от разрешения этого вопроса зависело счастье и будущее азербайджанского народа [Qəzetənəvis, 1904b: 2—3].

Но самым большим вкладом Шахтахтинского была борьба за снятие покрывала с лица, в чем с ним была солидарна только малая часть интеллигенции и просветителей, так как было очень рискованно и почти невозможно противостоять религиозным деятелям и темной толпе. Шахтахтинский указывал на то, что во многих мусульманских странах женщины лицо не покрывают и это не требование ислама, а всего лишь результат отсталых обычаев [Qəzetənəvis, 1904c: 2]. Шахтахтинский ратовал за пребывание женщин в мужском обществе, ибо он хотел полного равноправия [Qəzetənəvis, 1904d: 2]. После статьи о важности снятия покрывала началась травля Шахтахтинского со стороны религиозных деятелей и фанатиков, которые объявили его безбожником. В адрес газеты начали поступать письма, в которых указывалось, что редактор является виновником переполоха и волнений, возникших в Баку из-за этой статьи, требовали от газеты поднимать «более важные проблемы» [Axundzadə, 1904: 2; Mollazadə, 1904: 2].

Ответ Шахтахтинского не заставил себя долго ждать. Он написал очень просто: «Снятие покрывала — это веление времени... Время отказаться от старых обычаев и привычек пришло» [Qəzetənəvis, 1904e: 2].

Вслед за газетой «Шарги-Рус», которая была закрыта 15 января 1905 г., газета «Хаят» («Жизнь»), издаваемая Ахмед бекком Агаевым (1869—1939) и Али бекком Гусейнзаде (1864—1940) с 7 июня 1905 г. в Баку, тоже начала уделять внимание образованию женщин, их социальному положению. Но в основном статьи в «Хаят» касались вопросов женского образования. В газету часто посылали письма просвещенные женщины и ученицы из разных уголков страны,

которые благодарили действительного статского советника, мецената и выдающегося благотворителя Гаджи Зейналабдина Тагиева (1823—1924) за открытие женских школ и безмерную помощь в просвещении женщин, а издателей — за предоставление им возможности высказать свое мнение. Они также жаловались, что мусульманские женщины, в отличие от других, сильно отстают в образовании и воспитании [Bizim balaca qızlarımızdan tazə bir kağız, 1905: 2—4].

С 17 декабря 1905 г. Ахмед бек Агаев начал издание газеты «Иршад» («Руководство»), которая также посвящала указанным проблемам большое количество статей. Но и женщины уже пробуждались от спячки бесправия и невежества, сами смело требовали если и не равноправия, то права на образование. «У наших женщин уже проснулась мысль и чувство борьбы за свои права... Они начали понимать свое общественное значение и ценность», — писал депутат Государственной думы II созыва от Бакинской губернии Зейнал Зейналов (1876—1935). Автор цитировал письмо татарских женщин в Думу о насилии и угнетении со стороны мужчин, о запрете не только наук, но даже божьих законов и последствиях всего этого: «Мужчины должны знать, что если не дадут нам права и будут продолжать относиться к нам как к служанкам, то в скором времени они сами станут рабами». И соглашаясь с ними, депутат предупреждал и призывал к единству всех, для кого была важна судьба народа: «Да, если наши женщины лишены общественных прав, не могут стать достойными спутницами, то нет спасения для нас! Женщины правы. Но... волнует ли это кого-то?» [Zeynalov, 1908: 1—2]. В «Иршаде» в основном печатались статьи о женских школах, о важности образования для развития мусульманских женщин. Отрицательной чертой этой газеты было то, что в ней публиковались статьи против журнала «Молла Насреддин», основанного Джалилом Мамедкулизаде (1866—1932) в 1906 г. в Тифлисе, которому принадлежала особая заслуга в подготовке общественного мнения к признанию гражданских и политических прав женщин.

Молланасреддинцы, среди которых были такие видные деятели и передовые азербайджанские писатели, как Мирза Алекпер Сабир (1862—1911), Абдуррагим-бек Ахвердиев (1870—1933), Мамед Саид Ордубади (1872—1950), Омар Фаик Неманзаде (1872—1937), Аликули Гамкюсар (1880—1919) и др., художники Азим Азимзаде (1880—1943), Иосиф Роттер (2-я половина XIX в. — нач. XX в.) и Оскар Шмерлинг (1863—1938), смело противостояли религиозным фанатикам в вопросах женской свободы, публиковали сатирические статьи и карикатуры на эту болезненную тему.

Авторы журнала «Молла Насреддин» были строги и жестки в отношении женского вопроса, они не хотели идти на малейшие уступки и боролись за полное равноправие женщин. Они считали лицемерным поведение многих просветителей, интеллигентов и религиозных деятелей. «Два года тому назад невозможно было при каком-либо мулле говорить об образовании и учебе мусульманок, но сейчас в Нухе мุลлы сами открывают женскую школу», — с сарказмом писал истинный защитник женской свободы Джалил Мамедкулизаде. «Год назад в Баку отцы даже бесплатно не хотели отправлять своих дочерей в школу, но сейчас...» [Mozalan, 1907: 2]. История показала, что отчасти в этом они были правы. Даже самые прогрессивные религиозные деятели в момент

серьезного изменения в жизни женщин проявляли фанатичную реакцию, не могли мириться с их новым «лицом». Так, в 1917 г., во время съезда мусульман Кавказа, бывший кадий Баку Мир Мухаммед Карим ага (1855—1938), который был одним из малочисленных религиозных деятелей — сторонников открытия в Баку женской школы, жестко высказался против участия женщин, точнее против выступавшей перед делегатами Шафигы Эфендизаде, первой азербайджанской журналистки и публициста. Этот съезд показал силу и упорство женщин в борьбе за свои права. Вначале в числе делегатов съезда не были предусмотрены женщины-азербайджанки и «голосом» их прав был избран инженер Ибрагим бек Гайдаров (1879—1949), член президиума Съезда мусульман Кавказа. Узнав об этом, члены Женского благотворительного общества созвали экстренное совещание и направили на съезд делегацию из трех женщин с ультиматумом: либо на съезде будут присутствовать женщины-делегаты, либо женщины не согласятся с тем, что их будет представлять мужчина. Женщины отстаивали свое право на участие в съезде: Шафига Эфендизаде и Сара Везирова были избраны делегатами. Выступление Шафиги Эфендизаде вызвало переполох среди религиозных деятелей и фанатиков Баку. Упомянутый выше Мир Мухаммед Карим ага начал свое выступление с критики: «Все выступающие сегодня до меня указали на то, что женщина Востока, живущая в рабстве и невежестве, нуждается в просвещении и воспитании, что они счастливы видеть их сегодня среди нас, участвующими в решении национального вопроса. Но никто не указал на то, что присутствие этих женщин сегодня тут, с открытым лицом и руками, противоречит нашей религии!» (цит. по: [Эфендизаде]). Эти слова Мир Мухаммед Керима вызвали ажиотаж среди интеллигенции. Выступление бывшего кадия было прервано протестами, начались беспорядки между сторонниками свободы женщин и сторонниками кадия. Понимая, что это может создать опасность для жизни женщин, их вывели из зала через черный ход. После этого случая жизнь прогрессивных женщин Баку была превращена в ад религиозными фанатиками и отсталыми слоями общества. Событие это не было широко освещено в периодической печати с учетом сложности времени, так как интеллигенция Азербайджана нуждалась в содействии религиозных деятелей в создании независимого государства. В газете «Ачыг сөз» («Открытое слово»), которая описывала события того дня, всего лишь было заявлено, что «Ахунд Мир Мухаммед Керим, бывший кадий, во время выступления, касаясь вопроса женской свободы, произнес некоторые мысли, которые были неправильно истолкованы, и это стало причиной неприемлемых действий и объявления 10-минутного перерыва. После перерыва председатель подчеркнул важность свободы слова и Мир Мухаммед Кериму было предложено продолжить свою речь, но он отказался» [Qafqasya müsəlman qurultayı, 1917: 3].

Истинно сражающихся за женское равноправие религиозных деятелей молланасрединцы всегда поддерживали. Так, статьи муфтия Кавказа Мирзы Гусейна Каибзаде (1830—1917) о покрытии женщин, напечатанные в 4 номерах газеты «Сяда» («Голос»), были высоко оценены авторами журнала «Молла Насредин»; Омар Фаик Неманзаде выразил особую благодарность муфтию за его старания в этом щепетильном вопросе [Nemanzadə, 1911: 7].

Тема эксплуатации женщин находила свой отклик в карикатурах журнала «Молла Насреддин». В одном из номеров была опубликована, к примеру, такая: муж едет на лошади с таром (музыкальный инструмент) в руках и поет, а женщина идет рядом, с ребенком и деревянной колыбелью в руках. Выдача замуж малолетних девушек также очень беспокоила авторов журнала.

Нужно отметить, что редактор журнала «Шелале» («Водопад») Халид Сабрибекзаде тоже старался привлечь внимание общественности к отсутствию права женщин на выбор спутника жизни и, выступая против выдачи замуж молодых девушек за пожилых мужчин, заявлял, что «это не брак, а самоубийство»: «Давайте мыслить справедливо. Захочет ли 20-летний мужчина жениться на 60-летней женщине? Конечно, не захочет. Если не хочет мужчина, так почему же должна желать такого бедная девушка?» [Səbribəyzadə, 1913a: 3].

Революция 1905—1907 гг. еще больше актуализировала необходимость решения женских проблем. Азербайджанская пресса призывала предоставить женщинам гражданские и политические права наравне с мужчинами и старалась привлечь на свою сторону духовенство. При этом пресса указывала, что именно в Коране отмечена важность женской свободы и грамотности. Так, в одном из номеров газеты «Тарагги» («Прогресс») за 1909 г. была опубликована статья знаменитой турецкой писательницы и участницы борьбы за равноправие полов Фатимы Алии Топуз (1862—1936), в которой она указывала на положение женщин в Исламе во времена правления Омейядов и Аббасидов. Она отмечала, что история тюрков богата именами выдающихся женщин, которые проявили себя на государственном поприще и ни в чем не уступали мужчинам. «Что бы сказали эти великие матери, достигшие невероятных высот в правлении, в науке, в отваге и мужестве, оставившие славное имя в истории, если бы увидели нынешнее положение своих потомков? — писала г-жа Топуз. — О, наши матери! Не думайте, что ваши дочери сами выбирали этот путь. Они, их надежды были обмануты... Их благословляли и боготворили в стихах, в произведениях... Но на самом деле они были спущены со своего пьедестала. Было забыто уважение и боготворение, которого они были достойны». Автор завершала свою статью, касаясь очень щепетильного вопроса: «...женщины перестали быть воинами... На войны их брали только для удовлетворения похоти пашей...» [Fatimə Aliyə, 1909: 3].

Национальные просветители били тревогу: воспитание ребенка начинается в объятиях матери, так каким же вырастет будущее поколение? «Когда мать невоспитанная и невежда, то и дочь будет невеждой. Дети, которых будет в будущем воспитывать та же дочь, также будут невоспитанными и невеждами, — писал Халид Сабрибекзаде в журнале «Шелале». — Нужно уделять особое место просвещению и обучению женщин, чтобы они могли дарить миру воспитанных детей...» [Səbribəyzadə, 1913b: 5].

Мысли о том, что только воспитанная, образованная женщина может воспитать таких же умных и воспитанных детей, еще ранее высказывал видный писатель, публицист, историк и политический деятель Юсиф Везир Чемензеинли (1887—1943). Будучи студентом в Киевском университете, 1910 г. в газете «Гюнеш» («Солнце») он жаловался на бездействие азербайджанских студентов, отсутствие у них национального сознания. Причину этого Чемензеинли видел

в бедственном положении азербайджанской женщины: «Есть два источника для роста национального самосознания, его развития и защиты. Первый — материнское воспитание и второй — школа... Кто же будет в нас развивать чувства национального достоинства и единства? Наши женщины, лишенные не только материнских прав, но и простых человеческих прав? Женщины, святой обязанностью которых является воспитание детей? Женщины, которые стали жертвами жестокости мужчин?» [Vəzirov, 1910: 2—3].

Чемеземинли был автором книги «Состояние женщин», которая вызвала неоднозначные отклики в прессе. М. Э. Расулзаде считал эту книгу одним из лучших и действенных произведений на женскую тему (см.: [Sadiq, 1915: 3]). Тема, действительно, была «очень модной». Некоторые образованные мужчины, дабы не отстать от общего течения, писали про женскую необразованность, невежество, но искали пути решения не там, где надо. Опасаясь религиозных фанатиков, они считали, что образование и воспитание нужны женщинам только ради счастья и благополучия своих мужей, семьи, что подразумевало, что женщина все же рождена исключительно для службы мужу и семье, а своего личного счастья и благополучия она иметь не должна. «Образованность является одной из основных задач женщины, — писал педагог и публицист Абдуррахман Тофик Эфендизаде (1884—1918), — но это нужно не для того, чтобы она стала специалистом в науке или литературе, а для управления домом, правильного воспитания своих детей» [Əfəndizadə, 1910: 3].

Газета «Ени Иршад» («Новое руководство») также боролась за права женщин, но и она старалась, опираясь на ислам, доказать, что именно он дает женщинам равноправие. Со ссылкой на хадис — «наука является обязательством для всех мусульман и мусульманок» — газета выступала за образование женщин. «Если наши женщины останутся в неведении и невежестве, то они наполнят умы, разумы наших детей предрассудками. И будьте уверены, в этом случае нас ожидает не что иное, как вымирание... — писал знаменитый педагог и издатель Али Джафарзаде (1875—1941). — Мы обязаны подготовить схему для исполнения женщинами их святых обязанностей и дать понять всем, что несоблюдение исламских законов наказывается не вечным адом, а земным мучением. И каждая женщина должна воспитывать свое дитя по исламскому мышлению и воспитанию. Только в этом случае мы можем избежать ужасного будущего» [Səyyari-Şirvani, 1912: 3].

Автор под псевдонимом Муаллим писал в поддержку женщин, чьи мужья, опираясь на шариат, брали вторых, третьих жен, что ислам не велит жениться более чем на одной женщине. «То, что у нас права женщин, права детей... брошены под ноги — последствие невежества, необразованности и угнетения на протяжении долгих времен. В селах и городах подвергаем женщин преследованиям, угнетению... используем их как игрушку грубых прихотей». Автор указывал на то, что женщина имеет особую ценность в исламе. Он заявлял, что из-за того, что мы считаем прогресс вредом и держимся за старые обычаи и традиции, «прогресс преобразовывается в деградацию и отсталость» [Müəllim, 1912: 2—3].

Автор был прав. Слова пророка Мухаммада о том, что «рай находится под ногами матерей», подтверждают высокое положение женщины, уважение и доверие к ней в исламе. Но многие религиозные деятели, т. е. консервативная

часть мусульманского духовенства, ограничивали права мусульманки, приводя разные доводы, интерпретируя по-своему Коран и шариат.

Самым знаменательным событием в аспекте женского вопроса в азербайджанской печати явилось издание женской газеты «Ишыг» («Свет»), объединившей вокруг себя женщин-интеллигенток. Первый номер газеты вышел 22 января 1911 г. Издателем был публицист и адвокат Мустафа бек Алибеков (1872—1945), а редактором — его жена Хадиджа Алибекова (1884—1961), выпускница Закавказского Ольгинского института акушерства и гинекологии, ставшая первой азербайджанской женщиной-редактором. Издание газеты «Ишыг» показывало, что борьба азербайджанской прессы за свободу женщин не осталась незамеченной, сторонники женской свободы и сами женщины уже превратились в серьезную социальную силу.

На обложке газеты весьма символично была изображена женщина в чадре, держащая за руку ребенка и указывающая ему на восходящее солнце. Этим издатель акцентировал важность грамотности, печати для счастливого будущего народа. Особо отмечалась актуальность периодической печати. Так, в статье «Речь его преосвященства генерала Гаджи Зейналабдина Тагиева. В связи с праздником Новруз» издатель М. Алибеков, ссылаясь на слова знаменитого и всеми уважаемого мецената Г. З. Тагиева, писал: «...Гаджи попрощался, но вдруг вернулся и пригласил оставшихся гостей-мусульман в большой зал. Показав им свой огромный, в полный рост портрет, спросил: “Дети мои! Посмотрите на мой портрет внимательно, скажите, что вы видите?” Когда гости молча смотрели на портрет, восьмидесятилетний Гаджи сказал: “Видите, моя правая рука лежит на Коране, на столпе и источнике гордости ислама. А в левой руке я держу газету. Дети мои! Мой совет: всегда держите Коран в правой, а газету в левой руке и служите народу верно и чистосердечно!”» М. Алибеков призывал принять эти бесценные слова как закон, обвинял некоторых в фанатичном отношении к исламу, а других в забвении шариата и всего святого, и конечно же, под последними имелись в виду авторы журнала «Молла Насреддин»: «...некоторые люди полностью забывают про плачевное состояние нынешнего времени, когда держат в руках Коран. А сторонники газет вовсе забывают не только Коран, а всю религию в целом...» [Əlibəyov, 1911: 1—2].

Женщины посылали в «Ишыг» не только письма, но и собственные корреспонденции, статьи, даже стихи. В «Ишыг» сетовали на неграмотность женщин. В своем «Письме сестрам» Чайгыраглы Набат ханум писала: «Мы, бедные женщины, как немые животные, существуем под притеснением и гнетом. Иностранцы смотрят на наше существование и смеются над нами. Пророк велел: “Ищите знания, даже если за ними вам нужно будет отправиться в Китай”. Нас не пускают даже на своей Родине учиться, что до Китая... Нам, женщинам, нужна школа, нужны наука, просвещение... Сестры, мы должны сами начать борьбу, чтобы потом и мужья нам помогали. Нас — образованных женщин Кавказа — очень мало, но если мы вместе в разных уголках Кавказа возьмемся за дело, мы добьемся очень многого, я уверена в этом. Ради наших детей мы должны держаться за науку, чтобы воспитать их, чтобы они смогли стать людьми» [Çayqıraqılı, 1911: 6].

Чтобы воспитать настоящего человека, важно именно просвещение женщин. «Женщинам воспитание и образование нужны как воздух и вода, — писала Хадиджа Алибекова, — или же, будьте уверены, мусульманские дети погибнут... Все знают, что мы беспризорные, невоспитанные. Кто в сибирских пустынях? Наши братья. Кто в судах врет и клянется на Коране? Наши братья. Кто убивает своих отцов, братьев, матерей? Наши братья. Кто рыдает в мечети, но, выйдя оттуда, идет за грехами? Наши братья. <...> Кто отстаёт от других в науке и промышленности? Наши братья. Кто не может говорить на родном языке правильно? Наши братья. Кто не знает даже молитвы и божьи законы? Наши братья и сестры... И что же является причиной всех этих бедствий? Невежество и необразованность мусульманских женщин» [Хәдичә, 1911b: 2].

В Азербайджане первое женское учебное заведение — светское женское учебное заведение Св. Нины — было открыто в 1848 г. в Шемахе, позже оно было переведено в Баку. В 1874 г. начала работу Бакинская женская гимназия. Но самую важную роль в развитии женского образования сыграло первое в Закавказье Бакинское женское русско-мусульманское училище имени императрицы Александры Федоровны [Джаббаров, 2011: 209].

Открытие в 1901 г. Г. З. Тагиевым мусульманского женского училища создало переполох среди религиозных фанатиков и людей старого мышления. Угрозам и оскорблениям подвергались не только обучившиеся здесь девочки, но и преподаватели, о чем в своих «Воспоминаниях» писала Шафига Эфендизаде, первая на Южном Кавказе женщина — преподавательница азербайджанского языка, первая азербайджанская журналистка и публицист. Ненависть и злословие соседей, нежелание отцов, а то и матерей дать своим девочкам образование становились причинами очень медленного роста количества образованных азербайджанок, что и беспокоило просветителей того времени.

Хадиджа ханум с первых номеров газеты открыто писала о важности свободы и равноправия женщин-мусульманок, указывая на то, что и исламская религия требует того же: «Ислам предполагает равенство между мужем и женой, наша священная религия не лишила нас прав и помощи, как думают некоторые, просто нас лишили прав, данных шариатом» [Хәдичә, 1911a: 4]. Тому же принципу следовал и издатель газеты М. Алибеков: «Недоброжелатели мусульманства упрекают его в том, что оно — враг культуры и вообще движения вперед, да и некоторые фанатики-мусульмане утверждали, что новшества противны самому духу ислама» [Алибеков, 1911: 8].

Это вызывало сильное возмущение авторов журнала «Молла Насреддин». И в журнале, и в газете были напечатаны взаимовраждебные статьи. «Ишыг» называл журнал «бесстыдным и невоспитанным» [İdarədən etizər, 1911: 2]. Молла-насреддинцев злило, что редактор «Ишыг» каждый раз провозглашала важность следования законам шариата. В статье, вышедшей в очередном номере журнала, в разговоре между учителем религии и ученицей гимназии Хадиджу Алибекову обвиняли в лицемерии, выступали против ее положительного отношения к ношению чадры и слов «мы желаем следовать законам шариата» [Lağlağı, 1911: 3]. В другой статье автор вообще ставил деятельность газеты под вопрос, насмехаясь над ее издателями: «Видит Бог, “Ишыг” старается как может. Если он не считает нужным бороться за права женщин, это его личное дело» [Vizviza, 1911: 3]. В одном из номеров журнала была опубликована карикатура

на Хадиджу ханум в европейском одеянии, которая, указывая на женщин в чадре, говорила: «Вот такой целомудренной и благочестивой должна быть мусульманская женщина» [Molla Nəsrəddin, 1911: 1]. Молланасреддинцы указывали на то, что образованная редактор «Ишыг», решившая помочь своим сестрам-мусульманкам выйти на путь грамотности и свободы, сама сделала шаг назад, укрывшись чадрой после начала издания газеты, и обвиняли ее и супруга в лицемерии.

Однако в этом они ошибались. Для авторов журнала «Молла Насреддин» слепое повиновение религии было большой проблемой человечества. Они хотели видеть женщину свободной и грамотной, чего хотели и издатели «Ишыг». Но, в отличие от смелых молланасреддинцев, Хадиджа ханум и ее супруг были вынуждены учитывать мнение религиозных деятелей, чтобы продолжить издание газеты не вызывая гнев фанатиков, которые составляли большую часть населения. Издатели «Ишыг» старались не раздражать религиозных деятелей, а наоборот, искали у них поддержку и в какой-то мере добивались этого. Так, в письме в редакцию религиозный деятель Ахунд Молла Рухулла Мухаммедзаде (1850—1912), поддерживая издание женской газеты, писал: «Те, кто за грамотность женщин, давно хотели, чтобы их мечты о просвещении женщин, которые не отличаются от безжизненных статуй... стали явью. Мы верим, что начинания Хадиджи ханум будут оценены мусульманскими женщинами. Со своей стороны мы также поддерживаем ее самоотверженность и приносим свои поздравления и благодарность» [Məhəmmədzađə, 1911: 6]. Видимо, именно он оберегал от религиозных фанатиков газету «Ишыг», так как спустя три месяца после его трагического убийства во время молитвы в 1912 г. газета перестала издаваться.

Л. Алиева, исследуя роль женщины в общественно-политической жизни Азербайджана в 1900—1920-х гг., приходит к весьма логичному выводу, что «...во имя большой цели, к которой муж и жена Алибековы стремились, Хадиджа ханум сделала шаг назад и надела чадру, чтобы потом тысячи просвещенных азербайджанских женщин, читательниц газеты “Ишыг”, узнали о своих правах и могли сбросить чадру» [Алиева, 2013: 104].

Хадиджа ханум, выступая за свободу мусульманской женщины, все же поддерживала мысль о второстепенной роли женщины в семье, что не нравилось молланасреддинцам: «Главой семьи является мужчина. Благо, зло и честь семьи принадлежит мужчине. Женщина — украшение семьи и управляющий домом. Она не может быть равной с мужчиной. То есть не может господствовать дома, как мужчина» [Xədicə, 1911c: 6]. Это мнение было озвучено годом раньше А. Т. Эфендизаде: «Природа разделила обязанности женщин и мужчин: управление домом, бережение чести и гордости семьи, чистота дома даны в руки женщин» [Əfəndizadə, 1910: 3]. Такое отношение к вопросу о правах женщин вызывало сильный сарказм у молланасреддинцев. Они открыто выступали за свободу женщин, считали их полноправными членами общества.

Первой женской газете в Азербайджане приходилось выдерживать нападки со всех сторон: со стороны прогрессивной интеллигенции — за либеральность, со стороны религиозных деятелей и фанатиков — за смелость в требовании женских прав. Если первые свою критику предъявляли в статьях или стихах, как молланасреддинцы, то вторые были более опасными и представляли собой угрозу жизни четы Алибековых и авторов газеты. «Когда мы начали издавать

газету, отправили некоторые номера нашим духовным отцам и попросили их об отцовской помощи в решении проблем нации, — писала Хадиджа ханум. — Но некоторые наши духовные отцы... не только отказались от этого, но и, как гора невежества и тьмы, стоящая перед лучом науки, в знак протеста вернули нашу газету. А один из них в Баку с минарета заявил: “О люди, кто читает газету “Ишыг”, является безбожником, дом, в котором есть газета “Ишыг”, — осквернен, так как само существование женской газеты — есть признак судного дня”» [Əlibəyova, 1911: 2].

Из-за разного рода нападок газета стала испытывать как материальные трудности, так и трудности со статьями, поскольку авторы, остерегаясь духовенства и религиозных фанатиков, перестали присылать письма, статьи, стихи. «Смеяться нам над собой или плакать? Не вы ли обещали всегда помогать газете “Ишыг”? Не вы ли обещали радовать свой народ и газету статьями и стихами? Не видно ваших подписей на страницах газеты, где вы пропадаете? Как же много вы трудились, помогая своим несчастным, угнетенным сестрам! Так быстро устали? Почему онемели?» — вопрошала учительница из Гянджи Асия Ахундзаде. — Так вы собираетесь бороться за свои права? Так вы собираетесь вырастить честных и достойных сыновей для Родины, верное поколение нации с новым мышлением?» [Axundzadə, 1911: 3].

Газета «Ишыг» прекратила свое существование в 1912 г., было издано 47 номеров. Как утверждает Л. Алиева, «судьба первой женской газеты в Азербайджане была такова, что и в советское время историки и ученые, журналисты критиковали газету и называли буржуазным печатным органом, и в последние годы ей не была дана должная оценка» [Алиева, 2013: 108].

Краткий экскурс по тюркоязычной печати Азербайджана 1903—1913 гг. показал, что прогрессивные деятели страны с начала XX в. всеми силами боролись за усиление национального самосознания женщин, против их безграмотности, невежества и бесправия. Время показало, что усилия выдающихся общественно-политических деятелей и интеллигенции не пропали даром. Азербайджанские женщины, которые и сами активно боролись за свои права, все решительнее стали проявлять себя в общественно-политической жизни и благодаря общей борьбе получили права на обучение, общественную деятельность, на участие в выборах.

Библиографический список

- Алибеков М. Письма к матерям-мусульманкам // *İşıq*. 1911. № 1.
Алиева Л. Женщины в общественно-политической жизни Азербайджана (1900—1920 гг.). Баку: MBM, 2013. 214 с.
Джаббаров Ф. Из истории женского училища Г. З. А. Тагиева. Баку: Зия, 2011. 298 с.
Axundzadə A. Təəssüflər olsun // *İşıq*. 1911. № 29.
Axundzadə Ə. Vəyani-həqiqət // *Şərqi-Rus*. 1904. № 125.
Bizim balaca qızlarımızdan tazə bir kağız // *Həyat*. 1905. № 23.
Çayqıraqlı H. Bacılarıma bir neçə söz // *İşıq*. 1911. № 4.
Əfəndizadə Ə. T. Qadında elm və mərifət // *Günəş*. 1910. № 94.
Əfəndizadə Ş. Xatirələr. AMEA M. Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu, şifri B-6603, l. 27.
Əlibəyov M. General Hacı Zeynalabdin Tağıyev həzrətlərinin nitqi // *İşıq*. 1911. № 9.

- Əlibəyova X.* İzhari-həqq // *İşiq*. 1911. № 31.
Fatimə Aliyə. İslamiyyət və qadınlar // *Tərəqqi*. 1909. № 199.
Xədicə. Hüququmuz // *İşiq*. 1911a. № 1.
Xədicə. Hüququmuz // *İşiq*. 1911b. № 3.
Xədicə. Vəzayifi-Beytiyyə. İzdivac // *İşiq*. 1911c. № 4.
 İdarədən etizar // *İşiq*. 1911. № 24.
 Qafqasya müsəlman qurultayı. İkinci məclis // *Açıq söz*. 1917. № 452.
 Qəzetənəvis. Hər gün bir az // *Şərqi-Rus*. 1904a. № 74.
 Qəzetənəvis. Hər gün bir az // *Şərqi-Rus*. 1904b. № 78.
 Qəzetənəvis. Hər gün bir az // *Şərqi-Rus*. 1904c. № 96.
 Qəzetənəvis. Hər gün bir az // *Şərqi-Rus*. 1904d. № 98.
 Qəzetənəvis. Hər gün bir az // *Şərqi-Rus*. 1904e. № 118.
 Lağlağı. Söhbət // *Molla Nəsrəddin*. 1911. № 10.
 Molla Nəsrəddin. 1911. № 18.
Mollazadə M. H. Cavaba cavab // *Şərqi-Rus*. 1904. № 130.
Mozalan. Qızların tərbiyəsi və Rus-Yapon müharibəsi // *Molla Nəsrəddin*. 1907. № 8.
Məhəmmədzadə R., molla. Təbrik // *İşiq*. 1911. № 2.
Müəllim. Hüquqi-nisvanımız (məbəd) // *Yeni İrşad*. 1912. № 19.
Nəmanzadə Ö. F. Təşəkkür // *Molla Nəsrəddin*. 1911. № 8.
 Nərəyə gediyoruz // *Açıq söz*. 1917. № 477.
Sadiq H. Aləmi-nisvan. Arvadlarımızın halı // *Yeni İqbal*. 1915. № 37.
Səbribəyzadə X. Qadınlarımız və tərbiyə I // *Şəlalə*. 1913a. № 3.
Səbribəyzadə X. Qadınlarımız II: İzdivac və həyatı-ailə // *Şəlalə*. 1913b. № 4.
Səyyari-Şirvani. Tərbiyəyi-nisvan, yaxud validələrimiz // *Yeni İrşad*. 1912. № 19.
 Vızvıza. Aləmi-sübyan // *Molla Nəsrəddin*. 1911. № 16.
Vəzirov Y. Kiyevdən məktub // *Günəş*. 1910. № 94.
Zeynalov Z. Qadınlarımıza bir nəzər // *İrşad*. 1908. № 50.

References

- Alieva, L. (2013) Zhenshchiny v obshchestvenno-politicheskoï zhizni Azerbaïdzhana (1900—1920) [Women in the social and political life of Azerbaijan (1900—1920)], Baku: MVM.
 Dzhabbarov, F. (2011) Iz istorii zhenskogo uchilishcha G. Z. A. Tagieva [From the history of the women's college of G. Z. A. Tagiyev], Baku: Ziia.

Статья поступила 10.12. 2018 г.

Сведения об авторах / Information about the authors

Абдуллаева Шахла Абдулла гызы — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан, abdullayevashakhla@gmail.com (Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Archive of Political Documents of the Office of the President of the Azerbaijan Republic, Baku, Azerbaijan).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований РАН; заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Social Pedagogics and Organization Work with Youth, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Ростовская Наталия Андреевна — кандидат культурологии, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, narostovskaya@mail.ru (Cand. Sc. (Cultural Studies), Research Fellow, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 87—97
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.8

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 87—97
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.8

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИОЗНОМ ИНАКОМЫСЛИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На материалах Вятской губернии)

А. А. Машковцев, В. В. Машковцева

Вятский государственный университет,
г. Киров, Россия, wikma116@rambler.ru

Рассмотрена роль женщины в старообрядческих, сектантских, баптистских организациях на территории Вятской губернии в XIX — начале XX в. Опираясь на ранее не опубликованные материалы, извлеченные из фондов центральных и региональных архивов, авторы показали значение женщины в сохранении конфессиональной самобытности религиозных объединений, являвшихся объектом жестких преследований со стороны региональных властей и официальной церкви. В частности, раскрыта роль женщины в духовном образовании и воспитании детей, сохранении накопленного духовного опыта и традиций и их передаче последующим поколениям, а также в распространении религиозных воззрений старообрядцев, духовных христиан, баптистов.

Ключевые слова: старообрядцы, духовные христиане, баптисты, религиозное инакомыслие, книжная культура, образование, конфессиональная политика.

WOMAN'S ROLE IN RELIGIOUS DISSENT IN THE XIX — EARLY XX c. (On the materials of Vyatka province)

A. A. Mashkovtsev, V. V. Mashkovtseva

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, wikma116@rambler.ru

The article examines the role of women in the Old Believer, sectarian, Baptists organizations in the territory of Vyatka province in the XIX — beginning of the XX c. The study is based on the documents extracted from the funds of the central and regional archives (the Russian State Historical Archive, the National Archive of the Republic of Tatarstan and the State Archives of the Kirov Region), as well as published sources presented by statistical data and regulations. Drawing on previously unpublished material, the authors showed the importance of women in preserving the confessional identity of religious associations,

which were the object of severe persecution by the regional authorities and the official church. In particular, the article reveals the role of women in preserving the accumulated spiritual experience and traditions and transferring them to succeeding generations, as well as spreading the religious views of the Old Believers, spiritual Christians, Baptists. The active position occupied by women in the education and training of the children of the Old Believers, which was inextricably linked with the comprehension of religious truths, was highlighted. In this connection, the authors disclose the specificity of the perception of the Donikonov book by the Old Believers as the bearer of indisputable truth, holiness and unshakable traditions, the role of women in preserving the book culture is revealed, and the level of literacy among the adherents of the Old Believer is analyzed with regard to gender. Much attention is paid to the characterization of legal aspects — the identification of penalties exercised by authorities in the period under consideration for adherents of Old Believers and sectarianism. Penalties included the deportation to settlement in the Transcaucasian region, exile to Eastern Siberia, imprisonment, physical punishment (thrashing). At the same time, the gender of the person did not contribute to mitigation of punishment: women were subjected to the same severe penalties as men. However, the severity of the punishment for spreading the old-faith and sectarianism failed to stop their adherents, including women.

Key words: Old Believers, spiritual Christians, Baptists, religious dissent, book culture, education, confessional politics.

Одна из малоизученных тем отечественной историографии — роль женщины в религиозных течениях, подвергавшихся притеснениям и религиозным гонениям. В Российской империи до начала революции 1905—1907 гг. к таковым относились старообрядчество, духовное христианство и некоторые течения в протестантизме, в частности баптизм. В рамках данного исследования проанализирован вклад женщин в сохранение конфессиональной самобытности названных религиозных групп, их роль в обрядовой практике, а также в духовном образовании и воспитании подрастающего поколения. Территориальные рамки исследования включают в себя Вятскую губернию XIX — начала XX в., где весомо было представлено как староверчество, так и сектантство.

Мировоззрение старообрядцев традиционно отличалось консерватизмом. Это касается не только религиозных аспектов и стремления сохранить «древнее благочестие», приверженность обрядам дониконовской церкви, но и осмысления культуры, восприятия семьи, взглядов на воспитание и обучение детей, уклада жизни. Семьи старообрядцев всегда были многочисленными и включали в себя представителей нескольких поколений. Женщине в такой семье отводилась роль хранительницы домашнего очага, что предполагало прежде всего ведение хозяйства и заботу о детях. Однако лишь этим предназначением не ограничивалось восприятие женщины в среде «ревнителей древнего благочестия». Выполняемые ею функции выходили далеко за пределы решения бытовых вопросов и касались важных философских проблем. В частности, женщина принимала непосредственное участие в сохранении накопленного старообрядцами духовного опыта и традиций и передаче их последующим поколениям. В представлении старообрядцев данный процесс осуществляется в ходе образования, основу которого составляет осмысление религиозной литературы.

Вспомним, что старообрядцы всегда стремились к развитию образования в своей среде. Между тем на протяжении длительного периода времени, вплоть до 1905 г., они не могли открывать свои школы, в связи с чем дети староверов получали домашнее образование, их обучали родители, а в большей степени — дедушки и бабушки. Это было обусловлено тем, что представители старшего поколения в семье считали необходимым передать свои знания и веру сыновьям и внукам как духовное наследие, нравственный завет. Староверы открывали и свои школы, но вынуждены были делать это нелегально, поскольку в случае обнаружения таковых они закрывались местными властями, опасавшимися распространения старообрядчества. Инспектор народных училищ Нолинского уезда в донесении от 28 февраля 1904 г. отметил, что тайные старообрядческие школы существовали почти во всех крупных деревнях, населенных староверами, особенно в Мальканской и Немской волостях. Например, в деревне Власовской Мальканской волости действовала школа в доме Епистимии Логиновой [ГАКО, ф. 258, оп. 1, д. 38, л. 92]. Инспектор выделил два типа нелегальных школ староверов. В одних детей учили «только механизму славянского чтения... буквосочетательным методом», обучение письму не предполагалось. В других школах детей готовили к проведению общественных богослужений и с этой целью учили пению с голоса и по нотам (крюковым), беглому чтению по славянским книгам, знакомили со старообрядческим уставом [там же, ф. 205, оп. 3, д. 2480, л. 39 об. — 40]. Часто староверы обучались грамоте у так называемых раскольнических девиц, отказавшихся от супружеской жизни и именовавшихся келейными. Это были грамотные наставницы, пользовавшиеся большим уважением среди старообрядцев. Они исполняли религиозные требы у своих единомышленников. Помимо старообрядцев, к ним для овладения грамотой отправляли своих детей и приверженцы официальной церкви. Впоследствии, как отметил вятский губернатор, «такие дети, выучившись у раскольников, по внушению их» становились старообрядцами [РГИА, ф. 797, оп. 40, д. 143, л. 4 об.]. Как видим, женщины в среде приверженцев староверия занимали активную позицию в деле воспитания и обучения детей, что неразрывно связывалось с постижением религиозных истин.

Носительницей непререкаемой истины, святости и незабываемых традиций, в представлении старообрядцев, являлась книга дониконовского письма. По мнению известного исследователя старообрядчества А. В. Карташева, именно исправление книг по «греческим новопечатным» образцам и изменения в обрядовой стороне религии привели к расколу в Русской православной церкви [Карташев, 1992]. Старинные книги бережно хранились, переписывались и передавались старообрядцами по наследству. Осознание своей ответственности за книгу побуждало староверов бороться за сохранение книг и возвращение литературы, изъятой представителями официальной власти. Судьба конфискованных книг определялась действовавшими правилами: после рассмотрения в Вятской духовной консистории самые опасные из них, с точки зрения церкви, отправлялись в ризницу кафедрального собора для секретного хранения или во второй департамент МВД; богослужебные книги отсылались в местную единоверческую церковь и, наконец, книги, которые могли быть использованы при работе в миссионерском отделении, передавались в семинарское правление, епархиальную библиотеку или библиотеку братской «противораскольнической» школы.

В сбережении религиозной литературы принимали участие и женщины. При этом, отстаивая свои права, старообрядцы обращались и в центральные органы власти. Например, в ноябре 1867 г. в Министерство внутренних дел поступило ходатайство Натальи Телициной. Помощник глазовского уездного исправника Трапицын в ходе следствия по делу о распространении староверия крестьянином Иваном Седовым произвел обыск в ее доме и изъял несколько книг, в частности «Часослов», «Канонник», «Часовник», «Цветник», «О страстях Христовых». По мнению Н. Телициной, данная экспроприация была осуществлена незаконно, поэтому она ходатайствовала о возвращении ей отобранных книг. Ранее она обращалась с такой просьбой к вятскому губернатору, но безуспешно. Подчеркивая важность для нее священных книг, Н. Телицина отметила, что она получила их от родителей по наследству. Однако все вышеперечисленные книги оказались напечатанными «в недозволенных типографиях», в связи с чем, по распоряжению епископа Вятского и Слободского Аполлоса, они были отосланы в семинарское правление для миссионерского отделения [там же, ф. 1284, оп. 219, д. 44, л. 4 об.]. По выяснении обстоятельств дела прошение Н. Телициной не было удовлетворено и Министерством внутренних дел.

Подобное негативное отношение властей к старообрядческой литературе объясняется тем, что должностные лица рассматривали ее как один из способов пропаганды староверия. По мнению обер-прокурора Синода А. П. Ахматова, «обращение в простом народе печатных раскольнических книг, особенно при содействии лжеучителей, не может быть безопасно для православия» [там же, ф. 797, оп. 32, д. 196, л. 2]. С руководством Святейшего синода были согласны и представители местной администрации, в частности, вятский губернатор выделил в качестве одной из главных причин развития старообрядчества распространение книг, изданных самими староверами [там же, ф. 797, оп. 40, д. 143, л. 3]. В связи с этим губернатор в числе мер по искоренению старообрядчества назвал запрет на продажу такой литературы (наряду с иконами) книготорговцами, часто приезжавшими из Владимирской губернии [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 271, л. 80].

Благодаря развитию системы домашнего образования, почитанию книжной культуры в среде старообрядцев был достаточно высокий уровень грамотности. При этом данный вопрос по-разному рассматривался представителями духовенства официальной церкви и светскими исследователями. Православные служители культа оценивали старообрядцев как невежественных, абсолютно необразованных людей, чьи убеждения держатся лишь на упорстве в отстаивании своих взглядов и на сплоченности и взаимовыручке в рамках общины. Так, священник села Кузнецова Уржумского уезда указал в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена очень мало, они очень мало знают об учении церкви и о расколе...» [там же, ф. 274, оп. 1, д. 4, л. 2]. Светские же историки, особенно современные, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителей древнего благочестия». «Старообрядчество, — пишет М. О. Шахов, — характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» [Шахов, 1998: 25]. Согласно статистике, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23,0 %, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36,0 %, а в северных областях достигал даже 43,0 %. [Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев, 1910: 201—202].

Конечно, мнение православных пастырей является необъективным и предвзятым. В то же время нельзя идеализировать ситуацию. Сопоставим уровень грамотности в среде приверженцев официальной церкви и старообрядцев, проживавших на территории Вятской губернии, с учетом их половой принадлежности.

В соответствии с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотных старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2 %. Это сопоставимо с аналогичным показателем у приверженцев официальной церкви — 15,7 %. Основная масса грамотных староверов приходилась на долю мужчин: среди них грамотными были 25,5 %. Грамотных женщин в среде старообрядцев было почти в 4 раза меньше — 6,5 % (в среде приверженцев официальной церкви — почти в 3 раза меньше) [Первая всеобщая перепись..., 1904: 90]. Вероятно, это было обусловлено консерватизмом мировоззрения старообрядцев: женщина традиционно воспринималась как мать и хозяйка.

Гражданское законодательство, регулировавшее государственно-старообрядческие отношения, содержало ряд серьезных ограничений «прав семейственных и имущественных». Прежде всего, браки старообрядцев, как не освященные в Русской православной церкви, не признавались законными, а рассматривались исключительно как «сопряжения любодейные» [Обзор мероприятий Министерства внутренних дел..., 1903: 121]. При выявлении подобных фактов незаконного венчания староверов представители духовенства официальной церкви в ходе беседы пытались убедить приверженцев «древнего благочестия» в необходимости совершения обряда венчания в православном или единоверческом храме. В том случае, если старообрядцы проявляли упорство и отказывались выполнить предъявленное требование, они подлежали наказанию по всей строгости закона. Последнее в равной степени касалось как мужчин, так и женщин. При этом местные власти (уездный суд, Вятская палата уголовного и гражданского суда) занимали порой более жесткую позицию, чем центральные, в частности Комитет министров.

Так, в Глазовском уездном суде рассматривалось дело о крепостных мастеровых Омутнинского железоделательного завода М. Погосове, А. Задворнове, А. Криулине, Е. Бояринцеве, Е. Фролове, С. Дмитриеве, в вину которым было поставлено «упорство и ослушание в освящении своих раскольнических браков с девками» через венчание в православном или единоверческом храме [ГАКО, ф. 582, оп. 129, д. 64, л. 1—1 об.]. 13 декабря 1845 г. суд вынес решение, в соответствии с которым всех названных старообрядцев следовало наказывать плетью (а их жен, не признанных законными, — розгами) и затем отдать в солдаты; если последнее невозможно по объективным причинам — отправить в арестантские роты. Для тех же, кто окажется неспособным к работам и в данных исправительных подразделениях, была предусмотрена ссылка в Сибирь. Вслед за тем дело было рассмотрено Вятской палатой уголовного и гражданского суда, которая вышеназванное решение признала правомерным и постановила определить в качестве наказания старообрядцам — фигурантам следствия — 10 ударов плетью каждому, затем — отправление солдатами в Кавказский корпус или в арестантские роты; при невозможности приведения в исполнение одной из этих мер присуждалась ссылка на поселение в Закавказский край. А. Задворнову, Е. Смирнову, А. Касаткину, М. Птицыну, А. Иванову и П. Кожевникову, как состоявших в незаконном браке, надлежало наказывать физически — по 15 ударов

розгами каждой — и оставить в прежнем месте жительства [там же, л. 4—5 об.]. В соответствии с предусмотренными правилами вятский губернатор уведомил о результатах проведенного расследования министра внутренних дел, а последний, в свою очередь, обратился для определения окончательного решения по данному делу в Комитет министров. Вердикт, вынесенный 3 сентября 1846 г., оказался, на наш взгляд, менее жестким, чем ранее последовавшие решения местных судебных инстанций. Всех проходивших по этому делу старообрядцев необходимо было «подвергнуть... еще раз самому тщательному увещанию о повенчании в православной или единоверческой церкви». Если же они и после выслушанного наставления окажутся непреклонными, то «за ослушание против начальства выдержать их в тюрьме по два месяца каждого» [там же, л. 7 об.]. Никто из приверженцев староверия не изъявил желания присоединиться к официальной церкви и освятить свой брак через венчание в православном или единоверческом храме, вследствие чего решение Комитета министров было приведено в исполнение и во второй его части. Это касалось всех наказуемых старообрядцев, независимо от их половой принадлежности.

Очень непросто складывались взаимоотношения старообрядцев с приверженцами официального православия. Непримируемую позицию по отношению к духовенству Русской православной церкви, как правило, занимали беспоповцы. Это объяснялось их религиозными воззрениями, согласно которым со времен патриарха Никона в мире воцарился антихрист, под власть которого попала и православная церковь. Для приверженцев беспоповского толка это означало «перерыв священства в Никонианской церкви», прекращение тайнодействий, оскудение благодати [Флоровский, 1988: 69]. Таким образом, с приходом антихриста православная церковь утратила свою истинность, благодать, святые таинства. Вследствие этого, по словам известного богослова Г. Флоровского, она вступила в новый этап своего бытия на земле — «бессвященнословное» состояние. Беспоповцы не допускали возможности дальнейшего существования института священства. В отличие от беспоповцев поповцы, хотя и верили в пришествие антихриста, но считали, что благодать не покинула церковь, так как не все священники признали новшества патриарха Никона и согласились с ними [Зеньковский, 1995: 435]. Они верили в то, что есть епископы, сохранившие верность «древнему благочестию». Такими догматическими расхождениями обусловлено и различие восприятия православного духовенства беспоповцами и поповцами. Первые нередко отказывались от общения с православными священниками, открыто высказывая свое негативное отношение к ним. Среди настроенных радикально были и женщины. Например, 20 декабря 1867 г. в Малмыжском уездном суде слушалось дело Парасковьи Столбовой. Она обвинялась в «нарушении благочиния» в своем доме. П. Столбова с криками и палкой в руках бросилась на священника и дьякона, пришедших в ее дом со святыми иконами во время пасхального крестного хода [ГАКО, ф. 237, оп. 153, д. 440, л. 2]. Давая показания на суде, П. Столбова не призналась ни в произнесении ругательных слов в адрес официальной церкви и ее духовенства, ни в том, что угрожала священнослужителям палкой. Свой отказ пустить их в дом она мотивировала тем, что была тогда не одета (находилась в одной рубашке). Однако благодаря свидетельским показаниям вина П. Столбовой была доказана и суд приговорил ее к аресту сроком на один месяц [там же, ф. 56, оп. 1, д. 889, л. 5].

Женщины играли важную роль не только в староверии, но и в сектантстве, в первую очередь в так называемом духовном христианстве. К последнему относились различные религиозные течения, отличавшиеся от православия не только обрядовой стороной, но и догматикой — духоборы, субботники, прыгуны и пр. На территории Вятской губернии духовное христианство было представлено двумя крупными течениями — молоканством и скопчеством. Молокане впервые появились на вятской земле в начале 50-х гг. XIX в. В отличие от старообрядцев, живших практически во всех уездах Вятской губернии (кроме Котельничского), молокане были сконцентрированы лишь на юго-востоке края — в Сарапульском уезде (территория современной Удмуртии). Широкое распространение здесь молоканства произошло в период реализации крестьянской реформы Александра II. В результате ее проведения крестьяне лишились значительной части принадлежавшей им ранее земли. При этом местное православное духовенство однозначно встало на сторону властей, призывая прихожан к смирению. Естественно, подобная позиция не могла не отразиться на авторитете церкви. Этим сразу же воспользовались молокане, которые не только поддержали крестьян, но и возглавили антиправительственное движение в крае. Молокане выглядели в глазах местных жителей как народные заступники, что резко повысило их популярность и привело к многократному увеличению адептов секты.

В крестьянском движении, проходившем под молоканскими лозунгами, активное участие принимали не только мужчины, но и женщины. Наибольший размах молоканство получило в Мостовинской, Соколовской и Галановской волостях Сарапульского уезда [РГИА, ф. 1284, оп. 219, д. 40, л. 12]. В 1867 г. в Мостовинской волости молоканами себя объявили 98 семейств, насчитывавших 541 человека (264 мужчины и 277 женщин). В Галановской волости было 143 молоканские семьи численностью 720 человек (357 мужчин и 363 женщины). В Соколовской волости насчитывалось 9 молоканских семейств численностью 52 человека (28 мужчин и 24 женщины) [ГАКО, ф. 21, оп. 1, д. 2340, л. 35—37]. Кроме того, 48 молокан (25 мужчин и 23 женщины) проживали в самом Сарапуле [там же, ф. 582, оп. 27, д. 7, л. 40]. Таким образом, всего на территории Сарапульского уезда насчитывался 1361 молоканин, в числе которых 687 (50,5 %) женщин.

Активизация молоканства в Сарапульском уезде, особенно роль молокан в протестном движении удельных крестьян, вызвала серьезную обеспокоенность не только губернских, но и имперских властей. На подавление крестьянских выступлений были направлены войска, а полиция осуществила массовые аресты молоканских лидеров и активистов. В течение октября — ноября 1867 г. в Сарапульский тюремный замок было помещено 193 молоканина, из них 3 женщины [там же, л. 27]. Большинство арестованных находилось в остроге до марта 1868 г., при этом условия их содержания были очень тяжелыми. Камеры, в которых сидели молокане, были переполнены и плохо отапливались. Пищевой рацион подследственных также отличался крайней скудостью. Впоследствии это привело к нескольким летальным исходам [там же, ф. 21, оп. 1, д. 2340, л. 1].

Одновременно с этим власти использовали меры материального давления на сектантов. Они предложили сельским общинам разделить землю тех молокан, которые отказывались ее обрабатывать и вносить выкупные платежи [РГИА,

ф. 1284, оп. 219, д. 40, л. 4 об.]. Угроза лишиться земли — основного источника существования крестьянина — оказалась даже более эффективной мерой, чем тюремное заключение или ссылка. Все эти факторы обусловили начало упадка молоканства на территории губернии. Если в 1870 г. в одной лишь Мостовинской волости насчитывалось около 600 молокан [ГАКО, ф. 237, оп. 15и, д. 1051, л. 54], то к концу XIX в. их количество сократилось примерно до 30 человек [там же, ф. 582, оп. 26, д. 1064, л. 5 об.].

Вятские женщины активно вовлекались не только в молоканство, но и в еще одно течение в духовном христианстве — скопчество. Данная мрачная организация известна своей варварской обрядовой практикой, которая роднит ее с современными тоталитарными сектами. Основатель скопчества — Кондратий Селиванов заявил о том, что единственным способом спасения души является борьба со всеми страстями, в первую очередь с плотским влечением. Победа над последним может быть достигнута лишь при помощи оскпления (кастрации).

В результате у скопцов возник такой варварский ритуал, как «огненное крещение». Вступавший в секту человек получал так называемую «малую печать», если ему удаляли половые железы. Самые фанатичные и экзальтированные сектанты решались на еще более опасную операцию по полному удалению половых органов («большая, или царская, печать»), а иногда вырезали у себя грудные мышцы и другие части тела [Малахова, 1970: 36]. При этом подобные операции проводились не профессиональными хирургами, а самими сектантами, в лучшем случае владевшими некоторыми ветеринарными и зоотехническими навыками. Оскпление часто совершалось в антисанитарных условиях и при отсутствии анестезии, что приводило к серьезным осложнениям и даже смерти людей.

Естественно, что отношение властей к скопчеству было самым негативным. Скопцы принадлежали к числу так называемых изуверских сект, за причастность к которым грозило суровое наказание. Тем не менее скопцы постоянно пополняли свои ряды, в первую очередь за счет православных верующих. Неофитов привлекала возможность повысить свой жизненный уровень, поскольку богатые скопцы оказывали значительную материальную поддержку своим единоверцам. Во второй четверти XIX в. скопчество проникло и на Вятскую землю. В мае 1849 г. началось одно из самых громких скопческих дел того периода, которое имело широкий общественный резонанс и привлекло внимание самого императора Николая I. Жительница деревни Шевырялово Акулина Русинова, явившись на исповедь к сарапульскому протоиерею П. Анисимову, рассказала о том, как ее соседки и родственницы Елена и Екатерина Русиновы уговорили ее прийти на собрание скопцов и принять участие в их богослужении. Узнав об этом, протоиерей убедил девушку в необходимости явиться в полицию [ГАКО, ф. 582, оп. 131, д. 63а, л. 3].

В сентябре 1849 г. правоохранительные органы арестовали 11 подозреваемых, из них 6 женщин. Их возраст варьировался от 15 до 40 лет. Все они являлись крестьянами деревень Шевырялово и Заборье, причем весьма зажиточными. Так, самый старший из задержанных мужчин — Дементий Кирьянов занимался торговлей и имел наемных работников. Все арестованные категорически отрицали свою принадлежность к скопческой секте, заявив, что Акулина Русинова оговорила их из-за личной неприязни. Для того чтобы

окончательно убедиться в правдивости слов девушки, сектантов доставили в Сарапульскую городскую больницу, где подвергли принудительному медицинскому освидетельствованию. Оно показало, что 10 из 11 задержанных оказались оскопленными, при этом у женщин были удалены груди [там же, л. 23 об.]. После разоблачения все сектанты, за исключением тяжело больной Федоры Кирьяновой, были посажены в Сарапульский тюремный замок [там же, оп. 85, д. 40, л. 14 об.]. На допросах все сектанты заявили, что «оскопили сами себя для спасения душевного, руководствуясь словами евангелиста Матфея, в 19-й главе написанными» [там же, оп. 131, д. 63а, л. 24]. Следствие по делу сарапульских скопцов длилось больше года, при этом за его ходом внимательно следил Николай I. В 1851 г. Сарапульский уездный суд на основании статей 206 и 211 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных приговорил большинство сектантов к каторжным работам в Восточной Сибири. Женщины-сектанты подверглись таким же жестким наказаниям, как и мужчины.

В начале XX в. в Вятской губернии стало активно распространяться еще одно религиозное течение, уже никак не связанное с духовным христианством и имевшее западноевропейское происхождение, — баптизм. За первые 10 лет своего существования в крае баптисты нашли здесь сотни сторонников, среди которых было большое количество женщин. Одной из важнейших причин быстрого распространения баптизма как в России в целом, так и в Вятской губернии в частности была чрезвычайно активная миссионерская деятельность его приверженцев. Летом 1907 г. создается особое баптистское миссионерское общество, обладавшее значительными финансовыми возможностями и штатом хорошо подготовленных проповедников [Клибанов, 1965: 225]. Они имели богословское образование, а также приобретали навыки полемики со своими религиозными оппонентами. Это очень пригодилось им в диспутах как со старообрядческими наставниками, так и с православными священниками, которые чаще всего проигрывали баптистским пропагандистам по уровню теоретической подготовки и красноречию.

Активной миссионерской деятельностью занималось не только миссионерское общество баптистов, но и простые верующие. Известный исследователь истории старообрядчества и сектантства на территории Удмуртии Ю. М. Ивонин отмечал, что баптисты и евангельские христиане «отличались высокой активностью в миссионерской деятельности. Пропаганду вероучения начинали прежде всего в среде ближайшего окружения, особенно родственников. Они ходили или ездили к ним в гости, посещали даже тех, у кого ранее никогда не были и родней или друзьями почти не считали» [Ивонин, 1987: 56].

Быстрому распространению баптизма в Вятской губернии в немалой степени способствовали родственные связи. К примеру, дочь лидера общины евангельских христиан в селе Ершовка Казанской губернии Гурьяна Фёдорова — Евдокия вышла замуж за зажиточного крестьянина села Верхняя Слудка Вятской губернии Савелия Орехова, который также принял новую веру [НАРТ, ф. 199, оп. 1, д. 1047, л. 69]. Неоднократно фиксировались случаи, когда в небольших деревнях евангельское христианство принимали сразу несколько родственных семей.

Среди баптистских проповедников в Вятской губернии особой активностью отличались женщины. Они полностью отдавали себя миссионерской работе, тратя на это большое количество времени и средств, а иногда и подвергали

себя определенному риску. Так, миссионер слудской общины Татьяна Фалалеева регулярно разъезжала по окрестным селам, деревням и хуторам, а иногда забиралась в отдаленные населенные пункты южной части Вятской губернии, находившиеся в 40 и более верстах от Верхней Слудки. Ее смелость и целеустремленность признавало даже православное духовенство. «Она вся ушла в дело пропаганды. Не останавливается и перед опасностью. Ходит даже ночью одна за несколько верст... Не везде ее любезно встречают, но она не унывает», — отмечал православный миссионер Иоанн Маракулин [Маракулин, 1915: 1295]. Благодаря таким проповедникам, как Т. Фалалеева, баптизм на юге Вятского края приобрел достаточно прочные позиции, которые были подорваны лишь антирелигиозной кампанией и репрессиями 1930-х гг.

Таким образом, женщины играли чрезвычайно важную роль в религиозном инакомыслии на территории Вятской губернии в XIX — начале XX в. Чаще всего они составляли большинство и среди староверов, и среди сектантов, несмотря на то что на протяжении всего рассматриваемого периода и те и другие подвергались жестким преследованиям со стороны властей. Более того, во многих случаях именно женщины являлись наиболее решительными и последовательными проповедниками религиозных воззрений. Все это позволяло старообрядцам, духовным христианам, баптистам сохранять свою конфессиональную самобытность даже в условиях враждебного отношения к ним со стороны местной администрации и официальной церкви.

Библиографический список

- ГАКО (Государственный архив Кировской области).
Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. М.: Церковь, 1995. 528 с.
Ивонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: история и современность. Устинов: Удмуртия, 1987. 116 с.
Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.: Терра, 1992. Т. 1. 686 с.
Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). М.: Наука, 1965. 347 с.
Малахова И. А. Духовные христиане. М.: Политиздат, 1970. 128 с.
Маракулин И. Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1915. № 44. С. 1290—1296.
НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан).
Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1903. 340 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка: Тип. князя В. П. Мещерского, 1904. Т. 10. 267 с.
РГИА (Российский государственный исторический архив).
Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев: (по данным анкеты 1909 г.). М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1910. 290 с.
Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1988. 603 с.
Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство. М.: СИМС, 1998. 208 с.

References

- Florovskii, G. (1988) *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian theology], Paris: YMCA-Press.
- Ivonin, Iu. M. (1987) *Khristianstvo v Udmurtii: istoriia i sovremennost'* [Christianity in Udmurtia: history and modernity], Ustinov: Udmurtiia.
- Kartashev, A. V. (1992) *Ocherki po istorii Russkoï Tserkvi* [Essays on the history on the Russian Church], vol. 1, Moscow: Terra.
- Klibanov, A. I. (1965) *Istoriia religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gg. XIX v. — 1917 g.)* [The history of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX c. — 1917)], Moscow: Nauka.
- Malakhova, I. A. (1970) *Dukhovnye khristiane* [Spiritual Christians], Moscow: Politizdat.
- Marakulin, I. (1915) Raskol i sektantstvo v vostochnom raïone Viatskoï eparkhii v 1914 g. [Old Believers and sectarianism in the eastern district of the Vyatka diocese in 1914], in: *Viatskie eparkhial'nye vedomosti*, vol. 44, pp. 1290—1296.
- Obzor meropriiatii Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god* (1903) [Review of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Old Believers from 1802 to 1881], St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del.
- Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g.* (1904) [The first general population census of the Russian Empire in 1897], vol. 10, Viatka: Tipografiia kniazia V. P. Meshcherskogo.
- Sel'skokhoziaistvennyĭ i ekonomicheskii byt staroobriadtsev: (Po dannym ankety 1909 g.)* (1910) [The agricultural and economic life of the Old Believers: (According to the questionnaire of 1909)], Moscow: Tipografiia P. P. Riabushinskogo.
- Shakhov, M. O. (1998) *Staroobriadchestvo, obshchestvo, gosudarstvo* [Old Belief, society, state], Moscow: SIMS.
- Zen'kovskii, S. A. (1995) *Russkoe staroobriadchestvo: Dukhovnye dvizheniia XVII veka* [Russian Old Believers: Spiritual movements of the XVII century], Moscow: Tserkov'.

Статья поступила 09.05.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Машковцев Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, wikma116@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian History, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Машковцева Виктория Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, wikma116@rambler.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Russian History, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 98—106
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.9

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 98—106
ББК 63.3(2)5-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.9

ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСКОЙ ВДОВЫ В РОССИИ В XIX в.

А. М. Семёнов, О. А. Семёнова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Россия, ivanova.olga.al@mail.ru

Исследуется положение дворянской вдовы в России в XIX в., внимание акцентируется на различных формах социальной поддержки и пенсионной системе. Рассматривается, что полагалось вдове по закону и на что она могла рассчитывать, если была не в состоянии себя обеспечить. Авторы приходят к выводу, что общество волновал вопрос, связанный с положением вдов, и оно чувствовало себя социально ответственным за них. Помощь вдовам оказывалась государством, различными комитетами и благотворительными учреждениями разного уровня.

Ключевые слова: дворяне, вдова, пенсионная система, прошения, Комиссия прошений, благотворительные учреждения.

THE STATUS OF NOBLE WIDOWS IN RUSSIA IN THE XIX c.

A. M. Semenov, O. A. Semenova

Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russian Federation, ivanova.olga.al@mail.ru

This article examines the status of noble widows in Russia in the XIX c., focusing on studying various forms of social support and pension system. The article gives an answer to the question “what a widow should do” after her husband’s death: what belongs to her by the law and what to do if she can’t provide for herself. Authors come to the conclusion that the society was concerned by the question related to the status of widows, and it felt socially responsible for their existence. The State in the XIX c. pursued the policy aimed at the support of widows. But this help much depended on the social status of their husbands. The pension system was built in such a way that it was very important how long he had been in service and how high his rank was. If these criteria were unsatisfying for calculation of pension and lump sum grants, various committees and charitable institutions of different levels assisted widows providing for them not only financially, but also with full board and lodging. If it was impossible to apply to the State almshouse, various private organizations came to widow’s help.

Key words: nobles, widow, pension system, petitions, Committee of Petitions, charitable institutions.

Фокус внимания авторов сконцентрирован на изучении различных форм социальной поддержки дворянских вдов в России в XIX в. Именно в этот период происходит развитие пенсионной системы и благотворительности.

Основным материалом при написании работы стали неопубликованные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (фонды 758 «Опекунский совет ведомства учреждений императрицы Марии», 759 «Собственная Е. И. В. канцелярия по учреждениям имп. Марии», 1412 «Канцелярия Е. И. В. по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых») и в личных фондах Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованные законодательные документы.

На сегодняшний день по данной тематике в историографии существует определенный задел: двухтомник Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)» [Миронов, 2003], статья З. З. Мухиной «Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.)» [Мухина, 2012], работы В. А. Веременко [Веременко, 2009], А. Р. Соколова и И. В. Зимина [Соколов, Зимин, 2015].

Положению вдовы в обществе всегда уделялось много внимания. Народ воспринимал вдовство как «великое несчастье» в жизни [Виссарион, 1904: 4]. Этот мотив звучит и в русском фольклоре: «Вдовицу Бог бережет, а люди их не берегут», «Сирый да вдовый плачут, а за сирыми да вдовыми сам Бог стоит», «Вдова: “Ох!”, а за нею Бог», «У бедной вдовы ни дров, ни воды» [Пословицы... , 1986: 212]. О нелегкой судьбе вдов даже слагались стихи: «Мыкает горе вдова. / Жив был кормилец — знакомые были; / Умер — отхлынули прочь. / Даже родные вдову позабыли» [Рождественский, 1906: 530]. И в литературных произведениях всегда делался акцент на трудной жизни вдовы, ее беспомощности и на том, что ей приходится делать все самой, так сказать вести «усиленную деятельность» [Лесков, 1989: 16].

Положение вдовы можно рассмотреть с разных позиций. С точки зрения христианской религии она обладает статусом праведницы. Апостольские правила гласили: «Всякая вдова должна быть кротка, молчалива, не злоблива, не гневлива, не болтлива, не двуязычна, не охотница мешаться в чужие дела. Она должна непрестанно возносить к Богу моления за церковь. У ней должны быть и око непорочно, и слух чист, и руки незапачканы, и ноги покойныя, и уста говорить должное... Она должна быть воздержанна, благоговейна, стыдлива — петь псалмы, молиться, читать священное, поститься» [Рождественский, 1906: 531]. В книгах религиозного содержания, выпускаемых в XIX в., о вдовах писали как о незащищенной категории населения. Женщина в вероучениях и так называлась «немощным сосудом» [Виссарион, 1904: 5], а во вдовстве ее положение становилось куда хуже. Поэтому специально для вдов православная церковь выпускала нравственные правила, которые гласили, что они не должны падать духом, предаваться отчаянию, скорбеть. Плакать разрешалось, если при этом они молились. Овдовевшая женщина обязана была устраивать свою жизнь в «монашеском духе», отказаться от повторного брака (тем самым она показывала в себе силу самообладания и воздержания). Повторное замужество допускалось в том случае, если вдовою стала молодая девушка. Если же у женщины были дети, она должна была дать им достойное религиозное воспитание. И конечно,

после потери мужа ей следовало посвятить себя «трудам в пользу других», т. е. заботиться о детях, больных, вступить в ряды сердобольных (категория вдов при вдовьем доме, которые ухаживали за больными) [там же: 15—30].

Церковь также призывала общество помогать вдовам. Писалось, что «слезы вдовицы не проходят даром для ее обидчиков: они наказываются даже в настоящей жизни, если не лично, то в лице потомков до четвертого поколения». Приводился пример из закона Моисеева: «Господь заповедует: ни вдовы, ни сироты не притеснять. Если же притесните их, то когда возопают ко Мне, услышу вопль их, и воспламенится гнев мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами, а дети ваши сиротами...» [там же: 10—12]. Иначе говоря, делался упор на удручающее положение вдов, и чтобы усилить это, слово «вдова» всегда употребляли с прилагательными «неутешная» и «бедная».

По законодательству того времени после смерти мужа вдове выдавался бессрочный паспорт от последнего месяца его службы [Сборник узаконений... , 1887: 58—59]. И у дворянских вдов было несколько путей продолжения своей жизни. Первый — это повторно выйти замуж или уйти в монастырь. Из статистики, приведенной Б. Н. Мироновым, видно, что вдовство было обычным явлением: «...и если бы не повторные браки, то доля вдов и вдовцов к 45 годам достигала бы 44 %, к 55 годам — 65 % от всего населения. В действительности в 1897 г. доля вдовых в возрасте 25 лет составляла среди мужчин 0,5 %, среди женщин — 1,3 %, в возрасте 45 лет — соответственно 4 и 14 %, в возрасте старше 60 лет — 31 и 58 %. Процесс овдовения во второй половине XIX — начале XX в. в одних губерниях замедлился, в других стабилизировался ввиду уменьшения смертности» [Миронов, 2003: 172]. Вдовы, не желающие жить в монастыре, а также повторно выходить замуж, имели право на пенсии, если их мужья 1) были «убиты в сражениях или умерли от ран; 2) умерли на службе по приобретению беспорочною выслугою определенных сроков права на пенсию; 3) находились в отставке с пенсией или без пенсии, имели право на оную», и единовременные пособия, если их мужья «умерли на службе, когда... не имели права на пенсию»; являлись чиновниками, «которые были больны, но по выходу имели право на пенсию, умерли на службе и не успели воспользоваться таким правом и т. д.» [Сборник узаконений... , 1887: 63].

Пенсия вдовы чиновника, умершего на службе, равнялась той пенсии, которая была бы у ее мужа, если бы он вышел в отставку в день смерти. Но при начислении пенсий действовали следующие правила: а) вдова, бездетная или имеющая детей, по каким-либо причинам лишенная права на пенсии, получала половину той пенсии, которая причиталась бы ее мужу, если бы он вышел в отставку в день смерти; б) для вдовы с детьми, имеющими право на пенсию, к половине пенсии прибавлялась одна треть другой половины на каждого сына или дочь, а если детей было трое или более, она получала полную пенсию [Канторович, 1899: 197]. Вдовы чиновников, умерших на службе или вне ее, но не дослуживших до 25- или 35-летнего пенсионного срока не более шести месяцев, получали пенсию за полную выслугу указанных сроков [там же: 198]. Пенсия вдовы чиновника не была ниже 28 руб. 59 коп. [там же: 213].

Вдовам убитых в сражениях, или умерших на службе от ран, либо погибших на море пенсия рассчитывалась иным образом: им назначались выплаты из казны от полного жалованья мужей «по мирному положению» без учета

срока службы, но необходимо было предоставить ряд документов: медицинское свидетельство и удостоверение от начальства о гибели мужа [Сборник узаконений... , 1887: 68—69].

Что касается единовременных пособий, то вдовам умерших чиновников они назначались за службу до 10 лет в размере полугодового жалования, а свыше 10 и до 25 лет — годового. Но если вдовы получали пенсию, то пособия им не выплачивались [Канторович, 1899: 201]. Причем имеющаяся у них недвижимость не могла служить препятствием к определению положенных выплат. Пенсионные выплаты прекращались или не назначались вообще, если вдова умерла, повторно вышла замуж (этот критерий не влиял на пенсию, если вдова сама ее выслужила), ушла в монастырь, осуждена по суду [там же: 209].

Для того чтобы получить пенсию или единовременное пособие, необходимо было написать прошение в то министерство или ведомство, где служил муж [Уставы о пенсиях... , 1873].

Параллельно с государственной пенсией действовали так называемые эмеритальные кассы. Понятие «эмеритура» в переводе означает «заслуженный», или «заработанный». Это был государственный опыт создания пенсионного капитала на принципах накопления и сбережения личных средств граждан [История развития...]. Финансовая база эмеритальных касс формировалась за счет обязательных вычетов из личного жалования будущих пенсионеров. Ставка взносов могла составлять в пенсионных кассах различных ведомств от 3 до 6 % ежемесячного дохода. Размер будущей пенсии зависел от срока участия в эмеритальной кассе. Время выслуги составляло от 20 до 30 лет. Пенсией из этой кассы могли пользоваться сами участники кассы и их семейство — жена и дети. Вдова имела право на получение из кассы половины пенсии мужа [Канторович, 1899: 238]. Эта выплата действовала до повторного замужества или до устройства женщины на государственную службу.

Если имеющихся средств не хватало или возникали финансовые трудности, дворянские вдовы не считали зазорным обратиться в какие-либо ведомства, комитеты, государственные, частные, общественные благотворительные организации, местные дворянские собрания, к влиятельным людям или напрямую к императору или императрице [Веремченко, 2009: 218, 221].

Существовал Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников, оказывавший помощь вдовам, которые находились в бедности и искали «способов к пропитанию» [Канторович, 1899: 233]. С просьбами женщины должны были обращаться по месту жительства к начальникам губернии. За получением помощи вдовы могли также обратиться в Общество для пособия вдовам чиновников, не получающим пенсии из государственного казначейства. Правда, повезло только тем, кто проживал в Санкт-Петербурге и у кого были дети. Общество выдавало единовременные денежные пособия нуждающимся вдовам один раз в год 20 октября — в день кончины императора Александра III, помогало найти работу и пристраивать детей в учебные заведения, в случае болезни вдовы способствовало помещению в больницу. Этим деятельность Общества не ограничивалась, его сверхзадачей являлось создание приютов, общежитий, домов призрения по мере развития [Устав Общества... , 1900: 3—4].

У вдов была еще одна возможность улучшить свое материальное положение — написать в Комиссию прошений. После утверждения 1 января 1810 г.

при составе Государственного совета Комиссии все граждане государства могли подавать жалобы и прошения на имя императора через посредство этой структуры [Семёнов, 2016]. Прощения должны были быть написаны с соблюдением определенных правил. Первым делом отражалось, чьей вдовой была просительница — чиновника или военного. Затем обязательно указывалось, сколько лет муж состоял на той или иной службе. Не забывали упомянуть и о детях, если они были. Вслед за этим излагалась просьба. Например: «Цамутали, вдова флот-лейтенанта, служившего 10 лет, умершего в 1804 г., претерпевая с 3 малолетними детьми и престарелой матерью нужду в содержании, просит об оказании пособия» [РГИА, д. 25, л. 26]; «Плавильщикова, вдова губернского секретаря, служившего 20 лет, умершего в прошлом 1809 г., находясь с двумя малолетними детьми в крайней бедности, просит о пожаловании на пропитание» [там же, л. 51].

В основном просьбы носили финансовый характер, просили о выплате пособия: «Маномаска, вдова майора бывшей польской службы, по бедности своей просит о вспоможении» [там же, л. 5]; денег на пропитание и уплату долгов: «Батихина, вдова подпоручика служившего 30 лет, просит о пожаловании на уплату долга, состоявшего в 100 рублей, и на пропитание» [там же, л. 52]; о прибавке к пенсии: «Елманова, вдова вице-адмирала, получающая за 48-летнюю службу мужа по 500 рублей в год пансиона, просит о прибавке оногo» [там же, л. 108]; о «пожаловании на приданое» [там же, л. 162] и т. д.

Помимо этого, вдовы ходатайствовали и за своих детей. Они хотели, чтобы государство способствовало их поступлению в учебные заведения, например «переводу сына... из Саратовского военно-сиротского отделения в кадетский корпус» [там же, д. 26, л. 15], «помещению двух... дочерей в какое-либо училище» [там же, д. 32, л. 91]. Были и случаи, когда просили «об оказании... от монарших щедростей денежного пособия для предания земле тела сына...» [там же, д. 499, л. 14].

На все прошения вдов Комиссия отвечала по-разному. Ввиду отсутствия сведений о положении вдовы указывали на необходимость «истребовать сведения о состоянии и поведении» [там же, д. 25, л. 5]. Тем самым процесс рассмотрения прошения затягивался до их получения. В случае положительной резолюции на прошении было написано: «Препроводить особо прошение ее в общество для оказания возможного пособия» [там же, л. 139]. Могли просто отказать с формулировкой «Оставить эти просьбы без уважения, так как нет никакого повода к удовлетворению их» [там же, д. 26, л. 16] или при этом указать причину: «...в исходатайствовании испрашиваемого пособия не представляется оснований, так как она воспользовалась уже Всемиловейшим пособием, выдаваемым единовременно» [там же, д. 499, л. 11]. Все просьбы рассматривались в стенах Комиссии и до доклада императору доходили редко.

Если прошение с точки зрения Комиссии заслуживало внимание императора, то оно включалось в доклад статс-секретаря: «Ломбрось, вдова коллежского асессора, изъясняя, что по смерти мужа ее осталась она в старости и болезни без всякого пропитания, просит о пожаловании ей 500 рублей пансиона, который производился мужу ее, и о монаршем вспомоществовании на проезд в Молдавию» [там же, д. 706, л. 15]. Доклады государю по некоторым прошениям и жалобам производились статс-секретарем без вынесения их на Комиссию. К ним относились: 1) жалобы и прошения, содержавшие в себе изъяснения

по делам особой важности, а также подлежавшие тайне; 2) прошения о милостях, приносимые лицами, состоявшими в высших классах и должностях; 3) дела, вообще не относившиеся к кругу действий Комиссии [Градовский, 1907: 509].

Из вышесказанного видно, что при помощи этих прошений вдовы пытались создать образ женщины, которая находилась в крайне сложной жизненной ситуации.

Если же положение вдовы было совсем плачевное, то она имела право подать прошение о выплате пособий из Вдовьей казны — специализированного банковского учреждения, предназначенного для приема вкладов в пользу вдов, оставшихся без средств к существованию [Керзум и др., 2016: 147], или о призрении в государственные вдовьи дома, которые располагались в Санкт-Петербурге и Москве [Иванова, 2013]. Можно было получить приют и в других общественных и частных благотворительных учреждениях, таких как богадельня цесаревича Николая Александровича, приют для вдов и сирот заслуженных гражданских чинов, или в любой богадельне для престарелых всех сословий, а также обратиться в городские попечительства о бедных, Комитет для оказания пособий вдовам и сиротам пострадавших на войне, кружок для содержания убежища для престарелых женщин и вдов павших воинов [Веремченко, 2009: 210; Керзум и др., 2016].

И наконец, если вдове не удавалось решить проблему самой, она обращалась за помощью к высокопоставленным лицам. В любой мольбе вдовы делался акцент на возрасте, болезненном состоянии и сложном положении. Для примера приведем ходатайство вдовы штабс-капитана Марии Кучеренко императрице Марии Федоровне: «Ваша светлость. Тысячу благодарений, Вами изъявленных на всяк вдов и сирот, прибывших к Вам и облагодетельствованных Вами, и мне дают смелость повергнуть к стопам вашим мою горячую мольбу. Пока я была в силах приобрести трудами своими что-либо в помощь к получаемой мною пенсии 100 руб. серебром после смерти покойного мужа, то я не смела никого беспокоить о себе. Теперь же по преклонным летам своим, а главное по совершенно расстроенному здоровью, которое не дает мне возможность зарабатывать что-либо, я вынуждена самой горькой необходимостью прибегнуть к Вам, защитнику, благодетелю всех несчастных. Умоляю Вас не отказывать мне исходатайствовать куда-либо о зачислении меня во Вдовый дом или какой-нибудь приют престарелых. Я твердо верю, что одно слово ваше, сказанное в мою пользу, будет иметь большое значение...» [ГА РФ].

Таким образом, государство в XIX в. проводило политику, направленную на поддержание вдов. Но помощь, оказываемая вдовам, зависела от социального положения их супругов. Пенсионная система была выстроена так, что значение имели выслуга лет мужа и его чин. Если эти критерии были неудовлетворительны для начисления вдове пенсии и единовременных пособий, то на помощь ей приходили комитеты и благотворительные учреждения разного уровня, которые не только предоставляли финансовую поддержку, но и обеспечивали полным пансионом. В тех случаях, когда не было возможности попасть в государственные богадельни, помогали различные частные организации.

Из этого можно сделать вывод, что общество волновал вопрос, связанный с положением вдов, и оно чувствовало себя социально ответственным за них.

Библиографический список

- Верменко В. А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). 2-е изд., доп., испр. СПб.: Европ. дом, 2009. 684 с.
- Виссарион (Нечаев), еп.* Вдовство. М.: Отд. распространения духов.-нравств. книг при Моск. о-ве любителей духов. просвещения, 1904. 31 с.
- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 547. Оп. 1. Д. 112. Л. 4—5.
- Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. Ч. 2: Органы управления // Собрание сочинений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 8. URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_02000023264/viewer/?page=513 (дата обращения: 10.09.2017).
- Иванова О. А.* Столичные вдовьи дома в Российской империи в XIX — начале XX в.: (на примере Санкт-Петербургского вдовьего дома) // Открытый текст: электронное периодическое издание. 2013. URL: <http://www.opentextnn.ru/nooroia/comp-hist-arch/?id=4952> (дата обращения: 24.09.2017).
- История развития пенсионной системы России. URL: <http://pfr.pba.su/Content/Read/282> (дата обращения: 14.09.2017).
- Канторович Я. А.* Законы о женщинах: (сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола). СПб.: Изд. Я. А. Канторовича, 1899. 272 с. URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003549987/viewer/ (дата обращения: 07.09.2017).
- Керзум А. П., Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я.* Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703—1918: историческая энциклопедия. СПб.: Лики России, 2016. 752 с.
- Лесков Н. С.* Захудалый род // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 6. С. 3—190.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 583 с.
- Мухина З. З.* Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62—71.
- Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1412. Оп. 252.
- Рождественский А. В.* Семья православного христианина. СПб.: О-во распространения религ.-нравств. просвещения в духе правосл. церкви, 1906. 595 с. URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003693939/viewer/?page=5 (дата обращения: 05.04.2017).
- Сборник узаконений и распоряжений по военному ведомству. О правах семейств генералов и офицеров, гражданских и медицинских чиновников и священников с приложением форм и пенсионных таблиц / сост. Г. С. Родионов. Варшава: Тип. Б. Копчинского, 1887. URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003550682/viewer/?page=2 (дата обращения: 05.04.2017).
- Семёнов А. М.* История формирования Комиссии прошений в России // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы Международной научной конференции, 20—21 апреля 2016 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. Т. 1. С. 91—95.
- Соколов А. Р., Зимин И. В.* Благотворительность семьи Романовых, XIX — начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2015. 604 с.
- Устав Общества для пособия вдовам чиновников, не получающим пенсии из государственного казначейства. СПб.: Гос. тип., 1900. 18 с.
- Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1873. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388154/#page/973/mode/1up> (дата обращения: 09.09.2017).

References

- Gradovskii, A. D. (1907) Nachala russkogo gosudarstvennogo prava, pt. 2: Organy upravleniia [The beginning of the Russian state law, pt. 2: Governing bodies], in: *Sobranie sochineniĭ*, vol. 8, St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, available from https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_02000023264/viewer/?page=513 (accessed 10.09.2017).
- Istoriia razvitiia pensionnoĭ sistemy* [The history of the development of the pension system], available from <http://pfr.pba.su/Content/Read/282> (accessed 14.09.2017).
- Ivanova, O. A. (2013) Stolichnye vdov'i doma v Rossiĭskoi imperii v XIX — nachale XX v.: (Na primere Sankt-Peterburgskogo vdov'ego doma) [Widow's houses in the capital of the Russian Empire in XIX — early XX c.: (On example of Saint-Petersburg Widow's House)], *Otkrytyĭ tekst: Ėlektronnoe periodicheskoe izdanie*, available from <http://www.opentextnn.ru/nooroia/comp-hist-arch/?id=4952> (accessed 24.09.2017).
- Kantorovich, Ia. A. (1899) *Zakony o zhenshchinakh: (Sbornik vsekh postanovleniiĭ deĭstvuiushchego zakonodatel'stva, otnosiashchikhsia do lits zhenskogo pola)* [The laws about women: (A collection of decrees relating to females)], St. Petersburg: Izdanie Ia. A. Kantorovicha, available from https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003549987/viewer/ (accessed 07.09.2017).
- Kerzum, A. P., Leĭkind, O. L., Severiukhin, D. Ia. (2016) *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge, 1703—1918: Istoricheskaia ěntsiklopediia* [Charity in St. Petersburg, 1703—1918: Historical encyclopaedia], St. Petersburg: Liki Rossii.
- Leskov, N. S. (1989) Zakhudalyĭ rod [A decayed family], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 12 vols, vol. 6, Moscow: Pravda, pp. 3—190.
- Mironov, B. N. (2003) *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)*: in 2 vols [Social history of the Russian Empire (XVIII — beginning of XX c.)], vol. 1, St. Petersburg: Dmitriĭ Bulanin.
- Mukhina, Z. Z. (2012) Vdova v russkoi krest'ianskoi srede: traditsii i novatsii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.) [The widow in the Russian peasant milieu: traditions and innovations (second half of XIX — early XX c.)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 62—71.
- Posloviitsy. Pogovorki. Zagadki* (1986) [Proverbs. Sayings. Riddles], Moscow: Sovremennik.
- Rozhdestvenskiĭ, A. V. (1906) *Sem'ia pravoslavnogo khristianina* [The family of an Orthodox Christian], St. Petersburg: Obshchestvo rasprostraneniia religiozno-nravstvennogo prosveshcheniia v dukhe pravoslavnoi tserkvi, available from https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003693939/viewer/?page=5 (accessed 05.04.2017).
- Sbornik uzakonenii i rasporiashchenii po voennomu vedomstvu. O pravakh semeĭstv generalov i ofitserov, grazhdanskikh i meditsinskikh chinovnikov i sviashchennikov s prilozheniem form i pensionnykh tablits* (1887) [The collection of legalizations and orders in the military department. Rights of the families of generals and officers, civil and medical officials and priests with the application forms and pension tables], Warsaw: Tipografiia B. Kopchinskogo, available from http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003550682/viewer/?page=2 (accessed 05.04.2017).
- Semĕnov, A. M. (2016) Istoriia formirovaniia Komissii prosheniĭ v Rossii [The history of the formation of the Committee of Petitions in Russia], in: Skvortsov, V. N. (ed.), *XX iubileinye Tsarskosel'skie chteniia: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 20—21 apreliia 2016 g., vol. 1, St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina, pp. 91—95.
- Sokolov, A. R., Zimin, I. V. (2015) *Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovykh, XIX — nachalo XX v. Povsednevnaia zhizn' rossiĭskogo imperatorskogo dvora* [Charity of the Romanov

- family, XIX — beginning of XX c. Everyday life of the Russian Imperial court], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Ustav Obshchestva dlia posobiia vdovam chinovnikov, ne poluchaiushchim pensii iz gosudarstvennogo kaznacheistva* (1900) [The Charter Companies for payments to widows of officials who do not receive pensions from the state Treasury], St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia.
- Ustavy o pensiiakh i edinovremennykh posobiiakh* [The charter of pensions and lump sums], available from <http://www.runivers.ru/bookreader/book388154/#page/973/mode/1up> (accessed 09.09.2017).
- Veremenko, V. A. (2009) *Dvorianskaia sem'ia i gosudarstvennaia politika Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Noble family and the State policy of Russia (the second half of XIX — early XX c.)], 2nd ed., augm., St. Petersburg: Evropeiskii dom.
- Vissarion (Nechaev), episkop (1904) *Vdovstvo* [The widowhood], Moscow: Otdel rasprostraneniia dukhovno-nravstvennykh knig pri Moskovskom obshchestve liubitel' dukhovnogo prosveshcheniia.

Статья поступила 02.02.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Семёнов Алексей Михайлович — аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия, amsemenov92@gmail.com (Post-graduate student at the Department of History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Семёнова Ольга Александровна — младший научный сотрудник научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия, ivanova.olga.al@mail.ru (Junior Researcher at the Scientific Educational Center of Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 107—119
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.10

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 107—119
ББК 63.3(2)613-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.10

ПОЛИТИКА ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА 1920-х гг. И «КОНСТРУИРОВАНИЕ» МАТЕРЕЙ НОВОГО ТИПА: ОПЫТ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

М. В. Васеха

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, Maria.vasekha@gmail.com

Анализируются становление и механизмы работы института охраны материнства и младенчества в Сибири в области медико-санитарного просвещения женщин в 1920-х гг. Ранние советские идеологи в ходе «конструирования» нового быта и новой советской женщины не могли обойти стороной материнство как социальную функцию женщины. Создание на государственном уровне отдельного направления в политике — охраны материнства и младенчества было задумано с целью ускорить переход в фактическую плоскость декларированное Советами равенство мужчины и женщины. Политика охраны материнства и младенчества затрагивала практически все модернизационные начинания новой власти и должна была решить множество вопросов в области как здравоохранения, так и социальных преобразований. В рамках политики охраны материнства и младенчества демонтировались традиционные и конструировались новые, уже нормированные на государственном уровне практики родительства, и материнства в частности, играющие основополагающую роль при воспроизводстве социального порядка.

Ключевые слова: охрана материнства и младенчества, 1920-е гг., Сибирь, новая советская женщина, гендерный конструктивизм, женская история, агитация и пропаганда, материнство, медико-санитарное просвещение.

© Васеха М. В., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (XVIII—XXI вв.)».

**THE POLICY OF MOTHERHOOD
AND INFANTHOOD PROTECTION IN THE 1920s
AND “DESIGNING” OF A NEW TYPE MOTHERS:
THE EXPERIENCE OF THE SIBERIAN VILLAGE**

M. V. Vasekha

N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Maria.vasekha@gmail.com

The article analyzes the formation and operation mechanisms of the institution for the protection of motherhood and infancy in Siberia in healthcare and sanitation aspect in the 1920s. The early Soviet ideologists during the “construction” of the new lifestyle and the new Soviet woman could not ignore motherhood as a social function of woman. A distinctive feature of the national modernization was its state indoctrination; the young Soviet government pedaled the transformations in a comprehensive manner, paying particular attention to profound axiological changes in society. The project to combat the “old way of life” was very successfully implemented, one of its components being the policy of women’s emancipation and the direction of motherhood and infancy that supports this policy. For the first decade of these directions, the Soviets managed to lay a serious foundation of new values and demographic attitudes, patterns of behavior among young Soviet women. The motherhood and infancy protection policy affected virtually all modernization initiatives of the new government, and had to solve many issues in the field of healthcare and social transformations. Within the framework of the motherhood and infancy protection policy, traditional and new parenting and motherhood practices in particular, having a fundamental role in the reproduction of social order, were dismantled and constructed.

Key words: motherhood and infancy protection policy, 1920s, Siberia, new Soviet woman, gender construction, women’s history, agitation and propaganda, motherhood, medical and sanitary education.

Постановка проблемы

С установлением советской власти наша страна осуществила ускоренный модернизационный рывок в самых разных областях жизни. Отличительной чертой отечественной модернизации стал характер ее государственной индоктринации, молодая советская власть педалировала преобразования комплексно, уделяв особое внимание глубинным аксиологическим изменениям в обществе. Весьма успешно реализованным стал проект борьбы со старым бытом, одним из столпов которого была политика раскрепощения женщин и поддерживающее ее направление по охране материнства и младенчества. За первое десятилетие реализации этой политики Советам удалось заложить серьезный фундамент новых ценностных и демографических установок, паттернов поведения у молодых советских гражданок [Васеха, 2013]. Немаловажным достижением стало формирование матерей нового советского типа, которые, в свою очередь, уже в рамках нового быта должны были воспитывать «идеологически правильных» членов нового советского общества. Автор статьи считает важным рассмотреть ход реализации

этих глубинных преобразований через осуществление политики охраны материнства и младенчества на локальном материале (Западная Сибирь) в первое десятилетие их проведения.

В ходе написания работы были привлечены материалы периодической печати 1920-х гг. (журналы «Красная сибирячка», «Сибирский медицинский журнал», «Жизнь Сибири»), методические пособия для женотделов на местах и работы делегатов, архивные материалы, статистические данные, интервью с пожилыми информантами, родившимися в 1920-х гг. или помнившими рассказы старшего поколения об изучаемом периоде.

В 1918 г. при Наркомате государственного призрения РСФСР был создан отдел по охране материнства и младенчества (охрматмлад, как сокращенно называли данное направление в сибирской прессе) для «разработки вопросов и проведения неотложных мероприятий по охране и обеспечению материнства как социальной функции женщины и по охране младенчества как прямой обязанности государства» [Бильшай, 1956: 95]. Именно направление охраны материнства должно было дать «полное раскрепощение женщины, помочь ей совмещать труд и материнство» [Бравая, 1929: 202]. В программных трудах советских идеологов работа по охране материнства ставилась во главу угла всех советских преобразований. В 1919 г. В. И. Ленин писал, что именно успешная реализация проекта по охране материнства должна была дать «настоящее освобождение женщины» [Ленин, 1970: 24]. В 1925 г. Л. Д. Троцкий в программной статье «Строить социализм — значит освобождать женщину и охранять мать» отмечал: «Изменить в корне положение женщины можно, лишь изменяя все условия общественного и семейно-бытового существования. В том и выражается глубина вопроса о матери, что в этой живой точке пересекаются, в сущности, все решительные нити хозяйственной и культурной работы» [Троцкий, 1926: 28—29]. В. П. Лебедева, первый руководитель отдела охраны материнства и младенчества Наркомата здравоохранения РСФСР и одна из основателей первого Государственного научного института охраны материнства и младенчества описывала советскую систему охрматмлада как такую, которая «всегда имеет в виду женщину в процессе труда... и стремится облегчить ей выполнение этих функций без ущерба для ее функции биологической, связанной с воспроизводством общества» [Лебедева, 1934: 18].

Таким образом, отделу охрматмлада был вверен достаточно широкий круг вопросов: создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания, которые в деревнях были представлены сезонными полевыми яслями и детскими площадками. Сюда же относилась акушерская и родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребенку, борьба с беспризорностью детей ранних возрастов, организация трудовой помощи матерям-одиночкам, подготовка работ охраны материнства и детства [ГАНУ, д. 46, л. 25]. В данной статье автор сосредоточивается на таких важных аспектах в вопросе «конструирования» матери нового типа, как санитарно-гигиеническое просвещение женщин, охрана женского репродуктивного здоровья и здоровья новорожденных.

«Что нужно знать матери»¹

Советские идеологи от охрматмлада исходили из того, что крестьянки и работницы были чрезвычайно отстающими в санитарно-гигиенических познаниях, не способными оградить себя во время беременности и родов и своих новорожденных детей от различных заболеваний. Эта позиция была справедливо подкреплена данными статистики детской смертности, и младенческой в частности. Детская смертность до 5 лет в Сибири была выше, чем в европейской части РСФСР, почти на 10 % в сельской местности и 8 % в городах. В 1927 г. из каждой 1000 рожденных детей умерли почти 95 [Естественное движение населения... , 1930: 17—18]. Особенно высока была младенческая смертность (до 1 года) в сельской местности Сибирского края, она доходила до 220—350 смертей на каждую 1000 новорожденных сибиряков. Для сравнения: в Москве эта цифра составляла 130 смертей, а в Ленинграде — 149 на 1000 новорожденных [Хронин, 1928: 37].

Важно отметить, что в сельской местности Сибирского края в 1920-х гг. практически отсутствовала детская медицинская помощь. Даже в крупных сибирских городах состояние этого направления было в ужасающем состоянии: в 1925 г. детские врачи были только в Новониколаевске (9 врачей, в 1921 г. — ни одного), Барнауле (3 врача, в 1921 г. — 2), Омске (11 врачей, в 1921 г. — 1), Томске (14 врачей, в 1921 г. — 4), Красноярске (4 врача, в 1921 г. — 4) и Иркутске (10 врачей, в 1921 г. — 6). Больше педиатров на территории Сибирского края не было [Отдел информации, 1925].

Столь высокий показатель детской и младенческой смертности связывали не только с практически полным отсутствием какой-либо медицинской помощи на селе, но и с низкой грамотностью населения в санитарно-гигиенических вопросах. «Деревня страдала тогда от бескультурья, крестьянкам были чужды самые элементарные гигиенические навыки. Высокая детская смертность, заболеваемость женщин... засилье бабок» [Лебедева, 1934: 42] — так описывала В. П. Лебедева состояние дел в первое десятилетие советской власти.

Таким образом, санитарное просвещение матерей стало одним из основных направлений новой политики. В. П. Лебедева, подводя итоги своей двенадцатилетней работы в книге «Охрана материнства и младенчества в Стране Советов», одну из глав назвала «Патология материнства». Под словом «патология» она понимала не только и даже не столько медицинские патологии, обусловленные вынашиванием и родами, сколько «всю сумму явлений, которые характеризуют материнство как социальную функцию женщины», связаны с понятием «социальная обусловленность болезней» [там же]. Ранняя советская политика охраны материнства и младенчества предполагала осуществление массовой работы по санитарно-гигиеническому просвещению населения и внедрению навыков профилактики: проведение популярных лекций и бесед в деревнях, показы пропагандистских фильмов, организацию выставок (например, создание стенда, посвященного новым методам вскармливания искусственным путем — детскими смесями и др.), конкурсов грудных детей и недель ребенка. Выдвигалась идея выдавать матерям пособия по уходу за новорожденным, а в органах загса

¹ Название постоянной рубрики в журнале «Красная сибирячка».

снабжать всех брачующихся литературой по гигиене детства и материнства [Рецензия на брошюру... , 1926].

На практике же все выглядело далеко не столь оптимистично. В отчете о состоянии здравоохранения в Сибири за 1923 г. по поводу санитарного просвещения сибирский врач А. А. Грацианов отмечал: «В городах читается время от времени ряд лекций, правда часто довольно бездушно и мало интересных для народа, которые он слабо посещает. В деревнях же, к сожалению, в этом отношении ровно ничего не делается. Дело санитарного просвещения народа не может быть поставлено за отсутствием на местах библиотек, стационарных и подвижных выставок, домов санитарного просвещения и т. д.» [Грацианов, 1924: 63].

Новосибирский доктор А. И. Баландин в 1927 г., описывая работу по развертыванию здравоохранения в Сибири, характеризовал ее как «несомненно энергичную», в то же время о работе в области санпросвещения населения говорил осторожно, употребляя формулировку «более скромные достижения» [Баландин, 1927]. Врач разделял период «военного коммунизма», когда санпросвет «работал вширь» (листовки, беседы, агитлекции), и отмечал новый курс — «главным образом вглубь». В 1921—1922 гг. Сибирский центр санпросвета имел в штате почти 70 человек; работали библиотечный, агитационно-лекционный, школьно-курсовой отделы, художественная, литературно-издательская и музейно-выставочная секции. В отчетах за 1924 г. говорится о прочитанной 2281 лекции, из них в селах — 1279, с общим количеством слушателей 156 743 человека, из них в уездах — 99 257 человек. В 1925 и 1926 гг. количество лекций возросло до 8245 и 8827 соответственно. В Сибирском крае функционировало 2 дома санпросвещения, в 1926 г. начали работу 49 уголков здоровья (из них 16 в селах), 8 постоянных и 11 передвижных выставок, были показаны 43 театральные санпостановки и открыты 6 библиотек санпросвещения с общим числом читателей 320 человек [Баландин, 1927: 15].

Несмотря на, казалось бы, явный прогресс в работе направления и внушительные цифры, такой охват санпросветом носил скорее точечный характер для населения Сибири, не был сколько-нибудь упорядоченным и не менял санитарно-эпидемиологической картины края в целом. При очевидно низких показателях фактической работы с населением работу по санпросвещению пытались компенсировать изданием соответствующей литературы. В стране с 1923 г. по 1930 г. количество книг по уходу за ребенком и их тиражи стабильно росли. Если в 1925 г. было выпущено 8 новых книг по данной тематике, то в 1927 г. — 39, в 1929 г. — 65, в 1930 г. — 128 [Черняева, 2010: 456]. В 1920 г. отдел охраны материнства и младенчества создал свое издательство, и к концу 1920 г. общий тираж популярной литературы по уходу за ребенком составил 200 000 экземпляров [Материалы Первого Всероссийского совещания... , 1920], а к 1927 г. — 1 млн 114 тыс. экземпляров. Однако учитывая, что в Сибири в 1920-х гг. по официальной статистике только 9,2 % крестьянок были грамотными, вряд ли столь впечатляющие тиражи могли повлиять на общую картину в целом [Васеха, 2018]. Кроме того, в периодических женских изданиях, медицинских журналах теме воспитания матерей нового типа были посвящены постоянные рубрики. Так, например, в «Красной сибирячке» в рубрике «Что нужно знать матери»

освещались вопросы, касающиеся личной половой гигиены, протекания беременности, воспитания и кормления младенцев, приучения к горшку, приемов социализации детей и профилактики различных детских заболеваний и др. Понимая свою читательскую аудиторию, авторы этого сибирского журнала обращались к сибирячкам на доступном языке, информация часто была облечена в форму жизненной истории, которая «случилась» с простой крестьянской женщиной, возможно соседкой (см., напр.: [О беременности, 1925]).

Женское здоровье

На страницах женских и медицинских журналов, помимо тем, связанных с материнством, часто затрагивались насущные проблемы, касающиеся женского здоровья. Так, рассказывалось о причинах выпадения матки и возможностях лечения этого заболевания. Причина этого, к сожалению, весьма распространено в исследуемое время женского недуга описывается очень красочно: «В страдную пору на счету каждая рука. Тут уже некогда разбираться, больна ли женщина или нет — становись на работу. Иногда женщина не успеет родить, а уже ей приходится и жать, и убирать. Зимой и в холод ходит она на речку, иногда за целую версту, полоскать белье. Стоит на коленках, руки стыннут, встает — еле разогнется, с речки тащит на себе мокрое белье, а у самой уже как два месяца в животе ребенок шевелиться стал; как следствие, болеет деревенская женщина частенько. Мужчина в 45 лет еще молодой, а баба выглядит совсем старухой» [Что за болезнь... , 1925: 29]. На страницах прессы нередко высказывались призывы к женщинам заботиться о своем репродуктивном здоровье, например делать физиологические перерывы между беременностями и родами для полного восстановления организма, не поднимать тяжести, переходить к более щадящим видам работы во время беременности.

Особо подчеркивалось, что во время беременности женщина должна всячески оберегать свой плод, в том числе использовать положенный по закону отдых перед родами: «Материнство начинается не с момента рождения ребенка, а с момента зачатия» [Что такое охрматмлад, 1923: 81]. Для того чтобы правильно родить и растить ребенка в первые месяцы его жизни, как убеждали авторы на страницах «Красной сибирячки», необходимо находиться под наблюдением специалиста. Это служило главным обоснованием посещения женщинами учреждений сети охрматмлада. На страницах печатных изданий часто говорилось о том, что роды и воспитание детей в первые месяцы жизни без наблюдения врача из-за отсутствия знаний у многих молодых матерей были неправильными, поэтому ребенок часто калечился [там же: 82]. Приводились данные, согласно которым за февраль 1923 г. в Омске на волне ликвидаторских настроений по отношению к охране материнства и младенчества погибло более 75 % новорожденных. Вследствие этого популярно разъяснялись задачи и цели охраны материнства и младенчества, польза соответствующих учреждений и необходимость обращения в них женщин.

Среди сибирской периодической литературы выделяется «Сибирский медицинский журнал», являвшийся печатным органом Управления Уполномоченного Наркомздрава по Сибири. Этот источник весьма ценен для исследователя, поскольку градус пропаганды в нем не столь высок. Его читающей публикой

была узкая группа профессионалов, обсуждавшая здесь реальное состояние дел, насущные проблемы. В журнале одной из постоянных стала рубрика «Охрана материнства, младенчества и детства», где освещались различные аспекты работы в этой области в Сибирском крае: плановые обследования здоровья детей в разных городах Сибири, отчеты об организации детских летних оздоровительных кампаний, представление последних работ с рекомендациями по санитарно-просветительской деятельности и охране материнства и младенчества, политика развития этого направления здравоохранения, сведения о состоянии вопроса в разных районах края и др. Помимо специализированных статей, публиковались популярные лекции санитарно-гигиенического содержания, которые можно было использовать для чтения вслух крестьянам. В лекциях на санитарные темы рассказывалось о том, как избежать заражения кишечными заболеваниями, ухаживать за новорожденными и грудными детьми. Там же публиковали основные симптомы заболеваний у детей и методы оказания первой помощи, однако главным средством борьбы с детской смертностью все авторы статей называли содержание ребенка в яслях. Обосновывалась острая необходимость открытия в сельской местности летних яслей. Во всех газетах и журналах для женщин хотя бы один материал был посвящен проблеме устройства яслей в деревне, конкретным мерам по их организации.

В целом методы традиционного воспитания детей в крестьянских условиях получили в советской пропагандистской и профессиональной литературе охрматмлада обобщающее название «плохой уход». Предметом особой борьбы стала широко распространенная крестьянская традиция давать младенцам соски с жеваным мякишем. Эта тема вышла на просторы массовой пропаганды и нашла отражение в плакатах, см., например, агитплакаты «Соски и жвачки погубили больше крестьянских детей, чем пули солдат» (автор неизвестен, 1925 г.)² и «Отчего в России умирает так много грудных детей? Вследствие раннего прикорма кашей и жеваной соской» (В. Спасский, 1920-е гг.). На агитплакатах груднички призывали родителей — представителей «старого мира» — ухаживать за ними в соответствии с требованиями нового быта: начинать прикорм не ранее 6 месяцев и в соответствии с нормативными советскими стандартами (которые печатались тут же), не пользоваться чепцами и свивальниками, не давать грудничкам коровье молоко, а кормить материнским, чаще проветривать помещение и делать влажную уборку. Отдельная группа агитплакатов призывала не наказывать и не бить ребенка в семье, поскольку это «задерживает его развитие и портит характер» (А. Лаптев, 1929 г.). Вместо семейного воспитания посредством наказания плакаты призывали отвести ребенка в сад, школу, пионеротряд. Или: «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить» (Н. Поманский, 1928 г.).

Однако, как отмечали современники, пропаганда санитарно-гигиенических норм и педиатрических наставлений среди крестьянок-сибирячек часто наталкивалась на глухую стену непонимания. Так, в дневнике учительницы из села Копкуль Купинского района Барабинского округа М. Г. Ритмейстер написано: «Из Купина приехала врач и давала консультацию по многим вопросам.

² Этот и другие плакаты, напечатанные охрматмладом Народного комиссариата здравоохранения в Москве в 1925 г., см. в Приложении к статье.

Особенно о рахите у малышей. Женщины уважительно слушали поучения врача. А когда она уехала, дружно заговорили: «Прямо смехота! Что выдумано: детишек какими-то хрутками кормить и морковью!»» [Судьба учителя, 2001: 43]. К тому же составители методичек для матерей часто не учитывали социально-экономического контекста своей аудитории, и призыв поить детей фруктовыми соками (апельсин, виноград) выглядел чем-то из разряда фантастики в глазах сибирских крестьянок.

Борьба ранних советских идеологов за гигиену как бытовую, так и социальную была призвана снизить высокую детскую и младенческую смертность сибирского населения, обратить внимание на женское здоровье (ведь теперь женщина не только мать, но и работница-общественница!) и в целом глобально изменить бытовые условия крестьянской семьи, традицию воспитания молодого поколения, весь жизненный уклад. Поколение матерей-сибирячек в 1920-х гг. было не готово воспринимать новшества, касающиеся отлаженных механизмов родительских практик поведения и воспитания, и позволять государству не только контролировать процесс родовспоможения, но и диктовать новые, «советские», условия ухода за новорожденными и воспитания детей, т. е. становиться матерями нового, советского, типа. Советские идеологи, осознавая это внутреннее сопротивление населения, делали ставку на раннее общественное воспитание молодого поколения — такой институт формирования «нового человека», как ясли и детские сады/площадки.

Заключение

Несмотря на заявленный высокий статус программы охраны материнства и младенчества, при мизерном, по масштабам поставленных задач, финансировании эта социальная работа даже на рубеже 1920—1930-х гг. была развита слабо. В Сибири 1920-х гг. эта программа носила в большей степени декларативный характер. Однако в масштабах всей страны, имевшей схожие с сибирскими сложности политики в области охраны материнства и младенчества, центральное советское руководство все же отмечало определенные успехи по различным показателям. Так, например, Л. Д. Троцкий в речи «Охрана материнства и борьба за культуру», произнесенной 7 декабря 1925 г. на III Всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества, отметил положительную динамику в статистике младенческой смертности по сравнению с 1913 г. [Троцкий, 1926: 7].

В начале 1930-х гг. состояние дел охрматмлада в Сибири было признано не отвечающим «нужным темпам» по многим показателям. На объединенном заседании президиума Западносибирского крайкома ВКП(б) и коллегии крайРКИ в июне 1931 г. было принято решение, в котором отмечалось, что органы здравоохранения не использовали в своей работе всех возможностей для выполнения директивы ЦК ВКП(б), не смогли повсеместно привлечь широкую общественность к вопросам охраны материнства и младенчества. Недостаточная степень вовлеченности женщин в производство, по мнению участников заседания, также была следствием слабо поставленной работы по линии охрматмлада. Таким образом, работу в области охраны материнства и младенчества в Сибири

за 1920-е гг. оценили как «недостаточную, слабо организованную и медленную» [ГАНУ, д. 32, л. 19]. В 1930-х гг. она вышла на новый, более интенсивный, виток своего развития, а ее характер стал прессинговым и общеобязательным.

Советские идеологи предполагали не только осуществить глобальную перестройку в области повышения медицинских, гигиенических и педагогических знаний, но в целом повлиять на женские жизненные стратегии, изменить отношение к планированию семьи (в связи с вовлечением женщин в трудовые и общественные отношения), процессу деторождения и дальнейшему воспитанию нового поколения. Интересно, что при анализе методических пособий, прессы, агитационной литературы вполне закономерно встает вопрос о роли отца в глубинных советских трансформациях. Автор выявила основной призыв к главам семейств: не мешать происходить трансформациям в новом советском обществе, которые во многом осуществлялись женскими силами. Просто не мешать, не оказывать этим новшествам сопротивления. Вероятно, именно в исследуемый период было положено начало уменьшению роли мужчины в советской семье, низведению его до статуса добытчика, кормильца.

Создание новых советских нормативов материнского поведения и активное обличение «старых» (традиционных) практик воспитания детей (особому остракизму подвергались методы воспитания в крестьянских семьях) вызывали непонимание и неприятие со стороны сибирских матерей-крестьянок. Призывы к крестьянкам беречься во время беременности наталкивались на невозможность выполнить это условие при ведении домашнего хозяйства, особенно в период полевых работ. Можно резюмировать, что жительницы сибирской деревни 1920-х гг. фактически не пользовались институтами охрматмлада: отсутствие женских консультаций и акушеров в сельской местности, а также слабая подготовка молодых советских медицинских кадров не оставляла другого выбора, кроме как родов по старинке у сельских повитух. Даже если работник санпросвета доезжал до села, женщины не воспринимали новую информацию и продолжали по традиции ухаживать за новорожденными детьми. Требования к матерям со стороны государства развивать свои социально-педагогические компетенции также не вызывали энтузиазма среди сибирячек. Тем не менее именно в 1920-х гг. была создана целая философия, заложены социальные и медицинские основы отечественной системы охраны материнства и детства, безусловно претерпевавшей те или иные трансформации в разные исторические периоды, но вполне успешно действующей вот уже на протяжении практически ста лет.

Библиографический список

- Баландин А. И.* Санитарное просвещение в крае в начале Октября и теперь // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 10—11. С. 14—17.
- Бильшай В. Л.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1956. 247 с.
- Бравая Р. М.* Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР: исторический очерк. М.: Гос. мед. изд-во, 1929. 261 с.
- Васеха М. В.* Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг.: (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4—2 (80). С. 43—46.

- Васеха М. В.* «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. 2018. Т. 17, № 5. С. 150—160.
- ГАНУ (Государственный архив Новосибирской области). Ф. 1353 (Отдел здравоохранения Запсибкрайисполкома (1925—1937)). Оп. 1.
- Грацианов А. А.* Здравоохранение Сибири: (по территориям, входящим в Сибревком (Омская, Алтайская, Новониколаевская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии)) // Жизнь Сибири. 1924. № 2. С. 52—81.
- Естественное движение населения в Сибкрае за 1925/27 гг. / Сиб. краев. стат. отд. Новосибирск: Сибполитграфтрест, 1930. 95 с.
- Лебедева В. П.* Охрана материнства и младенчества в Стране Советов. М.; Л., 1934. 262 с.
- Ленин В. И.* Великий почин // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 5—29.
- Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества, Москва, 1—5 декабря 1920 г. М.: Отд. охраны материнства и младенчества Наркомздрава, 1920. 159 с.
- О беременности // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 23.
- Отдел информации // Сибирский медицинский журнал. 1925. № 3. С. 44.
- Рецензия на брошюру А. Н. Антонова «Санитарно-просветительская работа по охране матмлада» // Сибирский медицинский журнал. 1926. № 4. С. 88—91.
- Судьба учителя // Судьба человеческая. Новосибирск: Новосиб. гос. обл. дом нар. творчества, 2001.
- Троцкий Л. Д.* Охрана материнства и борьба за культуру. М.: Охрана материнства и младенчества, 1926. 32 с.
- Хронин В.* Первая наметка пятилетнего развития Сибирского края // Жизнь Сибири. 1928. № 5. С. 37.
- Черняева Н. А.* «Что должна знать работница-мать»: учебники по уходу за детьми в конструировании нормативного материнства в СССР, 1917—1930 // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы Третьей Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН, 1—3 ноября 2010 г., Череповец. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010. Т. 1. С. 454—460.
- Что за болезнь — выпадение матки // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 29.
- Что такое охрматмлад // Красная сибирячка. 1923. № 11—12. С. 81—82.

References

- Balandin, A. I. (1927) Sanitarnoe prosveshchenie v krae v nachale Oktiabria i teper' [Sanitary education in the territory at the beginning of October and now], *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, no. 10—11, pp. 14—17.
- Bil'shaĭ, V. L. (1956) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [Solution of the female issue in the USSR], Moscow: Gospolitizdat.
- Bravaia, R. M. (1929) *Okhrana materinstva i mladenchestva na Zapade i v SSSR: Istoricheskiĭ ocherk* [Protection of motherhood and infancy in the West and in the USSR: Historical essay], Moscow: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo.
- Cherniaeva, N. A. (2010) "Chto dolzhna znat' rabotnitsa-mat'": uchebniki po ukhodu za det'mi v konstruirovanii normativnogo materinstva v SSSR, 1917—1930 ["What should a worker-mother know?": Textbooks on childcare in designing normative maternity

- in the USSR, 1917—1930], in: *Zhenskaia istoriia i sovremennye gendernye roli: pereosmyslivaia proshloe, zadumyvaias' o budushchem: Materialy Tret'eĭ Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiĭskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoĭ istorii i Instituta etnologii i antropologii Rossiĭskoi akademii nauk*, 1—3 noiabria 2010 g., Cherepovets, vol. 1, Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiĭskoi akademii nauk, pp. 454—460.
- Chto takoe okhrmatmlad (1923) [What is ohrmatmlad], *Krasnaia sibirichka*, no. 11—12, pp. 81—82.
- Chto za bolezn' — vypadenie matki (1925) [What kind of disease — prolapse of the uterus], *Krasnaia sibirichka*, no. 5, p. 29.
- Estestvennoe dvizhenie naseleniia v Sibkrae za 1925/27 gg.* (1930) [The natural movement of the population in Siberian region for 1925/27], Novosibirsk: Sibpolitgrafrest, pp. 17—18.
- Gratsianov, A. A. (1924) Zdravookhranenie Sibiri: (Po territoriiam, vkhodiashchim v Sibrevkom (Omskaia, Altaĭskaia, Novonikolaevskaia, Tomskaia, Eniseĭskaia, Irkutskaia gubernii)) [Healthcare in Siberia: (In the territories included in Sibrevkom (Omsk, Altaĭ, Novonikolaevsk, Tomsk, Eniseĭ, Irkutsk provinces))], *Zhizn' Sibiri*, no. 2, pp. 52—81.
- Khronin, V. (1928) Pervaia nametka piatiletnego plana razvitiia Sibirskogo kraia [The first outline of the five-year plan for the development of the Siberian territory], *Zhizn' Sibiri*, no. 5, p. 37.
- Lebedeva, V. P. (1934) *Okhrana materinstva i mladenchestva v Strane Sovetov* [Protection of motherhood and infancy in the Country of the Soviets], Moscow, Leningrad.
- Lenin, V. I. (1970) Velikiĭ pochin [Great initiative], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 39, Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 5—29.
- Materialy Pervogo Vserossiĭskogo soveshchaniia po okhrane materinstva i mladenchestva* (1920) [Materials of the First All-Russia maternity and infant care conference], Moscow, 1—5 dekabria 1920 g., Moscow: Otdel okhrany materinstva i mladenchestva Narodnogo komissariata zdravookhraneniia.
- O beremennosti (1925) [About pregnancy], *Krasnaia sibirichka*, no. 1, p. 23.
- Otdel informatsii (1925) [Information department], *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, no. 3, p. 44.
- Retsenziia na broshuru A. N. Antonova “Sanitarno-prosvetitel'skaia rabota po okhrane matmlada” (1926) [A review of the brochure of A. N. Antonov “Sanitary-educational work on the protection of matmlad”], *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, no. 4, pp. 88—91.
- Sud'ba uchitelia (2001) [The fate of the teacher], in: *Sud'ba chelovecheskaia*, Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi oblastnoi dom narodnogo tvorchestva.
- Trotskii, L. D. (1926) *Okhrana materinstva i bor'ba za kul'turu* [Maternity protection and the struggle for culture], Moscow.
- Vasekha, M. V. (2013) Vovlechenie zhenshchin v protsess stroitel'stva sovetskogo obshchestva v 1920-e gg.: (po materialam iuga Zapadnoi Sibiri) [The involvement of women in the construction of Soviet society in the 1920s: (Based on materials from the south of Western Siberia)], *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4—2 (80), pp. 43—46.
- Vasekha, M. V. (2018) «Krest'ianka gramotnaia»: likbez v Zapadnoi Sibiri i konstruirovanie novogo patterna zhenskogo povedeniia v 1920-e gg. [«Peasant literacy»: educational program in Western Siberia and the construction of a new pattern of female behavior in the 1920s], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 17, no. 5, pp. 150—160.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрации

1

2

3

4

Список иллюстраций

1. Неизвестный художник. Соски и жвачки погубили больше крестьянских детей, чем пули солдат (Материнство и детство в русском плакате: альбом / сост. А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. М.: Контакт-Культура, 2006. С. 17).
2. С. Ягужинский. Дети не должны умирать! (Материнство и детство в русском плакате: альбом / сост. А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. М.: Контакт-Культура, 2006. С. 16).
3. О. Грун. Что должна знать каждая женщина (Все галереи и музеи. Плакаты ру. Виртуальная галерея. URL: <https://artchive.ru/galleries/52/publications/3944> (дата обращения: 25.07.2018)).
4. А. Комаров. Всем вам, бабы, надо знать, как ребенка воспитать! (Фрагмент) (Советский политический плакат. Коллекция С. Григоряна. URL: <http://redavantgarde.com/collection/show-collection/2393-all-of-you-women-you-need-to-know-how-to-raise-a-child.html> (дата обращения: 25.07.2018)).

Статья поступила 27.07.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Васеха Мария Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, Maria.vasekha@gmail.com (Cand. Sc. (History), Research Fellow, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Силласте Г. Г.** Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка 3
- Кашина М. А., Василенко Л. А.** Фрактальность гендерных отношений и использование гендерного ресурса государственной политики и управления в современной России 17
- Крылова Н. Л., Ксенофонтова Н. А., Прокопенко Л. Я., Гришина Н. В.** Африка в гендерном измерении (К 30-летию гендерных исследований в российской африканистике) 32

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А.** Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории 43
- Сунгурова Н. Л., Ильина Е. В.** Особенности удовлетворенности трудом и представлений о временной перспективе работающих женщин среднего возраста 52
- Карташкова Ф. И., Савина Н. А.** Специфика невербального поведения женщины в российской и американской видеорекламе 62

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Абдуллаева Ш. А., Ростовская Т. К., Ростовская Н. А.** Женский вопрос в Азербайджане в периодической печати 1903—1913 гг. 74
- Машковцев А. А., Машковцева В. В.** Роль женщины в религиозном инакомыслии в XIX — начале XX в. (На материалах Вятской губернии)..... 87
- Семёнов А. М., Семёнова О. А.** Положение дворянской вдовы в России в XIX в. 98
- Васеха М. В.** Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни 107
- Информация для авторов* 120

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

GENDER POLITOLOGY

- Sillaste G. G.** Social transitions and the formation of a new gender order 3
- Kashina M. A., Vasilenko L. A.** Fractality of gender relations and the use
of gender resource of the public policy and administration
in modern Russia 17
- Krylova N. L., Xenofontova N. A., Prokopenko L. Ya., Grishina N. V.**
Gender dimension of Africa (On the occasion of the 30th anniversary
of Russian gender studies of Africa) 32

SOCIAL SCIENCES

GENDER SOCIOLOGY

- Balditsyna E. I., Baklanov I. S., Baklanova O. A.** Gender identity studies
in the modern social theory: research features 43
- Sungurova N. L., Il'ina E. V.** Work satisfaction and time outlook peculiarities
of working middle-aged women 52
- Kartashkova F. I., Savina N. A.** Specificity of female nonverbal behavior
in Russian and American video advertising 62

HISTORICAL SCIENCES

GENDER HISTORY

- Abdullaeva Sh. A., Rostovskaya T. K., Rostovskaya N. A.** Feminine issues
in the Azerbaijani media in 1903—1913 74
- Mashkovtsev A. A., Mashkovtseva V. V.** Woman's role in religious dissent
in the XIX — early XX c. (On the materials of Vyatka province) 87
- Semenov A. M., Semenova O. A.** The status of noble widows in Russia in the XIX c. 98
- Vasekha M. V.** The policy of motherhood and infancy protection in the 1920s
and “designing” of a new type mothers: the experience of the Siberian village 107
- Information for the authors* 120

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 — 2019

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 19.06.2019 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 67. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

